Вестник Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(24)

Издательство РАУ

N 3/2016

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ

ՍԵՐԻԱ՝

ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(24)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 3/2016

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(24)

Издательство РАУ

N 3/2016

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский университет, 2016г.

ISSN 1829-0450

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Политология

Экономика

Юриспруденция

ПОЛИТОЛОГИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О.Л. Саркисян, Н.А. Дунамалян

АННОТАЦИЯ

С 3-го по 5-ое ноября 2016 г. в Российско-Армянском университете состоялся Второй международный научно-практический форум «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Мероприятие было приурочено к 25-летию независимости Республики Армения и 20-летию Российско-Армянского университета. Форум был организован при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Работа форума проводилась в формате конференции по проблемам национальной безопасности, различных круглых столов, заседания экспертного клуба «Армения-Россия». Данная статья подготовлена на основе обзора работ форума.

Ключевые слова: национальная безопасность, глобальная безопасность, региональная безопасность, стратегическая культура, публичная дипломатия, национальная идентичность.

Проблематика национальной безопасности стала особо актуальной в современном интенсивно меняющемся мире. Осознание актуальности проблематики национальной безопасности предполагает необходимость ее научного исследования. Эту цель ставит перед собой функционирующая в Российско-Армянском университете «Лаборатория стратегических исследований в области национальной безопасности» (ЛСИНБ). Но научное исследование такого сложного и многоуровневого явления как национальная безопасность предполагает множество подходов и многообразие аспектов исследования, что невозможно полностью охватить в рамках деятельности лаборатории. Поэтому, уже традиционно, в начале ноября в РАУ усилиями ЛСИНБ организуется научный форум с участием специалистов из разных сфер социально-гуманитарного знания с целью осветить междисциплинарные аспекты исследования национальной безопасности.

На этот раз в работах форума приняли участие ученые из Армении, Арцаха, Беларуси, Болгарии, России и Таджикистана. В рамках форума была проведена традиционная конференция в пяти секциях: вопросы глобальной и

региональной безопасности, социально-политические аспекты национальной безопасности, проблема национальной идентичности в контексте вызовов национальной безопасности, стратегическая культура и публичная дипломатия в контексте национальной безопасности, молодежная секция. Были проведены также четыре круглых стола: «Социально-гуманитарные науки в контексте вызовов современности», «Проблемы экономической безопасности», «Правовые аспекты национальной безопасности», «Южный Кавказ: проблемы региональной безопасности». Состоялось также первое заседание экспертного клуба «Армения-Россия».

Исследование национальной безопасности предполагает выделение как общих, стандартных для разных государств и народов вызовов, так и – специфичных для конкретных регионов и государств. С этой точки зрения, первоочередное значение приобретает конкретный пространственно-временной контекст, в котором существует объект исследования. Данная методологическая установка особо важна для исследования вызовов национальной безопасности Республики Армения, где глобальные и стандартные вызовы безопасности сопряжены со специфичными геополитическими, цивилизационными, социально-политическими и др. особенностями. Четверть века существования независимой Республики Армения свидетельствует об особой значимости учета конкретной геополитической ситуации и цивилизационного контекста для описания и осмысления рисков национальной безопасности. На это обстоятельство обратил внимание ректор Российско-Армянского университета А.Р. Дарбинян в своем выступлении на открытии форума. По его словам, проблема национальной безопасности в контексте современной геополитической ситуации и, в частности, развития Армении на протяжении последних лет имеет определяющее значение для построения концепций будущего страны. Он акцентировал цивилизационную миссию Армении: «Мы можем и должны стать коммуникатором и ретранслятором ценностей с Востока на Запад и с Запада на Восток». Главным же фактором сохранения и развития национальной идентичности на данном этапе развития А.Р. Дарбинян назвал независимое армянское государство: «Сегодня мы, граждане независимой страны, обязаны процветать и найти собственную формулу социального, государственного успеха».

Обеспечение национальной безопасности предполагает сведение к минимуму разнообразных рисков и угроз как внешних, так и внутренних. Эти угрозы и механизмы их минимизации должны быть осмыслены научно. Именно научный анализ должен лежать в основе выработки стратегических

проектов развития. Однако очевидно, что проблематика национальной безопасности настолько широка и разноаспектна, что не может быть исчерпана в рамках исследований какой-либо сферы социально-гуманитарного знания. Следовательно, исследование национальной безопасности предполагает комплексный, междисциплинарный подход. Именно этот вопрос был одним из основных, рассмотренных на круглом столе «Социальные науки в контексте вызовов современности». На фоне приоритетности технологического развития зачастую нивелируется роль и значение социально-гуманитарных наук в контексте развития современного общества. По «авторитету» этих наук наносит определенный удар также неизбежная, по всей видимости, частичная идеологизация этих сфер научного знания, особенно в тех случаях, когда они напрямую обслуживают интересы власти, легитимизируют ее политику, пытаясь, в той или иной степени, манипулировать общественным сознанием. Из данного факта делается некорректный с логической точки зрения вывод, что социально-гуманитарные науки из-за чрезмерной субъективности и нагруженности интересами не могут сыграть позитивной роли в развитии современного общества. Другим результатом такого подхода является противопоставление социально-гуманитарного знания естественно-научному и технологическому, как объективным, беспристрастным и точным отраслям знания. В целом, делается вывод о кризисе в социальных науках.

Неслучайно, что участники круглого стола сначала обсудили проблему определения и уточнения теоретико-методологических основ и понятийно-категориального аппарата социальных и политологических исследований в контексте развития социально-гуманитарных дисциплин. Этот вопрос поставил модератор круглого стола проректор по науке РАУ П.С. Аветисян. Он также сформулировал проблему соотношения западной и восточной социально-гуманитарной науки и месте армянской науки в этом соотношении. Профессор К.А. Мирумян выдвинул мнение, что были эпохи, когда Армения выполняла роль своеобразного цивилизационного моста между Западом и Востоком, и именно в этом ракурсе нужно понимать роль армянской социально-гуманитарной мысли на современном этапе.

Заведующий кафедрой политологии РАУ О.Л. Саркисян отметил, что, во-первых, разделение социально-гуманитарной мысли на восточную и западную достаточно условно. Во-вторых, он обратил внимание на то, что западная социальная наука достигла значительных успехов в прикладной сфере из-за допущения манипуляции над объектом исследования (обществом и социальными явлениями). Он призвал участников круглого стола

задуматься об этом: то, что в естественных и технологических науках воспринимается как должное (манипуляция над объектом исследования), насколько легитимно в социально-гуманитарной сфере.

Обращаясь к вопросу кризиса социально-гуманитарных наук, исполнительный директор фонда «Нораванк» Г.А. Арутюнян отметил, что на самом деле речь должна идти не о кризисе науки, а сфер социальной реальности (экономика, политика и т.д.), являющихся объектами исследования социальных наук. Действительно, очевидно, что социальная реальность развивается все интенсивнее и интенсивнее, что ставит новые проблемы перед социальными науками, стимулирует их развитие. Эту точку зрения поддержал директор Института международных отношений Пятигорского государственного университета В.Н. Панин, утверждая, что основа кризиса гуманитарной науки заключается в динамике современных процессов, нуждающихся в адекватном реагировании на вызовы. По его мнению, западные или восточные модели социальных наук неприменимы на постсоветском пространстве в силу определенных геополитических особенностей, а также различной системы организации мышления, выражающаяся в особой ментальности отдельного ученого. Поэтому постсоветское научное сообщество должно поставить вопрос о своем месте в общемировой системе социально-гуманитарной науки, имеющую не только научно-познавательную и образовательную функцию, но и так называемую гражданско-патриотическую. Отечественная социальная наука, как российская так и армянская, должна исследовать работающие модели западной социальной науки и разрабатывать свои собственные модели, основанные на национальной специфике.

Широкий круг актуальных проблем был затронут в докладах на секции «Социально-политические аспекты национальной безопасности». Прозвучали выступления о теоретико-методологических аспектах исследования национальной безопасности, демографических аспектах безопасности, проблемах энергетической безопасности, борьбе с терроризмом, информационной безопасности в контексте политических коммуникаций, социальной безопасности и др.

Традиционно весьма актуальны вопросы глобальной и региональной безопасности. В современных условиях бурного, иногда нестандартного развития международных отношений некоторые специалисты пришли к заключению, что рушится устоявшийся миропорядок, наступает фаза формирования новой парадигмы международных отношений. В подобных условиях осмысление вопросов национальной безопасности в контексте меняющегося

миропорядка приобретает первостепенное значение. Эти вопросы обсуждались на секции «Проблемы глобальной и региональной безопасности». В своих докладах некоторые участники конференции рассмотрели риски, связанные с разнообразными неурегулированными конфликтами (в том числе – этнополитическими): сирийский, приднестровский, нагорно-карабахский. Были выступления, где анализировались проблемы безопасности в контексте исследования двусторонних отношений: Россия-Турция, Армения-Азербайджан, Армения-Турция. Наконец, были рассмотрены риски безопасности в контексте развития интеграционных проектов, в том числе, евразийской интеграции.

Логическим продолжениемданной секции сталкруглый стол «Южный Кавказ: проблемы региональной безопасности», на котором старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО Николай Силаев и армянский политолог, заместитель директора Института Кавказа Сергей Минасян представили текущее состояние региональной безопасности на Южном Кавказе на уровне взаимоотношений между странами региона и Российской Федерацией, а также обсудили некоторые вопросы влияния апрельских событий в зоне карабахского конфликта на актуальную растановку сил.

Н.Ю. Силаев отметил, что российская внешняя политика носит реалистичный характер и характеризуется фактором экономии ресурсов. В отличие, например, от США, которая может позволить себе вложить большие ресурсы для организации своей внешней политики далеко за ее пределами, российская внешняя политика более консервативна. Докладчик выдвинул тезис, что в быстроменяющемся мире заранее продуманные стратегии и внешнеполитический курс могут быть неэффективны. Сдвиг центра тяжести мировой политики с Запада на Восток влияет на ситуативность российской внешнеполитической повестки дня, так как традиционные направления внешней политики в будущем для России отойдут на второй план.

Курс России на Южном Кавказе сводится к нескольким пунктам:

1. к границам России не должны приближаться военные блоки к которым Россия не принадлежит (НАТО), в обратном случае Россия окажет сопротивление, вплоть до применения военной силы;

2. исключить или минимизировать военные конфликты в прилегающих к ней территориях;

3. Россия рассматривает «провал государственности» в соседних ей государствах неприемлемой, и угрозой национальной безопасности РФ.

Сложилось мнение, что РФ умеет хорошо управляться с военно-политическим арсеналом во внешней политике, но не понимает остального инструментария: культурного, экономического, интеллектуального влияния. Но все эти факторы учитываются и отражаются в ее отношении к политике смены политических режимов, или по отношению к активному проникновению западного финансового капитала на постсоветском пространстве. У России даже был опыт применения таких технологий (Крым, Абхазия, Киргизия).

Внешняя политика РФ строится также через интеграционные проекты ОДКБ и ЕАЭС. Так, ОДКБ – «мягкий» военно-политический союз, который не предполагает автоматических действующих гарантий и представляет из себя систему двусторонних связей, причиной чего является неравносильность, разные масштабы государств-членов ОДКБ.

С.М. Минасян в своем выступлении обратился к анализу так называемой «четырехдневной войны» в апреле 2016г. По мнению докладчика, апрельская эскалация карабахского конфликта может быть определена как конфликт средней интенсивности, но не «война». Причина эскалации усматривается в контексте российско-турецких отношений этого периода, а также внутриполитическими проблемами политического и экономического характера в Азербайджане.

Роль апрельской эскалации для региона заключается в формировании новой ситуации на Южном Кавказе при включении в процесс внешних факторов, а также факторов внутриполитических противоречий в странах региона. Кризис доверия к России со стороны общественности РА и НКР и экономические факторы действий азербайджанского руководства, а также последующие события, имеющие характер внутриполитических противоречий, составляют часть глобальной картины современных мировых процессов, ведущих к переоценке определенных элементов национальной безопасности. После апрельских событий мы сталкиваемся с качественно новой ситуацией как с технической, так и с политической точки зрения, которая может привести к новому этапу военно-технической гонки вооружения в регионе.

Основным итогом апрельской эскалации стало политические оценки, согласно которым Нагорно-Карабахский конфликт, который прошел все присущие этнополитическим конфликтам традиционные этапы, не может быть урегулирован в ближайшее время, но, с другой стороны, приоритетность нагорно-карабахского конфликта позволила создать систему сдержек и противовесов, которые не позволяют возобновиться военным действиям. Военно-технический и военно-стратегический баланс сохранился, но в то же

время подтвердились опасения о проблемах поставки вооружения, а именно тех видов, которые действительно могли изменить баланс.

Общий формат российско-армянских взаимоотношений, по мнению С.М. Минасяна, характеризуется способностью России обеспечивать безопасность Армении. Для России же, Армения гарант и проводник ее стратегического присутствия на Южном Кавказе и ближневосточном регионе. Этот вопрос связывает не только Армению и Россию, но и Азербайджан. Будущее региональных политических процессов будет зависеть от способности Москвы обеспечить баланс между этими акторами, в противном случае эскалации подобно апрельской могут повторяться, после которых общественные настроения в Армении могут измениться не в пользу России.

В рамках конференции была организована также отдельная секция «Проблема идентичности в контексте национальной безопасности». Организаторы исходят из глубокой уверенности, что некоторые аспекты проблематики исследования идентичности напрямую связаны с исследованием национальной безопасности.

В 2015–2016гг. в рамках Программы развития РАУ реализовывался исследовательский проект «Осмысление национальной идентичности как условие прогрессивного общественного развития». Участники данного исследовательского проекта (Саркисян О.Л., Енгоян А.П., Мирумян Р.А., Берберян А.С.) представили некоторые результаты своих исследований. Были выдвинуты и аргументированы следующие тезисы: познание национальной идентичности есть основа определения своего места в современном мире; выявление механизмов сохранения национальной идентичности не есть самоцель, а условие дальнейшего эффективного развития; национальная идентичность не сеть нечто окостенелое, а находится в постоянном процессе трансформации; стратегическая трансформация национальной идентичности есть условие национальной безопасности и эффективного развития и др. В докладах были освещены также вопросы соотношения гражданской и этнической идентичности, конструирования трансрегиональной идентичности, соотношения политической мифологии и национальной идентичности и т.д.

В рамках форума был проведен круглый стол «Правовые аспекты национальной безопасности». Основными докладчиками выступили: председатель уголовной палаты Кассационного суда РА Аветисян С.С. и заместитель председателя Следственного комитета РА Гамбарян А.С. Активное участие в круглом столе через онлайн связь приняли представители Юридического института Сибирского федерального университета.

В рамках конференции была организована также, ставшая уже традиционной, секция «Стратегическая культура и публичная дипломатия». Концепция стратегической культуры, которая сравнительно недавно появилась в политической науке, претендует на роль наиболее универсальной теории, способной описать самые разнообразные аспекты национальной безопасности, обеспечивая, тем самым, теоретико-методологическую базу междисциплинарным исследованиям в этой области.Публичная же дипломатия является своеобразным мягким орудием минимизации рисков национальной безопасности.

Была организована также «Молодежная секция», где молодым исследователям (аспирантам, магистрантам, студентам-старшекурсникам) была предоставлена возможность высказать свою току зрения по различным проблемам национальной безопасности. На этой секции прозвучало пятнадцать докладов.

Наконец, по инициативе ректора РАУ А.Р. Дарбиняна и при поддержке Фонда Горчакова в рамках форума было организовано первое заседание экспертного клуба «Армения-Россия», в котором участвовали как армянские (Дарбинян А.Р., Алавердян Л.А. Погосян Г.А., Енгоян А.П., Саркисян О.Л., Марашлян В.Г., Никогосян О.Р.), так и российские эксперты (Гришенин Р.Н., Силаев Н.Ю., Мигранян А.А., Дворников Д.В., Панин В.Н.).

Основным выводом для участников экспертного клуба «Армения – Россия» была констатация того факта, что, несмотря на тесные исторические, политические и экономические связи между РА и РФ, взаимное общественное восприятие в двух странах построено на большом количестве искаженной информации, стереотипов и отсутствии программного подхода к созданию связей на публичном уровне. Проблемы российско-армянских отношений имеют сложную структуру и могут быть разрешены общими усилиями двух стран, направленными на усиление сотрудничества в различных сферах. На фоне отсутствия представительности армянского фактора в российском публичном пространстве и неэффективности работы российских организаций в Армении существуют определенные объективные экономические и политические причины, снижающие привлекательность государств друг для друга, так как проводится малая работа для создания позитивного образа Армении в России и наоборот. Таким образом, главной проблемой армяно-российских отношений является отсутствие крепких формальных связей между публичными пространствами двух стран и необходимость построения качественно нового восприятия двусторонних отношений на

уровне академического взаимодействия, бизнеса, роста привлекательности рынка высоких технологий, контактов молодежи и других проектов.

***

Материалы форума опубликованы отдельным сборником, куда вошло более пятидесяти докладов. Электронную версию можно найти на сайте Российско-Армянского университета, пройдя по ссылке:

http://science.rau.am/uploads/blocks/3/34/3481/files/Nac.bezopasnost.pdf

INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF NATIONAL SECURITY PROBLEMS

H. Sargsyan, N. Dunamalyan

ABSTRACT

From 3 to 5 of November, 2016, in the Russian-Armenian University took place the second international scientific-practical forum "Problems of national security in the context of globalization and integrative processes (interdisciplinary aspects)". The event was timed to the 25th anniversary of independence of Republic of Armenia and the 20th anniversary of the Russian-Armenian University. The forum was organized with the assistance of A. M. Gorchakov Public Diplomacy Fund. The forum was held in the format of national security issues conference, various round tables and meeting of “Armenia-Russia” expert club. This article is based on a review of the forum.

Keywords: national security, global security, regional security, strategic culture, public diplomacy, national identity.

ԱԶԳԱՅԻՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՄԱՆ ՄԻՋԳԻՏԱՃՅՈՒՂԱՅԻՆ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆՆԵՐԸ

Հ.Լ. Սարգսյան, Ն.Ա. Դունամալյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

2016 թ. նոյեմբերի 3-ից 5-ը Հայ-Ռուսական համալսարանում տեղի է ունեցել «Ազգային անվտանգության հիմնախնդիրները համաշխարհայնացման և ինտեգրացիոն գործընթացների պայմաններում. միջգիտաճյուղային տեսանկյուններ» երկրորդ միջազգային գիտագործնական համաժողով: Միջոցառումը նվիրված էր Հայաստանի Հանրապետության Անկախության 25 և Հայ-Ռուսականհամալսարանի 20-ամյակին: Միջոցառումը կազմակերպվել է Ա.Մ. Գորչակովի անվան հանրային դիվանագիտության աջակցության հիմնադրամի օժանդակությամբ: Միջոցառման ձևաչափը ենթադրում էր անվտանգության և ինքնության խնդրի շուրջ ավանդական կոնֆերանսի, կլոր սեղանների, և «Հայաստան-Ռուսաստան»

փորձագիտական ակումբի նիստի անցկացում: Այս հոդվածը պատրաստված է համաջողովի աշխատանքի ամփոփման հիման վրա*:*

Հիմնաբառեր՝ ազգային անվտանգություն, գլոբալ անվտանգություն, տարածաշրջանային անվտանգություն, ռազմավարական մշակույթ, հանրային դիվանագիտություն, ազգային ինքնություն;

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ»

М.Л .Арутюнян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается содержание понятий «образовательная политика» и «государственная политика в сфере образования». Актуальность данной статьи заключается в необходимости сопоставления и определения этих двух близких, но не совпадающих по объему и содержанию понятий, так как сегодня тематика образовательной политики занимает одно из центральных мест в общественно-политической мысли. Эффективное построение образовательной политики требует, прежде всего, раскрытия и понимания содержания данных понятий.

Ключевые слова: образовательная политика; государственная политика в сфере образования; приоритеты государственной политики в сфере образования, модели государственной политики в сфере образования.

Несмотря на широкое распространение терминов **«образовательная политика»** и **«государственная политика в сфере образования»,** в научной литературе нет однозначных и общепринятых определений данных понятий. В процессе формирования, разработки методологии и реализации, как образовательной политики, так и государственной политики в сфере образования необходимо последовательно решать познавательные и аналитические задачи, которые предполагают уточнение сути, содержание и границы данных понятий.

Понятие «образовательная политика» встречается в различных документах и материалах. Данное понятие возникает из двух терминов «образование» и «политика», которые, в свою очередь, имеют множество определений.

В данной статье под термином «политика» мы будем понимать деятельность, направленную на достижение общественно значимых целей, которую осуществляют преимущественно государственные органы. Образование же понимается как овладение, прежде всего, интеллектуальными аналитическими знаниями в совокупности с рецептурной информацией, определенными практическими умениями и навыками [1].

Так, в словаре «Профессиональное образование. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика» термин «образовательная политика» трактуется как «деятельность общественных организаций и органов государственной власти, определяющая функционирование и развитие образования и отражающая содержание господствующей и альтернативной идеологии, характер существующего законодательства об образовании и общую направленность организаторской и управленческой деятельности» [2].

Н.И. Булаев под образовательной политикой понимал особую линию стратегического планирования жизнедеятельности государства, которая проявляется через совокупность замыслов и действий общественных движений и органов государственной власти и местного самоуправления по отношению к функционированию и развитию системы образования в целом или ее отдельных подсистем [3].

К.К. Литовкин под образовательной политикой понимает «основные направления деятельности государства по решению наиболее важных задач и проблем, стоящих перед системой образования» [4].

Э.Д. Днепров обозначает образовательную политику как «общенациональную систему целей, ценностей и приоритетов в образовании и выработку их эффективного претворения в жизнь» [5].

Многие ученые сходятся во мнении, что образовательная политика устанавливает на основе общественного согласия коренные цели и задачи развития образования, гарантирует их проведение в жизнь путем согласованных действий государства и общества [6].

Как показывают вышеприведенные примеры, в основном, определяя термин «образовательная политика», ученые не отделяют данный термин от термина «государственная политика в сфере образования», рассматривая их как одинаковые по объему, не заостряя внимание на их отличия.

Как мы считаем, под термином «образовательная политика» необходимо понимать научные разработки специалистов различных направлений – социологов, философов, экономистов, историков и др. Образовательную политику необходимо понимать как совокупность теоретических идей, целей, задач и мероприятий, направленных на развитие образования, а также как инструмент, способствующий обеспечению фундаментальных прав и свобод личности, повышению темпов как социально-экономического, так и научно-технического развития. Образовательная политика, в основном, направлена на гумманизацию общества, рост культуры, формирование способности личности к самореализации, воспроизводство кадрового потенциала общества и

воспитание граждан государства в соответствии с принятой системой ценностей.

Образовательная политика – это, своего рода, программа либо план, направленный на изменение (модернизацию, реформирование) системы образования, в котором определены доступные средства его реализации. Можно сказать, что формирование образовательной политики – это разработка правил деятельности в сфере образования.

Можно выделить два направления в изучении образовательной политики:

– «функциональное» – анализируются инициируемые и осуществляемые властью изменения в системе образования;

– «философское» – изучаются связи и взаимоотношения между политической сферой и образованием.

К разработке образовательной политики предъявляют жесткие требования, выделим некоторые из них:

1. исходные данные, привнесенные извне (например, стратегия социально-экономического развития конкретного государства);

2. определены условия осуществления самого процесса разработки политики, например, установлены требования к выходному документу – форма, основные разделы, порядок согласования и утверждения [7];

3. наличие необходимых ресурсов – материальных, интеллектуальных, финансовых и т.д.

После разработки документа, определяющего образовательную политику, необходимо установить обратную связь, которая должна быть отражена в получении информации о ходе и результатах реализации образовательной политики для дальнейшего их анализа.

Эффективность образовательной политики, в основном, определяется последовательным решением ряда познавательных и аналитических задач, степенью научной проработки всех уровней и составляющих, таких как: цели, задачи, объект, субъект, средства, механизмы, ресурсы.

Что касается термина «государственная политика в сфере образования» (образовательная политика государства), то, на наш взгляд, он является важнейшей составляющей социальной политики государства. Государственная политика в сфере образования затрагивает интересы практически всех слоев, классов и групп общества.

Государственную политику в сфере образования можно определить как деятельность, направленную на достижение целей в сфере образования, где субъектом деятельности считается государство в лице свих органов.

Государственную политику в сфере образования можно выделить как структурный компонент образовательной политики. Именно органы государственной власти на практике формируют ценностные и социокультурные основы образовательного процесса, определяют основные принципы образовательной политики и направления ее реализации, устанавливают правовые нормы и механизмы деятельности в сфере образования, организуют и контролируют образовательную деятельность в масштабе страны, устанавливают минимальный объем обязательных знаний (государственный образовательный стандарт), а также контролируют процесс подготовки и переподготовки педагогических кадров.

Следовательно, государственная политика в сфере образования должна быть направлена на создание системы образования, которая отражала бы экономические, политические, духовные и другие потребности общества и повышала бы темпы социально-экономического развития государства, обеспечивая, таким образом социальную и политическую стабильность и единство государства. Главнейшей задачей государственной образовательной политики является повышение качества образования, достижение его соответствия актуальным и перспективным потребностям государства, общества, личности [8]. Общее определение понятия качества, как совокупности характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности, было дано Международной Организацией по Стандартизации (ISO) [9]. В данной работе под качеством образования мы понимаем фундаментальность, глубину и востребованность полученных знаний, а также возможность их применения в конкретных условиях для достижения поставленных целей и улучшения качества жизни.

Различается множество видов государственной политики: экономическая, культурная, международная, научно-техническая и т.д. Государственную образовательную политику часто рассматривают как компонент единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, если образование рассматривается как фактор, определяющий общественный рост и формирующий будущие общественные возможности.

В данном контексте весьма интересны модели государственной политики в сфере образования, предложенные американским педагогом Б. Кларком. Он выделяет три модели образовательной политики: либеральную (рыночную); государственно-патерналистскую; социально-корпоративную.

Либеральной модели присуща ориентация на рынок, на категории «спроса» и «предложения». В рамках данной модели государство лишь гарантирует создание равных конкурентных условий деятельности образовательных учреждений. Работа учебных заведений не является результатом централизованного планирования или решения. Результативность образовательных учреждений отражается не столько в размерах получаемых ресурсов, сколько в полученном престиже. Содержание и направленность учебных планов могут свободно меняется в зависимости от спроса. Примером государства с образовательной политикой данной модели является Великобритания.

Вторая модель – государственно-патерналистская – является противоположной рыночной модели. В рамках данной модели государство берет на себя полную ответственность за образование и является основным источником его финансирования. Организация учебного процесса и, можно сказать, вся система образования управляется с помощью законодательства и финансируется из бюджета. В данной модели практически отсутствует частный сектор в образовании. Образовательные учреждения не могут выбирать стратегии развития. Данная модель направлена на предоставление образовательных услуг государством. В данной модели образование воспринимается как общественное благо, которое способно обеспечить высокие темпы развития государства. К этой модели можно отнести североевропейские государства, которые отличаются высокими жизненными стандартами.

Третья модель – социально-корпоративная – считается (академической). В рамках данной модели поддержка и развитие системы образования является важной частью государственной политики, однако здесь разрешается доля частного сектора и ориентация на рынок. В организации и управлении образовательной системы участвуют одновременно и рынок, и государство. В этой модели доминантом в сфере образования считается академия. Особое внимание уделяется способности академического руководства определять, выдвигать и направлять стратегические цели образования. Можно сказать, что в рамках данной модели соединяются три миссии университета, такие, как: образовательная, исследовательская и социально-экономическая. Даная модель направлена не только на применение знаний на практике, но и на увеличения объема академического знания. Здесь система образования тесно взаимодействует с бизнесом и государством. Здесь система образования нацелена не только на подготовку специалистов, которых будут высоко оценивать на рынке труда, но и на формирование и сохранение гражданского

общества, социализацию индивидов. Эта модель была присуща множеству центрально-европейских стран, таким, как Франция и Германия.

Одной из особенностей современной государственной политики в сфере образования является то, что в ней должны присутствовать и сочетаться как социально-политические, так и финансово-экономические и правовые аспекты.

Государственная политика в области образования считается результативной, если получаемые результаты соответствуют заявленным целям и задачам, а также выделенным на эти цели ресурсам. Также немаловажным фактором эффективности образовательной политики государства является учет и отражение в ней сложившихся социально-политических, правовых и экономических условий в конкретном обществе и мире в целом. Отметим, что гражданское общество также должно принимать активное участие в выработке и реализации государственной образовательной политики, так как эффективность государственной образовательной политики не в последнюю очередь зависит от готовности общества принять и поддержать ее.

Основными стадиями разработки государственной политики в области образования считаются:

– выявление проблем в сфере образования;

– формулирование целей и соответствующих им приоритетов;

– анализ сущетвующего опыта;

– разработкаа прогноза;

– анализ альтернативных вариантов разработки образовательной политики;

– выбор наиболее эффективного способа реализации разработанной образовательной политики;

– вынесение на рассмотрение какого-либо государственного органа (Национального Собрания, Правительства, Министерства);

– организация и непосредственное проведение государственной образовательной политики;

– мониторинг, контроль над ее проведением, а в случае необходимости, корректировка, либо свертывание.

Сегодня к основным приоритетам государственной политики в сфере образования практически всех развитых государств можно отнести действия, направленные на: обеспечение государственных гарантий доступности и качества системы образования; обеспечение высококвалифицированными кадрами систему образования; развитие новых форм финансирования, создание инновационной среды государства; модернизацию системы образования; внедрение современных информационных технологий; формирование гражданских ценностей и т.д.

Государственная политика в сфере образования часто закрепляется в Конституции и в различных законодательных актах в области образования. Именно она задает рамки деятельности как физических, так и юридических лиц. Практически всегда государственная политика в области образования определяет стратегию развития и направление реформирования образования.

Обобщив, можно сказать, что «государственная политика в области образования» – это меры (либо деятельность), предпринятые государством, а также его органами для создания, развития и совершенствования государственных (национальных) систем образования. Эти меры, почти всегда, находит свое отражение в решениях законодательной и исполнительной властей, а также отражаются и в специфической деятельности институтов государства, направленных на достижение преследуемых в сфере образования целей и задач, посредстваом использования соответствующих механизмов и ресурсов.

Исходя из определений терминов «образовательная политика» и «государственная политика в сфере образования», мы приходим к выводу, что государственная политика в сфере образования является составной частью образовательной политики, если последнюю рассматривать как некий теоретический конструкт, либо идейную базу, которая определяет цели и направления государственной политики в сфере образования. С другой стороны, образовательная политика находят свое выражение и осуществляется посредством государственной политики в сфере образования. Следовательно, можно сказать, что данные два понятия взаимодополняют друг друга. Так, если образовательная политика направлена на разработку (при необходимости корректировку) образовательных программ, то государственная политика в сфере образования направлена на достижения поставленных целей, реализацию образовательной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 227.
2. Профессиональное образование. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. Образовательная политика [Электронный ресурс]. URL: http://didacts.ru/termin/obrazovatelnaja-politika.html (дата обращения 5.03.2016).
3. *Булаев Н.И.* Государственное управление развитием системы отечественного образования: Монография. СП.б: Изд-во РГУП им. А.И. Герцина, 2006. С. 261.
4. *Литовкин К.К.* Современная образовательная политика России. [Электронный ресурс]. URL:http://www.scienceforum.ru/2013/270/3255 (дата обращения 16.03.2016).
5. *Днепров Э.Д.* Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования. М., 2006. Т.2. 520 с.
6. *Кондракова И.Э.* Образовательная политика: содержание понятия.// Образовательная политика: содержание понятия СС. 120–125 [Электронный ресурс]. URL:

http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-politika-soderzhanie-ponyatiya (дата обращения: 21.08.2016).
7. *Беляков С.А*. Образовательная политика и управление образованием//Университетское управление практика и анализ, 2008. № СС. 12–30 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-strategicheskogo-razvitiya-rossiyskih-vuzov-sotsiologicheskiy-analiz (дата обращения: 19.07.2016).
8. *Захаров Ю.А*. Основные пути повышения качества высшего образования / Ю.А. Захаров, В.А. Москинов // Университетское управление, 2005. № 1 (34). СС. 100–103.
9. Международный стандарт ИСО 8402. Управление качеством и обеспечение качества. Словарь, 1994. С. 38.

CORRELATION OF NOTIONS EDUCATIONAL POLICY AND PUBLIC POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION

M. Harutyunyan

ABSTRACT

In this article we consider the contents of concepts “educational policy” and “public policy in the field of education”. The topicality of the article is connected with the need for comparison and determination of these two close, but different in terms of the content concepts, as nowadays educational policy topics occupy a central place in the social and political thought. The effective construction of the educational policy requires, primarily, a disclosure and understanding of the content of these concepts.

Keywords: educational policy, public policy in the field of education, priorities of the state policy in the sphere of education, model of state policy in the sphere of education.

«ԿՐԹԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ» ԵՎ «ՊԵՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԿՐԹԱԿԱՆ ՈԼՈՐՏՈՒՄ» ՀԱՍԿԱՑՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ ՄԱՍԻՆ

Մ.Լ. Հարությունյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Այս հոդվածում քննարկվում է «կրթության քաղաքականություն» և «պետական քաղաքականություն կրթության ոլորտում» հասկացողությունների բովանդակությունը:
Հոդվածի արդիականությունը արտացոլվում է այս երկու մոտ, բայց միաժամանակ ծավալով և բովանդակությամբ տարբերվող հասկացությունների համեմատության և սահմանման անհրաժեշտության մեջ, քանի որ այսօր կրթական քաղաքականության հիմնահիդիրը գտնվում է քաղաքական և հասարակագիտական մտքի կենտրոնում: Արդյունավետ կրթական քաղաքականության կառուցումը պահանջում է,

առաջին հերթին, այդ հասկացությունների բովանդակության բացահայտումը և ըմբռնումը:

Հիմնաբառեր՝ կրթության քաղաքականություն, պետական քաղաքականություն կրթության ոլորտում, կրթական ոլորտում պետական քաղաքականություն գերակայությունները, կրթական ոլորտում պետական քաղաքականության համակարգեր:

РОЛЬ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ АРМЕНИИ И РОССИИ В РЕШЕНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ВОПРОСОВ В ХОДЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СИРИИ

М.М. Кислицкий, С.С. Вардазарян, М.И. Парфенов

АННОТАЦИЯ

Резкое увеличение числа беженцев в мире определило новые геополитические вызовы: распространение террористических группировок, экономические затруднения, угрозы национальной безопасности и т.д. Обеспечение участия местных сообществ в решении вопросов обеспечения национальной безопасности является потенциалом успешной интеграции беженцев в социокультурное, общественно-политическое и экономическое пространство территории. В данной научной статье предлагается механизм организации местных сообществ, в том числе из числа беженцев, сочетающий инструменты агрополисов и потребительской кооперации. На примере Армении показана политика диаспоры как местного сообщества в отношении соотечественников живущих зарубежом.

Ключевые слова: Россия, Армения, Сирия, гуманитарная помощь, беженцы, терроризм, национальная безопасность, местное сообщество.

На протяжении последних десятилетий все большую силу набирают террористические организации. Теракты 1 сентября 2001 года ознаменовали новое качество международных отношений, в которых государства подвергаются нападению со стороны международных террористических сил. Созданные для противостояния СССР в Афганистане по инициативе и активной поддержке США террористические организации определили сегодня новый вектор угроз, увеличили глобальные риски.

Политика «оси зла», проводимая США, сегодня привела к глобальной дестабилизации Ближнего Востока. «Арабская весна» лишь оформила очередной этап международных действий США и их союзников, в ходе которых вспыхнул вооружённый конфликт в Сирии.

В результате, резко увеличился поток беженцев, что демонстрирует динамика изменения их количества в мире с 2005 по 2014 годы (рисунок 1).

Резкий прирост числа беженцев в мире обострил вопросы национальной безопасности десятков государств.

Человеческое общество есть не отдельное существо, а именно система, в которой отдельные существа, люди, связаны в одно целое. Главные особенности комплекса экономических, социальных, юридических, политических форм и

традиций народа обусловлены условиями жизни страны. В то же время, многое в жизни народов является результатом внешних влияний со стороны других народов. В каждом народе совершается свой внутренний процесс, в котором проявляется определенное единство: отдельные части находятся в зависимости от истории целого [2].

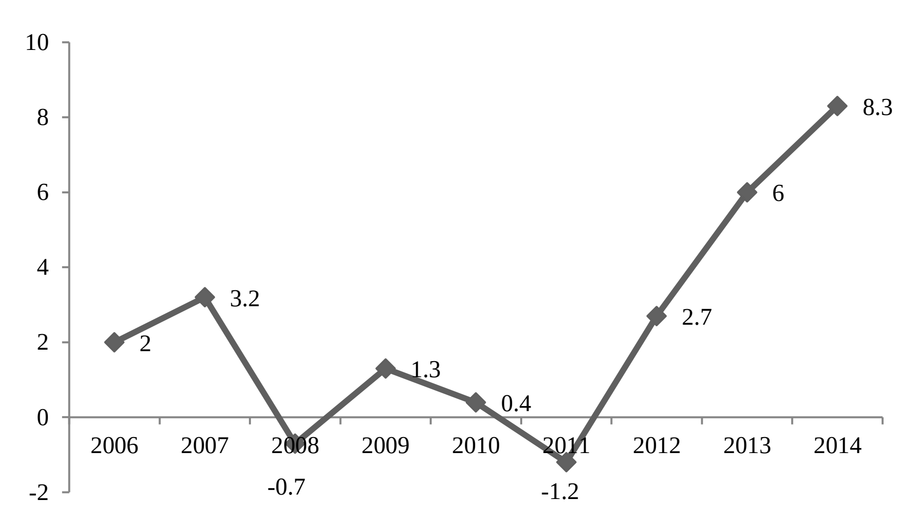

Рисунок 1. Динамика изменения количества беженцев в мире с 2005 по 2014 годы, в млн. чел. [рассчитано на основе 1].

По данным министерства диаспоры Республики Армения, с 2010 по 2016 год в Республику Армения прибыло 22 000 сирийских беженцев армянского происхождения 17 000 из которых проживает в республике на сегодняшний день. Еще порядка 500 беженцев получило убежище из Ирака [3].

Проблема заключается в резко возрастающей миграции беженцев, которая обостряет проблемы культурной, религиозной, исторической идентичности, травмирует сознание мигрантов потерей родственников и друзей, домов, мест захоронения предков и т.д. Проблема миграции является основой ряда проблем: гуманитарной, правовой, социально-психологической, культурологической и т.д.

На первом этапе миграции беженцев из зоны конфликта принимающая страна сталкивается с решением множества гуманитарных вопросов обеспечения беженцев: питанием, медицинской помощью, проживания, оформления документов, правопорядка и безопасности.

Гуманитарная проблематика социально наиболее острый вопрос для государства, принимающего беженцев.

Следует отметить, что политика переселения или миграции в создании таких стран, как Армения сыграла решающую роль. Или другой пример: в результате создания государства Израиль в 1948г., евреи переехали сюда со всего мира (2 млн. человек мигрировали в Израиль в 1948–1999г.). В свою очередь, создание Израиля привело к проблеме – возникновению 2,5 миллиона палестинских беженцев. Или одна из главных причин расширения миграционных потоков в XX веке война между Индией и Пакистаном. В результате войны было создано государство Бангладеш, и 10 миллионов человек стали беженцами [4].

По словам начальника Управления армянских общин Ближнего и Среднего Востока Министерства Диаспоры РА Лусины Степанян, «С 2012 года почти 15 тысяч сирийских армян получило армянское гражданство. Для того чтобы сирийские армяне смогли с легкостью прибыть в Армению, правительство Армении облегчило процесс получения гражданства для них, а также им разрешено получать загранпаспорта не только в Армении, но и в консульствах Армении в Сирии и Ливане. Наш президент заявил, что армянин не должен быть беженцем на своей родине. Это – одна из главных причин упрощения процесса получения гражданства сирийских армян. Они также должны иметь права гражданина Армении, как и мы». Тем, которые не имеют армянское гражданство, удается сразу получить визу Армении в пунктах пересечения границы и они освобождаются от налогов за временное жительство в стране. На сегодняшний день гражданство Республики Армения приняли около 12 000 сирийских беженцев [5].

Представитель армяно-сирийской группы дружбы с Сирией Т. Вардапетян, комментируя визит, отметил, что: «Для них возможность жить и работать есть и в провинциях, и в Нагорном Карабахе. Хотя, эмиграция из нашего традиционного сирийского сообщества не так хорошо для нас, но правительство Армении делает и сделает все, что в ее силах, чтобы разместить своих соотечественников в стране» [6].

Министр иностранных дел Армении Э. Налбандян в Париже во время своего выступления на международной конференции (8 сентября 2015 года), посвященной вопросам насилия в отношении этнических и религиозных меньшинств Ближнего Востока, заявил: «На протяжении веков армяне были неотъемлемой частью культурного разнообразия на Ближнем Востоке. Столетие назад дали приют нашим сотни тысячам землякам, которые хотели защитить себя от «геноцида». Сегодня возникла серьезная угроза для существования сирийцев армянского происхождения. Сегодня 10 тысяч армян стали вынужденными переселенцами, как другие нации Ближнего Востока. Только 15 тысяч армян прибыли в Армению из Сирии» [7].

На данный момент представителями «НАР» (Центр развития армянской общественности «НАР») оказывается гуманитарная и юридическая помощь армянским беженцам из Сирии в Сербии [8].

На фоне того, что у ЕС и США отсутствует стратегически скоординированная позиция в отношении государств макрорегиона Северной Африки и Ближнего Востока, многие арабские государства переживают период исламской радикализации и вынуждены самостоятельно преодолевать последствия «арабской весны» [9].

Поток беженцев в 2014 году генерировался, в большей своей части, населением Сирии, Афганистана и Сомали. Подробная структура миграционного потока представлена в таблице 1.

Таблица 1

Страны, которые были покинуты беженцами в 2014 году, тыс. чел. [1. С. 423]

Страна	Количество беженцев
Сирия	3 900,0
Афганистан	2 600,0
Сомали	1 110,0
Судан	666,0
Южный Судан	616,2
Демократическая Республика Конго	516,8
Мьянмар	479,0
Центральная Африканская Республика	412,0
Ирак	369,9
Эритрея	363,1

Отметим, что бизнес и собственное благополучие взамен политической активности былы свойствены армянам в Аргентине и ряде других стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африке. Но в Европе и США за эти же годы сформировались достаточно политически активная армянская община, бизнес-элита и политическое лобби. В этих и других странах армяне во главе с епархиями Армянской Апостольской Церкви, со старейшими национальными партиями (АРФ «Дашнакцутюн», «Рамкавар» и «Гнчак»), международными и местными общинными организациями организовали полноценную национальную жизнь, выстроили армянскую инфраструктуру: церкви, воскресные и национальные школы, культурные центры, партийные ячейки, скаутское движение, молодежные общественные институты, армянские высшие учебные заведения, театры, спортивные команды, музыкальные и иные творческие группы, кафе, рестораны, магазины, органы печати и т.д. [10].

Рассматривая миграцию, а также ее причины и угрозы, необходимо рассмотреть аспект управления.

Исходными задачами управления потоками беженцев являются:

1. обеспечение национальной безопасности в широком понимании: экономической, продовольственной, физической и т.д.;

2. пресечение проникновения на территорию государства адептов террористических организаций;

3. удовлетворение минимальных потребностей беженца с гарантией соблюдения прав человека.

Выполнение вышеперечисленных и других сопутствующих задач требует разработки механизма адаптации беженцев. Необходимо дать им веру в будущее, возможность обеспечивать себя и семью.

Наряду с работой правоохранительных органов и органов безопасности к взаимодействию с беженцами необходимо подключать психологов.

В качестве варианта для снижения уровня напряжения в среде вынужденных переселенцев было бы уместно подключить организации, осуществляющие поиск родных и близких, оставшихся на территориях охваченных вооруженными действиями.

При решении вопросов бытового характера, содержания беженцев и обеспечения их занятости, целесообразно использовать механизм агрополисов. Как механизм обеспечения личной продовольственной безопасности и профилактики ряда социально-опасных явлений, организации комфортных условий проживания, создание агрополисов показано в трудах член-корреспондента РАН, профессора А.Н. Семина, профессора Ю.Р. Лутфуллина и других [11].

Существует проблема отказа беженцев переселятся в сельские районы. Большинство остается в крупных городах. Например, в Армении центром расселения беженцев стал Ереван. Такой подход опасен, т.к. безработное население повышает риски роста преступности, увеличивает уровень социальной напряженности. Создание поселков с инфраструктурой позволит оперативно и эффективно интегрировать «новых граждан» в социо-культурное, экономическое пространство страны. Строительство агрополисов потребует затрат со стороны государства, но они на первом этапе будут соизмеримы с затратами на обслуживание беженцев в местах временного пребывания, а в среднесрочной и долгосрочной перспективах эти затраты окупятся.

Эффективным механизмом противодействия терроризму и профилактике опасных социальных явлений и процессов является потребительская кооперация, которая мотивирует пайщика на труд и получение стабильного дохода. Одновременно обеспечивая продовольственную безопасность семьи, участник кооператива (потребительского общества) обеспечивает постоянный доход.

Развитие потребительской кооперации предполагает реализацию ряда мер правового, экономического, социального характера.

Меры обеспечения экономического развития [12]:

1. включение системы потребительской кооперации в качестве исполнителя в целевые программы, реализуемые в сельской местности;

2. создание специализированного банка развития потребительской кооперации;

3. формирование особых экономических зон для развития перерабатывающего производства и заготовительной деятельности потребительской кооперации в сельской местности;

4. стимулирование создания транспортной инфраструктуры и жилищного строительства на селе в формате агропоселений.

Меры обеспечения социального развития [13]:

1. развитие транспортной инфраструктуры для оперативной транспортировки сельских жителей к центрам оказания медицинской помощи высокого уровня;

2. создание социально-культурных центров в каждом сельском населенном пункте;

3. реализация программы профилактических мер и полного медицинского обследования всех жителей села раз в год.

Отметим, что это минимальный набор мер. Разработка системы мер поддержки беженцев, обеспечения национальной безопасности, совмещенной с мерами развития сельских территорий, позволит трансформировать сельские территории и стимулировать товарное сельскохозяйственное производство. Сначала для личного потребления (семьями беженцев), далее для продажи.

Экономические мотивы, стимулы и ожидания являются наиболее простыми и сильными элементами связи человека с территорией. Усиление этих связей происходит на основе культурных, религиозных традиций. Поэтому политика, выбранная властями Армении, – принимать у себя сирийцев, иракцев армянского происхождения – нивелирует целый комплекс проблем.

Таким образом, можно сказать, что инструменты потребительской кооперации, кооперативного движения в целом, составляют потенциал решения вопросов обеспечения национальной безопасности в условиях глобальных миграционных потоков беженцев из зон вооруженных конфликтов Сирии, Ирака и других государств.

Использование модели «Агрополисы» позволяет сформировать местное сообщество, интегрировать переселенцев в местный социум и в экономические отношения. Создание агрополисов по современным экологическим стандартам в сочетании с развитием кооперативного движения сэкономит государственные средства в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Экономия будет определяться снижением социальной напряженности за счет обеспечения

занятости беженцев производством себе продовольствия; экономией на оплате ЖКХ; стимулированием развития строительной отрасли и отрасли связи и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулаев Ф.* Геополитика миграции западных стран: реалии, результаты, угрозы // Гилея: научный вестник. № 102 (11). 2015. С. 423.
2. *Пеньковский, Д.Д., Арутюнян, А.С.* Эмиграция армянского населения из Турции и Армении в страны Европы в 1915–1928гг. // Власть, 2015 № 08, С. 200.
3. Նամակ սփյուռքի նախարարի `Հայաստանի Հանրապետության միշարք 05/11 / 348-16 Հյուրատետր 02.29.2016 (Письмо министра диаспоры Республики Армения № 05/11/348-16 от 29.02.2016).
4. *Абдулаев Ф.* Геополитика миграции западных стран: реалии, результаты, угрозы // Гилея: научный вестник. № 102 (11). 2015. СС. 424-425.
5. Там же. СС. 428-429.
6. Армения приняла 13 тыс. сирийских беженцев за три года /20.06.2015/ http:// www.mir24.tv/news/society/12802259
7. *Абдулаев, Ф.* Геополитика миграции западных стран: реалии, результаты, угрозы // Гилея: научный вестник. № 102 (11). 2015. С. 429.
8. Армянская диаспора объявила мобилизацию против ИГИЛ http://www.rbc.ua/rus/news/armyanskaya-diaspora-obyavila-mobilizatsiyu-1443881084.html 03.10.2015.
9. *Латкина В.А.* Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «Арабской весны» // Вестник МГИМО Университета №2 (35) 2014. С. 143.
10. *Сваранц А*. Армения и диаспора: проблемы и перспективы // «21-й ВЕК», № 2 (8), 2008г. С. 146.
11. *Семин А.Н.* Организация «Агрополисов» в сельских территориях России / А.Н. Сёмин, Ю.Р. Лутфуллин, М.М. Кислицкий, А.С. Лылов / Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № S25. СС. 415–429.
12. *Гехт И.А.* «Дорожная карта» трансформации системы потребительской кооперации как института социального и экономического развития / И.А. Гехт, М.М. Кислицкий, М.И. Парфёнов / Агропродовольственная политика России. 2015. № 3 (15). С. 15.
13. Там же. С. 15

ROLE OF LOCAL COMMUNITIES OF ARMENIA AND RUSSIA IN THE SOLUTION OF HUMANITARIAN ISSUES DURING ARMED CONFLICT IN SYRIA

M. Kislitsky, S. Vardazaryan, M. Parfyonov

ABSTRACT

Sharp increase in refugees in the world has defined new geopolitical challenges: distribution of terrorist groups, economic difficulties, threats of national security, etc. Participation of local communities in ensuring national security is the potential of successful integration of refugees into sociocultural, social and political and economic space of the territory. The mechanism of the local communities's organization, including from among refugees which combines tools of agropolicies and consumer cooperation is presented in article. On the example of

Armenia illustrates the politics of Diaspora, as well as the local community, in respect of compatriots who live abroad.
Keywords: Russia, Armenia, Syria, humanitarian aid, refugees, terrorism, national security, local community.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԵՎ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ՏԵՂԱԿԱՆ ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐԻ ԴԵՐԸ ՍԻՐԻԱՅՈՒՄ ԸՆԹԱՑՈՂ ԶԻՆՎԱԾ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ՀԱՐՑԵՐԻ ԼՈՒԾՄԱՆ ԳՈՐԾՈՒՄ

Մ.Մ. Կիսլիցկի, Ս.Ս. Վարդազարյան, Մ.Ի. Պարֆյոնով

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Փախստականների քանակի կտրուկ աճն աշխարհում առաջ է քաշել նոր աշխարհաքաղաքական մարտահավերներ (կամ խնդիրներ), ահաբեկչական խմբավորումների տարածումը, տնտեսական դժվարություններ, ազգային անվտանգության սպառնալիքներ և այլն: Տեղական համայնքների մասնակցության ապահովումն ազգային անվտանգության ապահովման հարցի լուծման մեջ համարվում է փախստականների լավագույն ինտեգրման միջոցը տարածաշրջանի սոցիալ-մշակույթի, սոցիալ-քաղաքական և տնտեսական կյանքում: Հոդվածում առաջարկվում է համայնքների կազմակերպման մեխանիզմ, այդ թվում նաև փախստականների, որը իր մեջ համատեղում է գյուղատնտեսական և սպառողական կոոպերատիվներ: Հայաստանի օրինակով ցույց է տրվում սփյուռքի քաղաքականությունը, ինչպես նաև տեղական համայնքի վերաբերմունքն արտերկրում բնակվող ազգակիցների նկատմամբ:
Հիմնաբառեր՝ Ռուսաստանը, Հայաստանը, Սիրիա, մարդասիրական օգնություն, փախստականներ, ահաբեկչություն, ազգային անվտանգության, տեղական համայնք:

СПЕЦИФИКА МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА МОДЕРНА И СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Н.А. Дунамалян

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ современной модели политической системы, основанной на универсализации общих схем развития государственных образований вне зависимости от исторического развития и традиций того или иного народа. Рассматриваются также теоретические аспекты изменения роли современных государств в новой системе международных отношений.

Ключевые слова: государство, система, современность, Модерн.

Пересмотр научной картины мира и пересмотр юридических норм западноевропейских обществ изначально проходили нейтрально к господствующим формам правления и политической системе Нового времени вообще, но со временем устаревшая форма социальных и политических отношений начала тормозить трансформационные процессы западноевропейского общества. Какой бы разноликой ни была идейная палитра модернистской мысли, историческая трансформация основных элементов идеологии Модерна была призвана создать гибкий механизм «рефлексивного освоения» вызовов глобальных процессов Современности. Процесс трансформации идейного наполнения модернистского проекта представляет собой формирование устойчивой системы элементов проекта Модерна, направленного на построение социальной реальности и подвергающегося обратному эффекту «ускользающего мира». Главным элементом модернистского проекта является понимание роли политической системы общества, основных механизмов реализации политической власти и специфика целей проекта.

В Новое время сформировалось качественно новое восприятие института государства со стороны западноевропейского общества, что в дальнейшем получило распространение и среди других народов. Понятие “stato” или «состояние» в переводе с итализированной формы латинского «status» повлияло на концепцию современного понимания государства и его признаков. В данном случае речь идет не о концептуальном осмыслении феномена государства, а об исторических событиях и идейных предпосылках перехода к концептуальному рассмотрению единого понятия государства и понимания современным человеком роли и места государства в его жизни. С привнесением в политико-философскую мысль со стороны Н. Макиавелли понятия “stato”, обозначавшего

государство вообще, политические мыслители начали поиск сущностных характеристик государства, свободных от влияния религиозных постулатов и устаревших трактовок.

Если у средневековых авторов государство и власть имели только божественную сущность, то с началом эпохи Возрождения и Нового времени появилась тенденция переосмысления данного понятия. В основу понимания роли государства вкладывались такие понятия как «право», «закон», «справедливость», «человеческое благополучие», «свобода» и т.д. Так, политическим идеалом французского мыслителя Жана Бодена являлось светское государство, предоставляющее право и свободу всем гражданам, а лучшим средством для обеспечения желаемого порядка он считал сильную монархию [1]. Жану Бодену, Томасу Гоббсу и другим государство представлялось уже не полисным политическим союзом и не столько определенным политическим сообществом (совокупностью домохозяйств), сколько ближайшим и непосредственным осуществителем суверенной власти.

Формирование национальных государств Западной Европы актуализировало идею суверенитета, которая была закреплена после установления Вестфальской системы международных отношений (1648г.). Включение всех европейских наций-государств в рамки взаимоотношений суверенных территориально-политических образований и постепенный рост влияния протестантских регионов повлекли за собой утверждение идеи суверенитета как главного признака государства и уравнения государственного статуса различных политических образований. Боден термином «суверенитет» обозначает не конкретных носителей неограниченной власти, но выражает саму сущность политической власти как неделимой, неограниченной и естественной субстанции, основанной на законах природы [2].

Главной идеей, которая объединяла политические учения Ж. Бодена и Т. Гоббса, была концепция «верховной власти». Гоббс определяет государство как «…единое лицо (one person), ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [3]. По Гобсу политическое действие граждан ограничивается одним только заключением общественного договора, а затем обязанности принятия политических решений и властные полномочия передаются суверену. Здесь можно отметить предвосхищение идеи «представительной» демократии, неограниченной в сроках. Государство Гоббса представляло собой некоторую материю, которой являлись люди, живущие в отдельной стране. Политическая философия Гоббса находится на стыке политического реализма и модернизма. Если политическая мысль реализма

всегда сохраняла приверженность ценностям национального государства и его становления как единственного субъекта международных отношений, то модернизм подверг пересмотру реалистические концепции, обратив вектор политической мысли в стороны рационализации и стандартизации всех сфер жизнедеятельности человекав глобальном масштабе.

Кризис Позднего средневековьяи начала Нового времени подготовил благодатную почву для формирования и укрепления идей модернистского проекта. Предпосылки современного образа общества и государства были сформированы уже в Новое время, включая в себя все сферы жизнедеятельности человека. Институт государства играл центральную роль в становлении политического проекта Modernity, так как образ современного государства стал одним из средств утверждения Модерна как миропроекта.

Окончание Тридцатилетней общеевропейской войны (1618–1648гг.) было ознаменовано институциональным закреплением общего понимания нации-государства как равноправного члена международных отношений, вне зависимости от формы правления, размера территории или могущества государства.

Термин «государство», который имел в большей степени европоцентристское происхождение, распространился не только в «территориальной» перспективе (то есть признаки государства были проецированы на территориально-политические образования различных народов, не взирая на культурный и традиционный контекст), но и в «исторической» ретроспективе: все территориальные политии прошлого (от древнегреческого полиса до восточных деспотий) стали обозначаться общим понятием «государство» [4].

Постановку проблемы поиска корректных обобщений в срезе политологической мысли можно встретить у американских политических теоретиков А. МакИнтайра [5] и Дж. Сартори [6], которые обращают внимание на существование проблемы некорректных обобщений в политической науке, связанных с культурным и идеологическим контекстом, а также рамок развития современной политической науки. В этом случае важно понять значимость компаративистского рассмотрения территориально-политических образований в соотношении с общепринятым понятием «государство» в отдельные периоды истории человечества и в различном социокультурном контексте, а также проанализировать предпосылки формирования многочисленных концептуальных обобщений. В данном случае возникает вопрос терминологической корректности использования понятие «государство» на фоне современных условий социально-политических трансформаций и их влияния на понятийно-категориальный аппарат социально-гуманитарных наук.

Постепенные попытки нейтрализации западных политических категорий в ценностном отношении с целью универсализации понятий привели к большему

утверждению «натяжек» и использования данного подхода в практической плоскости, отразившегося в процессах глобализации и модернизации. Именно поэтому расширение «мира политического» формирует необходимость создания новых концепций и понятий, отражающих политическую действительность в различных регионах мира, отличающихся уникальным историческим развитием, традициями, политической системой и другими особенностями.

Обобщение понятия «государство» послужило предпосылкой для практического применения данного концепта для уравнения позиций различных государственных образований вне зависимости от их культурных, традиционных и других особенностей. Подобная практика применялась и для других категорий, описывающих политическую систему. С другой стороны, образ государства Модерна и современной политической системы основаны на идее искусственности социальных институтов, что обусловливает возможность изменения и манипуляции социальными и политическими отношениями во благо всех общества. Согласно русскому философу Н. Бердяеву, организм способен рождаться и рождать, но организация наделена только способностью воспроизводить определённые функции, вложенные извне. В то же время, существует внутреннее целеполагание организма, в отличие от целей организации, которые созданы искусственно [7]. Таким образом, дихотомия государства как организма и организации присутствовала у ранних представителей политической философии модернизма, но технократическая «организация» государства стала доминирующей категорией для философии высокого Модерна как наиболее эффективного инструмента преобразования реальности извне.

Образ национального государства Модерна («нация» в этом случае является политическим понятием, а не культурным) пришел на смену традиционному сословно-династическому государству, став универсальным явлением, которое объединяло под собой все территориально-политические образования **прошлого, настоящего и будущего**. Универсальное понимание концепта государства «глобализировало» данное понятие и сделало возможные его проецирование на различные по уровню, статусу и культуре народы мира. Похожий механизм «концептуального растяжения» сработал и для других модернистских концепций, но нельзя утверждать, что данный процесс имел субъективный характер, так как развитие естественных наук, проекция их методов на социальные научные дисциплины, а затем и дальнейший перенос данных практик на практическое поле имели объективное развитие в рамках становления глобальных капиталистических отношений и европоцентризма.

Противостояние между буржуазной прослойкой и государством в Западной Европе со временем трансформировалось в неприятие старого типа государства,

создав предпосылки для формирования новых концепций государственного устройства и отношений между гражданами и государством, что было показано нами на примере политических учений Ж. Бодена и Т. Гоббса. Так, защита подданных, безусловно имела место и в средневековом обществе со стороны монарха и феодалов, но санкция на защиту населения предоставлялась традицией, а не установленным законом или определенной формальной нормой, при этом первые средневековые правовые акты также были основаны на традиционном восприятии социальной реальности со стороны средневековых юристов. Буржуазные революции, которые продлились с XVI века вплоть до 1848 года расшатали фундамент старого здания средневекого государства, расчистив путь для становления новой универсальной формулы государственного устройства, представленного безликим образом государства Модерна и господства бюрократического аппарата как внутреннего механизма господства политических элит.

Ярким проявлением подобного кризиса средневекового государства стал феномен «старого порядка» в дореволюционной Франции XVIIIв., когда устои старой сословной монархии столкнулись с необходимостью проведения социальных и экономических реформ, но совмещение старых и новых институтов на фоне разрушения феодальных отношений стало причиной революционных событий и структурного изменения общества во Франции, а затем и по всей Европе [8]. В отличие от мнения о Великой Французской революции как высшей точке развития модернистского проекта в Новое время, можно заключить, что именно политический и социально-экономический режим «старого порядка» стал крайним проявлением институционального кризиса западноевропейского общества в XIV–XVIIвв., так как он выражал слом старой модели социальных и политических отношений, представляя альтернативу в виде синтеза кризисных институтов с современными, что уже в дальнейшем привело к социальной и политической катастрофе. Хотелось бы отметить, что даже в культурной сфере отказ от традиций в виде так называемого «спора о древних и новых»[1], был санкционирован королем Франции Людовиком XIV с целью пропаганды развития национальной литературы на французском языке. Подобные «споры» были аналогичны и для других литературных сообществ Европы. Таким образом, история Франции времен «Старого порядка» показывает проблемное поле социальных,

[1] Спор о древних и новых (фр. Querelle des Anciens et des Modernes, буквально «ссора») – полемика во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности. Сторонникам античности как непреходящего и недостижимого образца («древним») противостояли критики античности и сторонники теории прогресса в литературе и искусстве («новые»).

политических и культурных аспектов развития переживающего кризис традиционного общества, где государство не имеет тех ресурсов тотального подчинения общества, так как оно представляет собой часть исторического общественного развития, а не наоборот. Именно об этом пишет Х. Ортега-и-Гассет, указывая на серьезную опасность современного государства: «...аристократы не хотели усиливать государство за счет общества. Вопреки привычным представлениям абсолютизм инстинктивно уважал общество, и уважал гораздо больше, чем наши нынешние демократии» [9]. Несмотря на многочисленные концепции отмирания национального государств, сетевых политических систем и т.д., государство Модерна сохраняет свои реальные политические позиции, поглощая общественные отношения, переходя грань политического измерения и размывая само понятие политического вне зависимости от формы правления или устройства современных государств, целью которых является достижение безопасности, стабильности и эффективности управления. Современный институциональный кризис создает условия для формирования сильного централизованного государства или блока государств, которые смогут ответить на глобальные вызовы Современности, возвышая культ безопасности как высшей ценности будущего.

Концептуализация понятия «государство» стало одной из основных черт модернистского взгляда на мир, направленного на универсализацию и рационализацию политического и социального пространства, так как безликий образ государства строился на понятийных категориях организации, управления, рационализации жизни и воспроизводства конкретных социальных практик современного общества. Примечательно мнение М. Вебера, что «с точки зрения социальной науки, современное государство является таким же «предприятием», как фабрика, это как раз и составляет его исторически специфическую черту. И отношения господства в рамках предприятия тоже одинаково обусловлены и здесь, и там» [10, 128]. При этом взаимопроникновение различных сфер жизни человечества создало феномен массового политического человека, действия которого нарправлены на достижение безопасности и удовлетворения своих потребностей. «Современное государство и массу роднит лишь их безликость и безымянность. Но массовый человек уверен, что он-то и есть государство, и не упустит случая под любым предлогом двинуть рычаги, чтобы раздавить какое бы то ни было творческое меньшинство, которое раздражает его всегда и всюду, будь то политика, наука или производство» [11]. Исходя из этого, проблема универсализации понятий для различных феноменов в социальных науках перешла в пространство практических политических действий, выраженных в процессах глобализации и модернизации. Наличие научного обоснования общности понятия

«государство» для различных государств и народов современного мира дает возможность для создания механизмов схожего институционального строительства в незападных государствах, что оправдывает многолетний опыт модернизации традиционных обществ по западной модели с целью институциональной унификации социального и политического пространства в мировом масштабе, актуализирующего проблему рискогенности модернизационных процессов.

Разрушение и несоответствие политических понятий в международном дискурсе ставит проблему формирования новых подходов, но не направляет политическую мысль за рамки сложившихся моделей. Мировоззренческие кризисы прошлого готовили почву для формирования новой парадигмы, но длительный процесс взращивания идей происходил на фоне социальных и политических потрясений. Последний мегакризис привел к миру в Вестфале и созданию стабильной системы международных отношений, но до конца Тридцатилетней войны институт государства пребывал в постоянном процессе трансформации, включающих в себя вариации теократических диктатур, пиратских республик и мировых империй. Современный институт государства пребывает в таком же состоянии как и несколько сотен лет назад, но современная концепция государства была построена вокруг образа «Левиафана» Гоббса, где поверхностное насилие и грубость скрывали под собой потенциал любой политической системы к проникновению и регуляции всех сфер жизнедеятельности человека. «Вспомним роль государства во всех европейских нациях к концу XVIII века. Она была ничтожна. Ранний капитализм и его промышленные организации, – в которые впервые победоносно проникла новая техника, –дали первый толчок росту общества. Появился новый социальный класс, численностью и силой превосходивший все предыдущие: буржуазия. Он обладал одним важным качеством –практическим смыслом. Он знал толк в организации, обладал дисциплиной и методичностью в работе» [12]. Политика современного государства обхватывает все сферы вне зависимости от политического режима, при этом эффективность управления и регулирования этих сфер создает дальнейший образ «хорошего государства». Именно поэтому в длинном ряду непризнанных или полупризнанных, террористических или несостоявшихся, развитыили развивающихся государств трудно найти общий идеал развития, где все строится на огромном количестве факторов и обстоятельств и где трудно признать какой «формат» государства более приемлем. Современные технологии создают предпосылки для создания «сетевых политий», лишенных признаков территориальности или признания субъектом международного права, но участвующим в решении или постановке глобальных проблем. Образ государства будущего может быть сформирован

основе пересмотра старой системы международных отношений, так как после утверждения Вестфальской системы работал механизм укрепления «субъектности» государства через создание новых регуляторов международных отношений, но после распада СССР на смену Ялтинско-Потсдамской системы пришел призрачный образ однополярного мира.

Проблема универсализации понятий для различных феноменов в социальных науках перешла в пространство практических политических действий, выраженных в процессах глобализации и модернизации. Наличие научного обоснования общности понятия «государство» для различных государств и народов современного мира дает возможность для создания механизмов схожего институционального строительства в незападных государствах, что оправдывает многолетний опыт модернизации традиционных обществ по западной модели с целью институциональной унификации социального и политического пространства в мировом масштабе, актуализирующего проблему рискогенности модернизационных процессов.

В этом контексте важно обратить внимание на теоретический анализ непризнанных государств как полноправных субъектов международных отношений. Политическая система Нагорно-Карабахской Республики соответствует всем признакам современного государства, но фактор определенных геополитических, экономических и военно-политических условий препятствует решению проблемы признания. С другой стороны, неэффетивность переговорного процесса и низкая разработанность проблематики легитимизации непризнанных государств в условиях глобального кризиса создают предпосылки для разрастания конфликтного поля на международном пространстве. Концептуальные «натяжки» в политической науке создают вакуум и отсутствие познавательного потенциала современных научных дисциплин в исследовании предметной области развивающихся стран со специфическим историческим развитием и традициями, что препятствует полному и эффективному анализу теоретического и эмпирического материала. Современный кризис способствует размыванию различных концептов и понятий, которые были установлены в рамках становления конкретной системы международных отношений после глобальных войн, поэтому недоработки теоретического анализа отражаются на практике в виде формирования зияющих дыр на карте международных отношений в качестве полупризнанных и непризнанных территориально-политических образований.

Политологический аспект обоснования государственной состоятельности НКР и других непризнанных республик может быть заострен на значимости развития политической системы в рамках глобальных интеграционных процессов. Пересмотр однозначности понятия «государство» дает основу для

пересмотра статуса и функций малых государств в сетке международного взаимодействия. Конфликтная зона формируется вокруг старой картины мирового порядка, который был разрушен с развалом СССР, а однополярная система не была легитимизирована. Построение многополярного мира обусловлено созданием предпосылок идейного объединения различных территориальных образований с целью преодоления глобальных угроз. Непризнанные государства могут стать медиаторами данных процессов, так как статусная полноценность политической системы на примере НКР и отсутствие активного включения в международные процессы с формальной стороны дает возможность для создания новой системы реагирования и адаптации непризнанных республик в новом мировом порядке.

Общее будущее в рамках трансрегионального интеграционного проекта нуждается в теоретическом обосновании и практическом применении идей, имеющих глобальный характер, так как структура современных процессов создает взаимосвязанную картину рисков, которые возникают при реализации политических решений. Одним из возможных решений глобального противостояние «старой» и «новой» картины политической реальности может стать разработка концепции регионов-медиаторов, представляющих собой слабые звенья международных отношений, существующих под давлением различных мировых центров силы. В то же время под регионом-медиатором можно понимать определенную территориальную единицу, обладающую особым статусом и способную влиять на сопредельные территории на уровне социального, политического, культурного и экономического взаимодействия. Предпосылкой для создания подобных регионов-посредников может стать расширение полномочий самоуправляемых административно-территориальных единиц, региональных образований внутригосударственного и межгосударственного уровней и т.д. Таким образом, ставится проблема создания жизнеспособной системы глобального многоуровневого управления с целью гармонизации культурных и цивилизационных особенностей различных регионов при помощи создания концепции регионов-медиаторов, включающих в себя те территориальные акторы, которые участвуют в формировании уникальных межкультурных центров по всему миру, охватывающих средние и большие города, регионы различного уровня и отдельные государства, находящиеся на стыке цивилизаций. Нужно отметить, что в этом случае подразумевается создание эффективной системы глобального многоуровневого управления с целью гармонизации мирового пространства, а не унификации и технологизации международных процессов, направленных на повторение различных процедур и поиска эффективности процесса как такового.

Республика Армения также могла выполнить функцию государства-медиатора между различными интеграционными проектами в силу культурно-цивилизационных особенностей и геополитического положения. В данном случае просматривается собственный интерес армянского государства в построения системы многоуровневого взаимодействия в рамках интеграционных процессов и гармонизации международных отношений, поэтому у политической элиты Армении есть возможность разработки программы трансрегионального сотрудничества и утверждения армянского фактора в мировой политике. Важность такого подхода заключается в нестандартном взгляде на современную мировую политику и ее кризис, а также готовности различных малых государств к использованию своих социальных и политических ресурсов в создании предпосылок нового мирового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жоль К.* Тернистый путь рационализма. http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/zhol-racionalizm/zhan-boden.htm.
2. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории.//перевод с латинского М.С. Бобковой / М., 2000. С. 154
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского.., 2001. С. 119.
4. *Ильин М.* Формула государственности// «Полития» № 3 (50) 2008. СС. 70–72.
5. *MacIntyre A.* Is science of comparative politics possible? // Philosophy, politics, and society. Oxford.: Blackwell, 1972.
6. *Sartori J.* Compare why and how? Comparing, miscomparing and the comparative method // Comparing nations: concepts, strategies, substance. - Oxford: Blackwell, 1994.
7. См. Основные философские направления и концепции науки и технознания: хрестоматия / сост.: В.Н. Михайловский, А.И. Тимофеев, М.Л. Бурова, А.М. Емельянова и др.; ГУАПСПб., 2006.
8. *Токвиль Алексис де*. Старый порядок и революция. М., 1905.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Востанние масс. http://www.skmrf.ru/library/library_files/ortega.htm
10. *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии. // Политические работы 1895–1919. М., 2003. С. 128.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Востанние масс. http://www.skmrf.ru/library/library_files/ortega.htm
12. Там же.

SPECIFICS OF POLITICAL SYSTEM MODEL OF MODERN COSIETY AND CONTEMPORARY INSTITUTIONAL CRISIS

N. Dunamalyan

ABSTRACT

The article analyzes the modern model of political system based on the universalisation of the general schemes of public entities, regard-

less of the historical development and traditions of any ethnics. Considered some theoretical aspects of the changing role of the unrecognized states in the new system of international relations.
Keywords: state, system, modernity, Modern.

ՄՈԴԵՌՆԻ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՅՈՒՐԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ԱՐԴԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՑԻՈՆԱԼ ՃԳՆԱԺԱՄԸ

Ն.Ա. Դունամալյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում վերլուծվում է քաղաքական համակարգի արդի մոդելը, որը հիմնված է պետական ձևավորումների ընդհանուր պատկերի վրա, անկախ այս կամ այն ժողովրդի պատմական զարգացման ընթացքից ու ավանդույթներից: Դիտարկվում են նաև միջազգային հարաբերությունների նոր համակարգի շրջանակներում արդի պետությունների դերակատարման տեսական ասպեկտները:
Հիմնաբառեր՝ պետություն, համակարգ, արդիականություն, Մոդեռն:

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОСТИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.С. Ширханян

АННОТАЦИЯ

Колоссальное количество статей, монографий, книг и иных форм научных исследований посвящено изучению различных аспектов одного из наиболее важных понятий наших дней – демократии. Вместе с тем, современная концептуализация последней основана, во многом, на ангажированном, политизированном понимании феномена, что актуализирует необходимость внесения ряда корректировок касательно логики исследований в данной области. В настоящей статье, в частности, будет акцентировано рассмотрение концептуализации демократии с позиций и принципов теории синергетики, которая, по нашему убеждению, с научной точки зрения наиболее корректно объясняет специфику развития демократии, и в этом контексте позволяет не впадать в какие-либо крайности при определении природы исторической эволюции феномена народовластия.

Ключевые слова*:* демократия, концептуализация, современность, синергетика.

Понятие демократии – одно из наиболее исследуемых в современной науке и одно из наиболее обсуждаемых в социально-политической жизни. Сегодня оно имеет сотни определений: начиная с первого, античного понимания, дословного перевода с древнегреческого – демократия (**«власть народа»***)*, заканчивая определением британского лейбориста Терри Дэвиса – «демократия – это состояние души» [1]. Существует также множество теоретических подходов и различных концепций относительно идеи демократии, которые нередко противоречат друг другу. Эти обстоятельства значительным образом осложняют исследовательскую работу над теоретическими основаниями понятия демократии. Более того, неоднозначный, нечеткий и крайне разносторонний подход к определению данного феномена в современности оставляет значимое место для теоретических «маневров» и инсинуаций, что, в свою очередь, часто прикладывается на политический пласт проблемы. В этом смысле **политическое по содержанию понятие демократии приобрело характер политизированности,** что и ввело ее научное исследование в хаотическое поле неоднозначности и непонимания.

В условиях подобной размытости в определении понятийных основ демократии неслучайно, что сегодня она имеет узкое и широкое значение. В

узком смысле демократия выражает тип *политического режима*, т.е. характеризует способы, методы, приемы осуществления политической власти и регуляции политических отношений в государстве. Очевидно, что в этом контексте она претерпела трансформацию: в Античности демократия понималась как *форма правления* и лишь с XX века демократия стала характеризовать политический режим. Кроме того, примечательно, что даже понятие политического режима в значимой степени неоднозначно воспринимается в современной науке. Так, «политический режим» исследуется в рамках двух традиций: 1. *Институциональный или политико-правовой подход* (Г. Лассуэл, К. Бэкстер, Ф. Риггс, Р. Бейкер и др.), представители которого рассматривают режим как производное от политической системы, от типа политических структур и правовых норм данного общества; 2. *Социологический подход* (М. Дюверже, Ж.Л. Кермоп и др.) рассматривает режим как понятие, которое отражает реальный тип взаимоотношения государства и его населения вне зависимости от модели правовых или системных норм [2]. В американской же литературе и вовсе вместо «режима» часто употребляется термин *«политическая система»*. Таким образом, даже в узком, «режимном» значении демократия (прежде всего, ввиду отсутствия однозначного мнения в науке касательно сути «политического режима») не имеет общепринятого понимания.

Широкое значение демократии непосредственно связано с ангажированием термина в политическом контексте, с тенденциями его трансформации в *«суперпонятие»*, в рамках чего демократия – это и политический режим, и политическая система, и форма правления, и форма государства в целом. Более того, по нашему убеждению, демократия все более и более отходит от научного дискурса и приобретает политико-идеологическое значение. В связи с этим уместны слова одного из виднейших исследователей теории демократии в современности, американского политолога Р. Даля, который отмечает, что **«слово, которым обозначают все, не означает фактически ничего; то же самое случилось и со словом демократия, которое в наше время не столько выражает очерченный и специфический смысл, сколько является знаком расплывчатого одобрения популярных взглядов»** [3].

Другой известный политолог современности Джованни Сартори считает, что подобное искажение понятий имеет более широкий размах и характерно не только для демократической проблематики, но для значимой части политологических исследований. Обращаясь к методологическим проблемам сравнительной политологии, Сартори заметил, что большинство

исследователей уже длительное время занимается искажением концептов: «…Мы прибегаем к растяжению концептов, или концептным натяжкам, т.е. к расплывчатой, аморфной концептуализации… И конечным результатом таких натяжек оказывается то, что приобретения с точки зрения зоны охвата, как правило, оборачиваются потерями в плане содержательной (connotative) точности. Получается, что мы можем охватить большее пространство, только если скажем меньше, причем скажем это гораздо туманнее», – писал Сартори еще в 1970 году [4]. Политолог, таким образом, подметил тенденции, которые привели к тому, что при рассмотрении тех или иных понятий их объем искусственно расширяется за счет размывания содержания, что в свою очередь **провоцирует утрату точности, «околонаучную», размытую концептуализацию**. Схожую мысль выразил также А. Цукерман, который хотя и рассуждает на примере понятия элиты, но формулирует суждение более широкого характера: «Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием» [5].

Следует отметить, что анализ основных подходов к пониманию демократии (и не только демократии) во многом доказывает правомерность замечаний отмеченных исследователей: в теоретическом пространстве политической науки существуют либо чрезмерно размытые определения демократии, которые, в свою очередь, предполагают достаточно широкий спектр интерпретаций и подходов в понимании данного феномена, либо подходы – дискретные, «осколочные», сужающие содержание концепта. Наиболее ярким примером последнего является попытка, выражаясь терминологией позитивистов, *«верификации»,* редуцирования демократии до т.н. «протокольного предложения», в соответствии с которым демократия, по сути, определяется как модель политической системы в виде действия **рыночной экономики и либеральной идеологии, от общества к обществу дифференцируемая «пакетом» институтов и норм**. При этом, зачастую подобное понимание демократии искусственно переводится на весь объем понятия, то есть, «либерально-капиталистическая» интерпретация демократии, которая, как показывает история, представляет нам лишь современную (начиная с XVIII–XIX веков) форму демократии, сегодня часто представляется в качестве демократии *per se*, как сам концепт демократии. Иначе говоря, понятие демократии подменяется ее суженным пониманием, проявляемым установками лишь ее современной формы.

Между тем, некорректность подобного подхода обусловлена следующим вполне очевидным, но исключительно важным методологическим

замечанием: история демократии – это история ее разных вариаций, рассматриваемых в качестве демократий как таковых, прежде всего, в рамках конкретной эпохи, конкретного этапа развития феномена: в эпоху Античности демократия определялась так, как понималась в ее культурно-мировоззренческом контексте, и здесь она выступала в форме афинской модели прямой демократии с сочетанием института рабства (в свою очередь, имевшего специфические черты) и т.д.; в Средневековье демократия получила иную интерпретацию и вновь понимаемую, прежде всего, в рамках своей эпохи: здесь «демократией» выступала уже непрямая, парламентарная республика, мыслимая вне либерального и капиталистического контекста; наконец, и современная модель демократии является демократией как таковой исключительно в рамках современности, оцениваемая с позиций сегодняшних доминирующих социально-политических ценностей (пронизанных идейными установками либерализма и капиталистического общества). Таким образом, речь идет как минимум о 3 разных пониманиях демократии, где каждая отражает дух эпохи и в этом смысле каждая по-своему «верна». Объединяет же всю историю демократии все эти три эпохальные формы номинальная формулировка «власть народа», исходящая от перевода древнегреческого термина: фактически, именно эта идея пронизывала все трансисторические понимания демократии, следовательно, именно в ней следует видеть понимание «демократии вообще», а не ее конкректной «модельной» вариации. Поэтому определение понятия демократии с позиций лишь ее современной формы (либерально-капиталистической) представляет грубую методологическую ошибку, и этот подход можно рассматривать **исключительно в контексте определения современной формы демократии, а не демократии вообще.**

Итак, небезосновательным будет утверждение, что проблема определения демократии сама по себе мыслима в рамках определенного контекста и определенного дискурса, обусловленного исторической эпохой, а также парадигмальными установками этой эпохи. С данной точки зрения перенесение одной, частной формулировки на весь феномен, универсализация частного некорректна и должна быть неприемлима в науке. Думается, что при определении демократии в современности основная ошибка заключается в допущении, что ее история – это история прямолинейного развития, история линейного прогресса, а современная демократия выступает как «апогей» этого развития, и именно поэтому понятие демократии должно определяться в духе принцнипов и идей лишь современной, «высшей» формы демократии. Вместе с тем, представляется,

что история демократии, логика ее развития, скорее, объяснима с позиций *синергетического подхода*, ведущей объяснительной теории современной, по определению Степина, *постнеклассической науки* [6].

Синергетика, рассматривающая неравновесные и открытые системы в физике, представила механизм развития, применимый также и в социальных науках. Суть подхода заключается в следующей формуле развития: импульс среды предопределяет колебания системы (открытой системы), так называемые *«флуктуации»,* продолжительность, количественное накопление которых в итоге приводит к точке *бифуркации* («точке невозврата»), предопределяющей разные пути и возможности дальнейшего развития объекта. При этом, несмотря на то, что сам выбор системы того или иного сценария развития имеет случайный, непредсказуемый характер, тем не менее, в рамках исследования синергетического подхода было подмечено о наличии некоторого естественного влечения системы в сторону определенного выбора, определенного состояния системы, что обозначается термином *«аттрактор»* [7]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что, несмотря на самые различные метаморфозы создаваемых после бифуркации систем, несмотря на их качественное отличие, существует некоторая «природная связь» между состояниями системы (феномена) в процессе ее развития, которая пронизывает все ее трансформации и создаваемых вследствие их вариаций. Чаще всего, эта связь обусловлена тем обстоятельством, что **«поведение систем зависит от их предыстории»** [8]. С этих позиций следует рассматривать также и развитие демократических систем: общество (демократическое) выступает как пример открытой системы, которое подвержено влияниям среды (эпохи); объективно или субъективно порождаемые тенденции смены эпохи знаменует смену среды, и направляемые импульсы приводят к флуктуациям демократии данного исторического периода; усиление флуктуаций приводит к точке бифуркации, после которой система (демократия) «выбирает» определенный сценарий развития, в результате чего порождается определенная модель, тип демократической системы (в глобальном срезе – переход от античной формы к средневековой, затем к современной). При этом, в качестве аттрактора, притягивающего начала всех этих системных, бифуркационных трансформаций, выступает **идея народной власти**, которая объединяет качественно отличающиеся модели демократической системы. Таким образом, история демократии, появление ее разных форм свидетельствует о том, что развитие демократии также во многом объясняется именно через подход синергетики, который открывает исследователю **историю системной**

открытости и синергетической непредсказуемости развития (самоорганизации) демократии в форме проявления многовариантности феномена. Каждое качественное изменение системы в данном случае не выступает как ступень прогресса, а выражает ту или иную грань феномена, возжможность его реализации в определенной варианте. Синергетика рассматривает процессы развития с позиций эволюционизма, но не впадает в крайность исключительно прогрессистского толкования эволюции и самоорганизации. Более того, точка бифуркации предполагает также возможность уничтожения системы. В этой связи А. Баблоянц замечает, что «эта ситуация (точка бифуркации – С.Ш.) напоминает бегуна, который... достиг пересечения трех дорог. Прямая дорога продолжается через шаткий мостик. Если бегун будет продолжать путь через мостик, он может потерять равновесие и упасть на одну из «твердых» дорог, пересекающихся под ним» [9].

Таким образом, можно заключить, что современное состояние демократии не означает с необходимостью ее высший уровень эволюции, следовательно, оно выступает лишь как **очередное «постбифуркационное» состояние системы**, из чего в, свою очередь, следует, что и оценка всей истории демократии исключительно с позиций ее современной формы с научной точки зрения некорректна и недопустима. Поэтому вышеотмеченная «суженная» форма концептуализации демократии должна быть исключена из пространства научных исследований.

Между тем, традиция искаженного осмысления демократии сегодня не только продолжает иметь место, но и подвергает профанации (зачастую ретроспективно) мысли многих исследователей демократии. В этом вопросе исключение не составил даже *Алексис де Токвиль* (1805–1859) – один из наиболее выдающихся аналитиков современной формы демократии. Специфика исследовательской интенции де Токвиля, направленность его анализа исключительно на современную форму демократии в контексте значимости его концепции в современной политической науке, а также (часто наблюдаемая в истории политических учений) политизация и заведомо неправильная интерпретация научного наследия мыслителя в современности дают основания полагать, что токвилевская традиция была подчинена определенным политико-идеологическим целям, и в этом смысле явилась теоретико-методологическим инструментом обоснования и оправдания подмеченной выше концептуализации демократии с позиций верховенства или акцентации ее современной формы. Следует заметить, однако, что французский автор обращался к современной демократии не

потому, что воспринимал ее как «наивысший уровень» развития демократии, а ввиду того, что «в эпоху великой демократической революции» [10] именно современная форма народовластия выступает как реальность и именно в этом контексте ее проблемы и вызовы приобретают первичное значение по отношению к историческим проблемам традиционной демократии. Более того, в контексте обсуждаемых в данной статье синергетических аспектов концептуализации демократии теория де Токвиля затрагивается не случайным образом: в идеях французского автора выделяются многие элементы синергетики (задолго до институционализации синергетики в науке), что было подмечено еще Г. Хакеном [11] – одним из основателей синергетической научной дисциплины. Иначе говоря, подсказки на толкование и осмысление современной демократии в синергетическом духе были даны еще в XIX веке.

Заключая же данную статью, следует отметить, что десциентификация демократии – это лишь один случай проявления глубокого кризиса, наблюдаемого в рамках современных социально-политических исследований. Особое место демократии в жизни сегодняшнего мира, однако, существенно увеличивает ответственность за попытки ее антинаучного рассмотрения, ибо демократия, как отмечал затронутый нами де Токвиль, стала главным условием развития «нового общества», и ныне весь социум подчинен ее «капризам». В то же время ее «эзопова» сущность, сочетание выдающихся преимуществ и одновременно наиболее губительных рисков и угроз требует исключительно чуткого, осторожного отношения к ней – как в плоскости практического применения, так и в плане научной концептуализации феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вступительная речь Т. Дэвиса в летнем университете демократии Совета Европы в 2006 году. URL: http://www.schoolsofpoliticalstudies.eu/opening-speech-Terry-Davis-2006.aspx (дата обращения: 10.07.2006).
2. *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Изд-во «Интерпракс», 1995, 296 с. С. 12
3. *Даль Р.* Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003, 576 с. С.9
4. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии. Журнал "Политические исследования" (Полис), №3-5, 2003. СС. 67–77. С .69
5. Zuckerman A. The Concept "Political Elite": Lessons from Mosca and Pareto. – "Journal of Politics", No.39, 1977. PP. 324–344. C. 329
6. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии, Изд-во «Правда», 1989, № 10. СС. 3–18.

7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой // Пер. с англ. Ю.А. Данилова. Общ. Ред. и послесл. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Изд-во «Прогресс», 1986, 432 с. С. 173.
8. Там же. С. 217.
9. *Баблоянц А.* Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М.: Изд-во «Мир», 1990, 373 с. С. 200
10. *Токвиль А. де*. Демократия в Америке/ Пер. с франц.,предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Изд-во «Прогресс», 1992, 554 с. С. 27.
11. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003, 320 с. С. 196; 213.

THE ISSUE OF DEMOCRACY CONCEPTUALIZATION IN CONTEXT OF MODERNITY: THE SYNERGISTIC ASPECT

S. Shirkhanyan

ABSTRACT

There is an immense amount of articles, books and other forms of research over the studies of the concept of democracy. At the same time the modern conceptualization of that phenomenon is based primarily on its politically committed perception, which necessitates making some corrections on the very logic of those researches. In this article the attention would be concentrated to the democracy conceptualization based on the principles of the synergistic theory which explains the specifics of democracy development from the most correct scientific positions when defining the nature of its historical evolution.
Keywords: democracy, conceptualization, modernity, synergetics.

ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ԿՈՆՑԵՊՏՈՒԱԼԱՑՄԱՆ ԽՆԴԻՐԸ ԱՐԴԻԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ. ՍԻՆԵՐԳԵՏԻԿ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐ

Ս.Ս. Շիրխանյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Այսօրվա կարևորագույն հասկացություններից մեկի՝ ժողովրդավարության կոնցեպտի շուրջ հետազոտությունները ներկայացված են մեծաքանակ հոդվածների, մենագրությունների, գրքերի և այլ ձևաչափով իրականացված մի շարք գիտական ուսումնասիրությունների տեսքով: Միաժամանակ, ժողովրդավարության արդի կոնցեպտուալացումը հիմնված է սույն հասկացության քաղաքականացված, որոշակիորեն խեղաթյուրված ըմբռնման վրա, ինչը հրատապ է դարձնում տվյալ ոլորտում գիտական հետազոտությունների տրամաբանության հարցում որոշակի շտկումների ձևակերպման խնդիրը: Սույն հոդվածում, մասնավորապես, ուշադրություն է դարձվում ժողովրդավարության՝ սիներգետիկ տեսության սկզբունքների ներքո կոնցեպտուալացումը, ինչը, մեր համոզ-

մամբ, թույլ է տալիս գիտական տեսանկյունից առավել կոռեկտ կերպով բացատրել դեմոկրատիայի զարգացման յուրահատկությունները և այդ համատեքստում ժողովրդավարության պատմական էվոլյուցիայի առանձնահատկությունների սահմանման հարցում խուսափել ծայրահեղություններից:

Հիմնաբառեր՝ ժողովրդավարություն, կոնցեպտուալացում, արդիականություն, սիներգետիկա:

ЭКОНОМИКА

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВАЛЮТНОЙ ЛИКВИДНОСТИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Э.М. Сандоян, М.А. Восканян, М.Г. Барсегян, Л.А. Мнацаканян

АННОТАЦИЯ

Оптимальная валютная политика является одним из важнейших факторов экономического роста стран, так как она обеспечивает конкурентоспособность отечественных товаров на мировом рынке, стимулирует приток капитала, приспосабливает страны к внешним экономическим шокам. Выбор правильной валютной политики, которая будет соответствовать экономическому состоянию страны, является сложной задачей. Активное развитие телекоммуникационных технологий, разработка новых финансовых инструментов, которые стимулируют поток капитала из одной страны в другую, привели к ускорению процесса глобализации финансовых рынков. Так как весь мир превращается в единый рынок, актуальным становится вопрос, какую валютную политику использовать в условиях глобализации, и какое воздействие она окажет на развитие экономики. Его резкое обесценение или укрепление может негативно повлиять на экономику стран, а в особенности на финансовый рынок. В данной статье сделана попытка дать оценку сложившейся ситуации на денежном рынке России и ее воздействия на валютную ликвидность финансового рынка Армении в контексте развития армяно-российских торгово-экономических отношений.

Ключевые слова: валютная политика, ликвидность, финансовый рынок, инфляция.

Кризис на валютном рынке Армении

Важность мониторинга финансового рынка объясняется следующими факторами: 1) финансовый рынок играет ключевую роль в механизме банковского посредничества, предполагающего постоянную трансформацию краткосрочных средств в долгосрочные кредиты для экономики, что, в свою очередь, дает банкам возможность рефинансировать свои обязательства и эффективно использовать капитал для финансирования экономики; 2)

финансовый рынок первым подвергается давлению в случае наступления нестабильности, тем самым, его параметры играют роль опережающих сигнальных индикаторов; 3) конъюнктура финансового рынка страны позволяет судить о текущем уровне ликвидности в банковском секторе; 4) состояние финансового рынка влияет на способность центрального банка управлять ликвидностью банковского сектора и уровнем краткосрочных процентных ставок.

В начале декабря 2014 года на фоне обострения геополитической ситуации в мире, серьезных спадов на сырьевых рынках и обвала российского рубля дестабилизация на валютном рынке России спровоцировала аналогичную ситуацию на валютном рынке Армении и привела к постепенному обесценению драма. ЦБ РА назвал девальвацию драма корректировкой валютного курса в целях повышения конкурентоспособности национального экспорта и сохранения валютных резервов. Однако сложившаяся ситуация является результатом длительных негативных развитий, в частности, уменьшения финансовых потоков и сокращения инвестиций в экономику РА.

Обвал драма в конце 2014 года спровоцировал ажиотаж среди населения. Курс доллара в обменных пунктах достиг580драмов за доллар, многие банки ограничили продажи валюты. При этом, спекуляции с валютного рынка перешли на потребительский, в частности, произошел рост цен не только на импортную, но и на местную продукцию. В результате девальвация драма привела к тому, что все товары в стране подорожали на 15–20%, и население начало активно скупать подорожавшие доллары и продукты.

Еще с августа 2014 года Центральнй Банк Армении начал осуществлять стресс-тесты с более жесткими сценариями для оценки влияния внутренних и внешних рисков на возможные неблагоприятные развития в экономике. Было оценено влияние товарных рынков, в том числе нефтяных, а также валютных рынков на финансовую систему Армении. Девальвационные процессы в ноябре побудили ЦБ РА продать в рамках интервенций валюту на фондовой бирже NASDAQOMX на $93,84 млн. (около 98,3% от совокупного объема валютных биржевых сделок за ноябрь). В конце ноября 2014 года ЦБ увеличил стоимость краткосрочной драмовой ликвидности, постепенно повысив ставку ломбардного репо с 8,25% до 10,25% и до 21% в декабре, продолжая вмешательство на валютном рынке. Также с 8 декабря был внедрен новый инструмент, предполагающий продажи валюты посредством ежедневных аукционов в объявленном заранее ограниченном

количестве. Таким образом, ЦБ достиг того, что ежедневные торги с $6 млн. сократились до $2 млн. Для смягчения будущих инфляционных давлений и стимулирования возвращения инфляции к целевому показателю регулятор повысил ставку рефинансирования на сначала до 8,5%, а в январе 2015 года до 9,5%. В то же время, был понижен норматив обязательного резервирования в инвалюте с 24% до 20%, а ставка краткосрочной ликвидности драма – с 21% до 20%.

В связи со сложившейся ситуацией попытаемся оценить насколько данная ситуация в РА обусловлена валютным кризисов на финансовых рынках России и в какой степени экономика Армении зависит от ситуации в России в контексте развития армяно-российских торгово-экономических отношений.

Методология и результаты

Для подтверждения выдвинутой гипотезы были использованы следующие показатели экономик РА и РФ:

– обменный курс доллара США к армянскому драму и российскому рублю;

– индексы потребительских цен;

– прямые иностранные инвестиции;

– объем международных резервов;

– денежные агрегаты M0, M2 и M2X (агрегат M1 не был рассмотрен, поскольку его начали рассчитывать в РФ с 2014г.);

– активы коммерческих банков и объем трансфертов в РА и экспорта нефти из РФ).

Временной диапазон рассматриваемых переменных охватывает ежемесячные данные за период с 2008–2014гг.

Имея временные ряды вышеперечисленных показателей, нами была рассчитана их волатильность (кроме показателей ПИИ, объемов трансфертов в РФ и экспорта нефти из РФ, изменения которых представлены в процентных изменениях), после чего был произведен анализ связи между ними при помощи корреляционного анализа.

При расчете волатильности мы использовали ежемесячную волатильность $\sigma_{monthly}$, которая равна произведению стандартного отклонения (σ_{SD}) процентных изменений переменных и квадратного корня из T (1/12).

$$\sigma_{monthly} = \sigma_{SD}\sqrt{1/12}$$

После расчета волатильности был применен корреляционный анализ для установления взаимосвязи между переменными. Общая формула корреляции между двумя переменными $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{y}$ имеет следующий вид:

$$r_{x,y} = \frac{Cov(x,y)}{\sigma_x, \sigma_y}, где$$

$r_{x,y}$ – коэффициент корреляции между переменными $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{y}$;

$Cov(x,y)$– коэффициент ковариация между переменными $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{y}$;

σ_x – стандартное отклонение независимой переменной $\boldsymbol{x}$;

σ_y – стандартное отклонение независимой переменной $\boldsymbol{y}$.

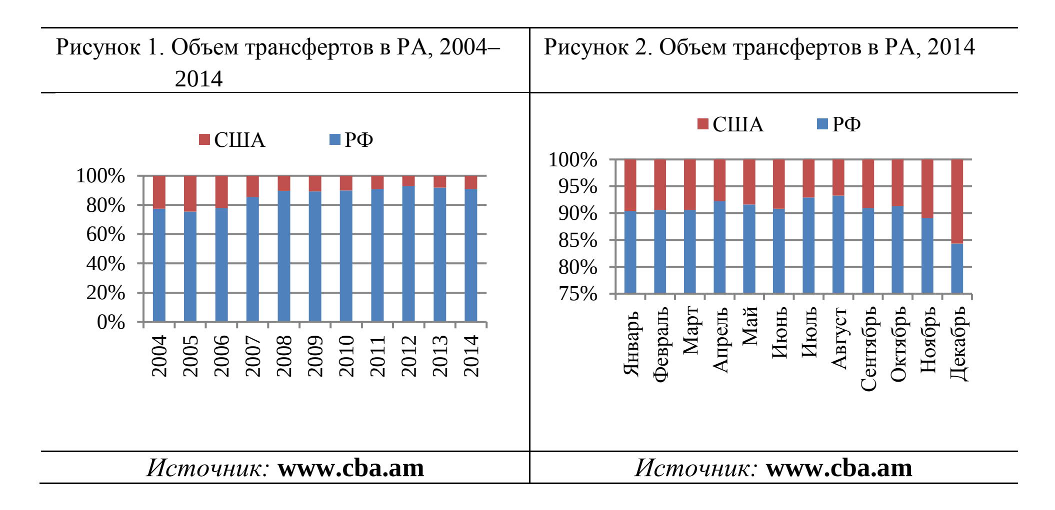
Результаты корреляционного анализа показывают, что существует положительная взаимосвязь между выбранными показателями, а именно между колебаниями основных показателей денежно-кредитной политики, что, в свою очередь, отражается на финансовой система Армении (см. в приложении).

Связь экономик России и Армении

Основные каналы воздействия России на экономику Армении:

1. *Трансферты*

Рисунок 1. Объем трансфертов в РА, 2004–2014	Рисунок 2. Объем трансфертов в РА, 2014

Источник: **www.cba.am**	*Источник:* **www.cba.am**

Как мы видим из рисунка 1, 90% всех трансфертов в Армению приходит из России. Однако к концу 2014 года вследствие сложившейся ситуации их доля по отношению к валютным трансфертам сократилась до 80%. (см. рис. 2), что свидетельствует о прямой зависимости от экономики РФ.

2. *Ситуация на валютном рынке РФ.*

С учетом дефицита долларовой ликвидности на российском рынке армянская диаспора переходит на рублевые трансферты. В Армении уровень

долларизации за последние месяцы вырос до 90%. Как известно, высокие риски, высокая долларизация наблюдается в тех экономиках, где национальная валюта слаба.

3. *Объем экспорта из России в Армению*.

Армении необходимо поставить задачу восстановления паритета, иначе реализация любого товара в России становится убыточным (см. структуру экспорта и импорта РА, рис.3 и 4). Многие армянские товаропроизводители приостановили свой экспорт в Россию в конце ноября, другие значительно сократили его с целью не столкнуться с проблемой возвратойместа на рынке. Таким образом, армянские экспортеры несут двойной убыток из-за сокращения объемов экспорта, что в результате приведет к сокращению объемов иностранной валюты в Армению. Это является третьим существенным каналом воздействия.

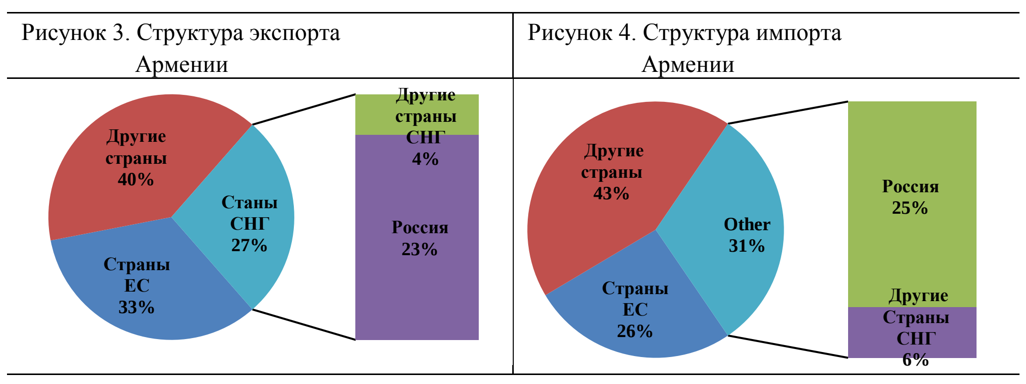

Рисунок 3. Структура экспорта Армении

Рисунок 4. Структура импорта Армении

Источник: www.armstat.am

Еще одним фактором по России является индекс РТС. Он, в отличие от индекса ММВБ рассчитывается в долларах и показывает состояния капитализации российского рынка с точки зрения мирового рынка капитала, то есть индекс отражает отношение нерезидентов и внешних инвесторов к российскому рынку капитала. Снижение индекса на 30% с начала ноября свидетельствует о значительном росте оттока капитала с рынка России (см. рис. 5).

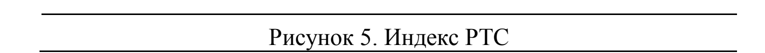
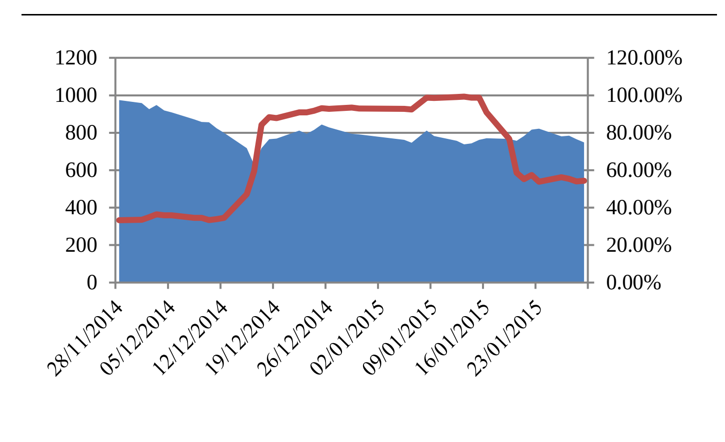

Рисунок 5. Индекс РТС

Источник: www.moex.com

Глобализация за последние годы сопровождалась развитием и углублением международных стандартов внешней торговли до определенного периода. Позже начались дезинтеграционные процессы. Первым таким процессом является создание Европейского союза. С целью минимизации влияния глобализации экономик европейцы отделились, создав свой валютный и общий таможенный союзы. Однако это не дало положительных результатов.

Россия сегодня собирает вокруг себя евразийский экономический союз. Данные процессы являются как осознанными, так и не осознанными или даже умалчиваемыми дезинтеграционными процессами в ответ на шоковое экзогенное воздействие глобализации на национальную экономику. И в этой ситуации, по мнению Аузана, надо идти обратно: начинать защищать национальную экономику или, наоборот, провести модернизацию существующей системы.

Говоря об экономике Армении, следует отметить, что она на данный момент не является самодостаточной системой и она абсолютно экзогенно зависима, то есть она подвержена воздействию любого шока. Сравнивая кризисы 2008–2009гг. и текущий, можно заметить, что, во-первых, существует высокая волатильность национальных валют, продолжаются спекулятивные процессы на FOREX рынках, и все это сопровождается ажиотажем и паникой на рынках. Во-вторых, наблюдается высокая волатильность на рынке капитала, и сегодняшний фондовый рынок России показывает те же риски, которые были в 2008–2009гг., когда шок был многофакторным. В то же время, несмотря на монофакторность текущего шока, он носит более глубокое воздействие.

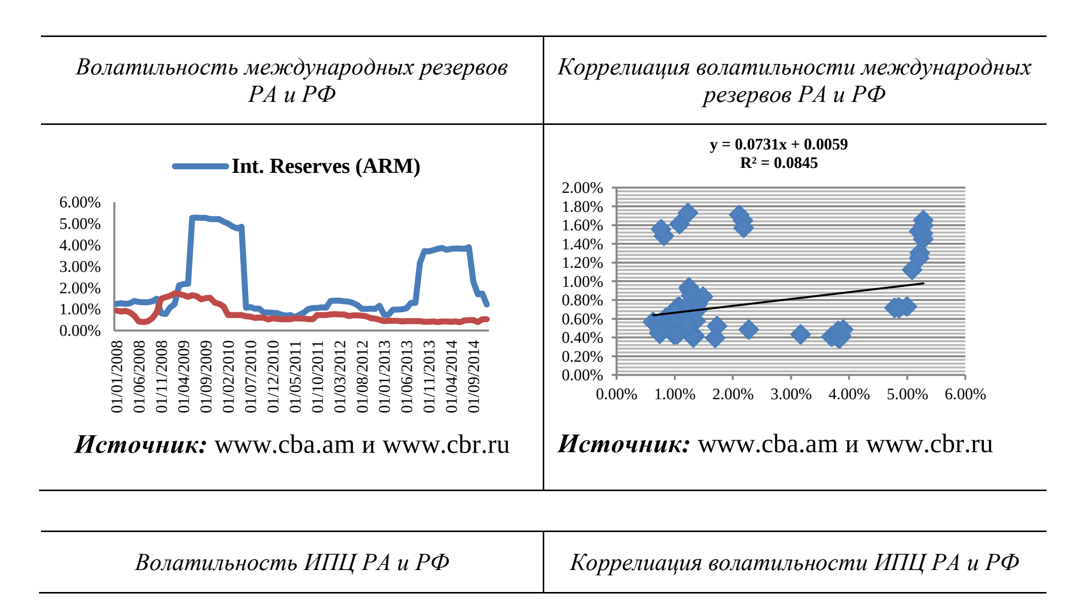
Итак, для защиты экономики рыночными механизмами, не разрушая мотивационные процессы и не ограничивая интеграционные процессы и обеспечения ее конкурентоспособности при стимулировании финансовым сектором экономического роста, необходимо указать 2 направления:

– *Первое.* Обеспечить большую надежность адаптивности стабильности институтов финансового посредничества. Данную цель можно достигнуть исключительно путем модернизации механизмов регулирования и надзора за деятельностью институтов финансового посредничества и, в первую очередь, банковской системы.

– *Второе.* Развить регулятивные механизмы валютного регулирования и валютной политики, которые необходимо осуществлять на рыночной основе, а не путем ограничений и жестких механизмов. Данное направление, с одной стороны, позволит минимизировать риски (рыночные, валютные, кредитные), с другой стороны, обеспечит мотивацию банковских систем и их заинтересованность в кредитовании экономики.

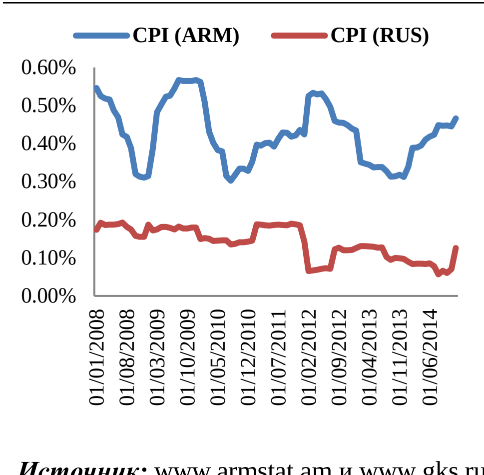
Данные два направления предполагают запрет участия банков на рынке капитала в корпоративном сегменте, отказ от действующих нормативов валютной позиции в пользу нормативов валютного паритета, что означает рыночный механизм запрета спекулятивных валютно-обменных операций и применение механизма обязательного резервирования.

Приложение.

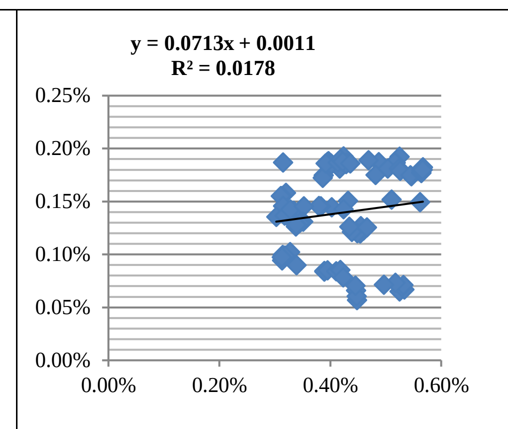

Волатильность международных резервов РА и РФ	*Корреляция волатильности международных резервов РА и РФ*
Источник: www.cba.am и www.cbr.ru	***Источник:*** www.cba.am и www.cbr.ru

Волатильность ИПЦ РА и РФ	*Корреляция волатильности ИПЦ РА и РФ*

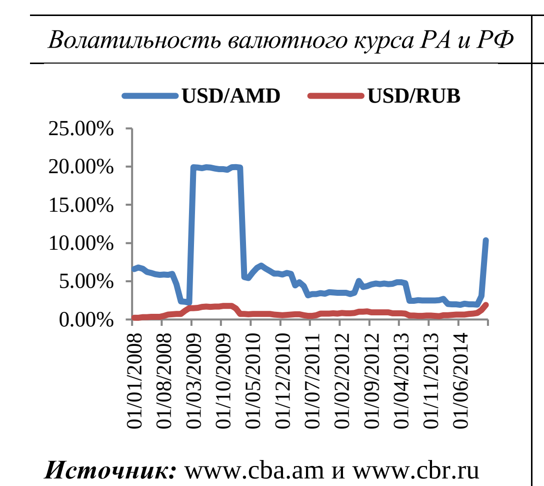

Источник: www.armstat.am и www.gks.ru

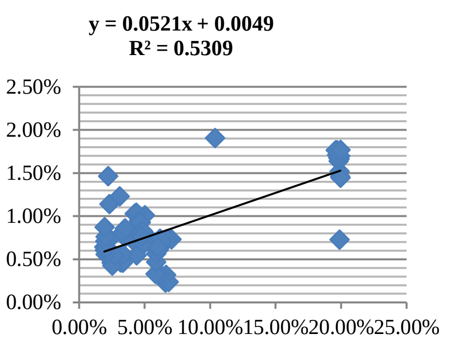

Источник: www.armstat.am и www.gks.ru

Волатильность валютного курса РА и РФ	*Корреляция волатильности РА и РФ*

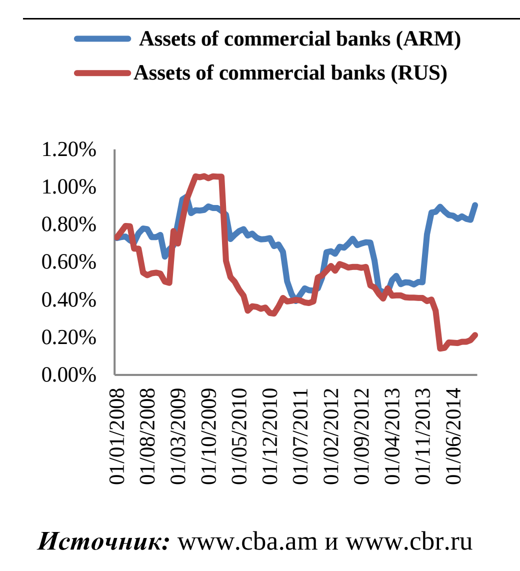
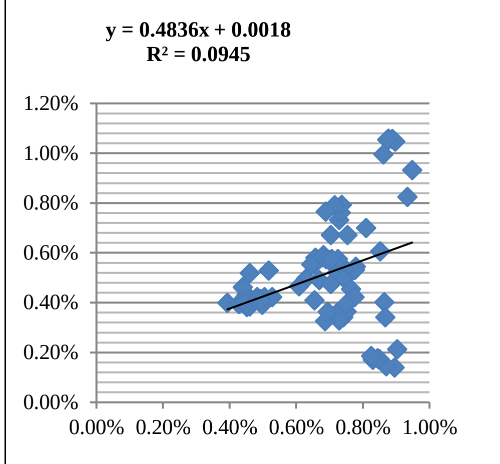

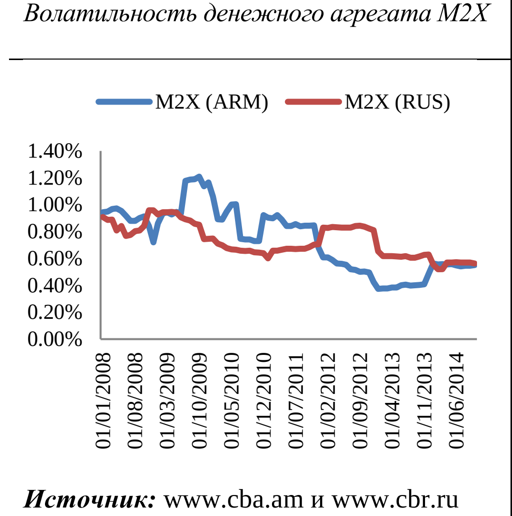
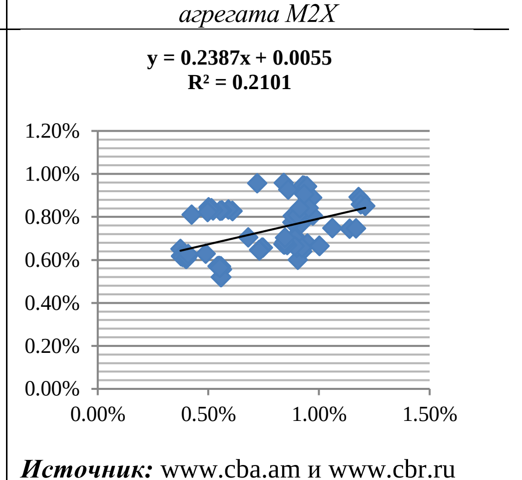
Источник: www.cba.am и www.cbr.ru

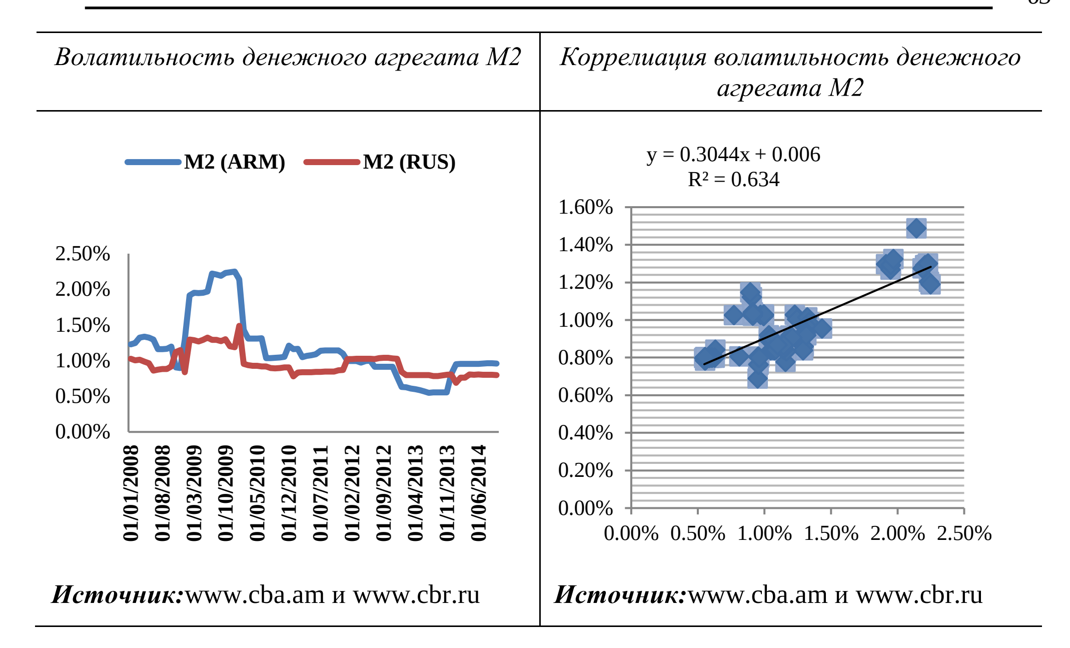

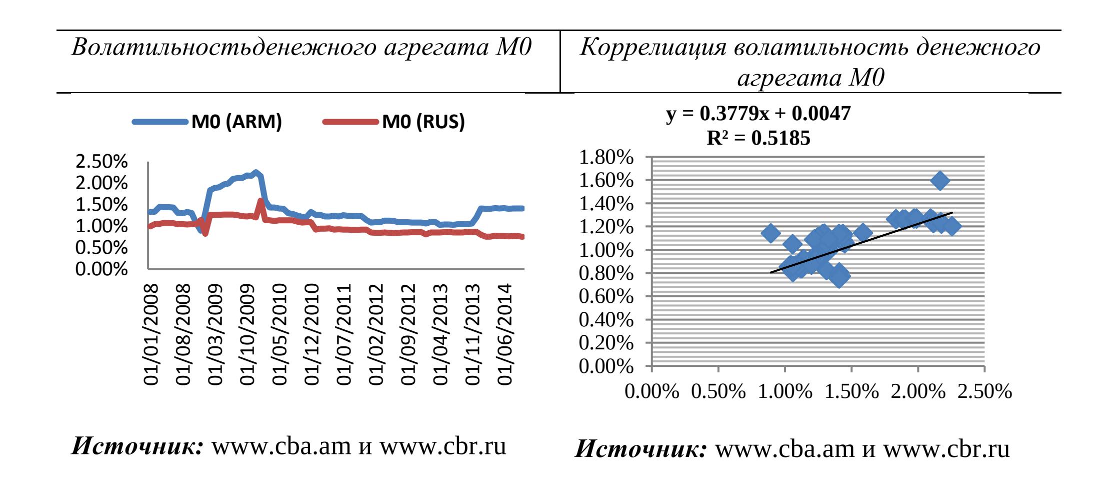
Источник: www.cba.am и www.cbr.ru

Волатильность активов коммерческого банка РА и РФ	*Корреляция волатильности активов коммерческого банка РА и РФ*

	
Источник: www.cba.am и www.cbr.ru	***Источник:*** www.cba.am и www.cbr.ru

Волатильность денежного агрегата M2X	*Корреляция волатильность денежного агрегата M2X*
	
Источник: www.cba.am и www.cbr.ru	***Источник:*** www.cba.am и www.cbr.ru

Процентное изменение ПИИ по отношению к предыдущему периоду

Источник: www.cba.am и www.cbr.ru

Коэффициентыкорреляции

Variables		R
CPI (Arm)	USD/AMD	0.60
CPI (Rus)	USD/RUB	0.16
CPI (Arm)	USD/RUB	0.51
USD/AMD	USD/RUB	0.73
Int. reserves (ARM)	USD/AMD	0.52
Int. reserves (RUS)	USD/RUB	0.75
Int. reserves (ARM)	USD/RUB	0.44
M0(ARM)	USD/AMD	0.85
M0(RUS)	USD/RUB	0.53
M0(ARM)	USD/RUB	0.72
M2(ARM)	USD/AMD	0.86
M2(RUS)	USD/RUB	0.78
M2(ARM)	USD/RUB	0.73
M2X(ARM)	USD/AMD	0.66
M2X(RUS)	USD/RUB	0.45
M2X(ARM)	USD/RUB	0.38
Commercial banks assets (ARM)	USD/AMD	0.53
Commercial banks assets (RUS)	USD/RUB	0.67
Commercial banks assets (ARM)	USD/RUB	0.41
FDI(ARM)	USD/AMD	0.4
FDI(RUB)	USD/RUB	-0.50

FDI(ARM)	USD/RUB	0.51
Remittances (ARM)	USD/AMD	0.73
OIL (RUS)	USD/RUB	0.92
Remittances (ARM)	USD/RUB	0.894

Источник: расчеты авторов

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт ЦБ РА, www.cba.am
2. Национальная статистическая служба РА, www.armstat.am
3. Официальный сайт ЦБ РФ, www.cbr.ru
4. Национальная статистическая служба РФ, www.gks.ru
5. www.moex.com
6. www.nasdaqomx.am

ISSUES AND TRENDS OF FOREIGN EXCHANGE LIQUIDITY IN THE FINANCIAL MARKET OF ARMENIA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF ARMENIAN-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS

E. Sandoyan, M. Voskanyan, M. Barseghyan, L. Mnatsakanyan

ABSTRACT

Optimal monetary policy is one of the most important factors of economic growth of countries, as it ensures the competitiveness of domestic goods on the world market, stimulates capital inflows, adapt the country to external economic shocks. Choosing the right monetary policy, which will meet the economic condition of the country, is a difficult task. There is an active development of telecommunication technologies, development of new financial instruments that stimulate the flow of capital from one country to another, led to the acceleration of the globalization of financial markets. As the whole world becomes a single market, the urgent question of what monetary policy be used in the context of globalization, and what effect it will have on the economy. His sudden impairment or consolidation may have a negative impact on national economies, and in particular on the financial market. An attempt is made in this article to assess the situation on the money market of Russia and the impact on the foreign currency liquidity of the financial market of Armenia in the context of the development of the Armenian-Russian trade and economic relations.

Keywords: monetary policy, liquidity, financial market, inflation.

ԱՐՏԱՐԺՈՒԹԱՅԻՆ ԻՐԱՑՎԵԼԻՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐՆ ՈՒ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ՇՈՒԿԱՅՈՒՄ ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԱՌԵՒՏՐԱՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Է.Մ. Սանդոյան, Մ.Հ.Ոսկանյան, Մ.Գ.Բարսեղյան, Լ.Ա.Մնացականյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Օպտիմալ արտարժութային քաղաքականությունը հանդիսանում է երկրի տնտեսական աճի հիմնական գործոններից մեկը, քանի որ այն ապահովում է հայրենական ապրանքի մրցունակությունը միջազգային շուկայում, խթանում է կապիտալիներիհոսքը, հարմարացնում է երկրները արտաքին տնտեսական ցնցումներին: Երկրի տնտեսական վիճակին համապատասխանող արտարժութային քաղաքականության ընտրությունը համարվում է դժվար խնդիր: Հեռահաղորդակցման տեխնոլոգիաների և նոր ֆինանսական գործիքների զարգացումը, որոնք խթանում են կապիտալի հոսքը մի երկրից մյուսը, հազեցնում են ֆինանսական շուկաների գլոբալիզացման ընթացքը: Գլոբալիզացիայի պայմաններում արդիական է դառնում արտարժութային քաղաքականության ընտրության և տնտեսության զարգացման վրա նրա ազդեցության հարցը: Ազգային արժույթի կտրուկ արժեզրկումը կամ ամրապնդումը կարող է բացասաբար ազդել երկրի տնտեսության վրա, հատկապես ֆինանսական շուկայի վրա: Այս հոդվածում փորձ է արվում գնահատել Ռուսաստանի դրամական շուկայում ստեղծված իրավիճակը և նրա ազդեցությունը Հայաստանի ֆիանսական շուկայում արտարժույթի իրացվելիությանը հայ-ռուսական առևտրատնտեսական հարաբերությունների զարգացման համատեքստում:

Հիմնաբառեր: արտարժութային քաղաքականություն, իրացվելիություն, ֆինանսականշուկա, գնաճ:

ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОФФШОРНОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РА

А.Л. Месробян, Р. Арутюнян, А. Бабаян

АННОТАЦИЯ

Некоторые страны с целью дополнительного стимулирования экономики приняли путь развития оффшорной индустрии на своей территории, тем самым, обеспечив как рост экономики, так и благосостояние своего населения. Цель данной статьи заключается в выявлении возможностей РА последовать их примеру. Анализ экономической, социальной и политической ситуации в стране привел к выводу о том, что РА, несмотря на ряд предпосылок, на сегодняшний день не в состоянии внедрить механизм оффшорной юрисдикции.

Ключевые слова: оффшорная юрисдикция, экономико-социальная стабильность, инвестиционный климат, финансовый сектор.

Привлечение инвестиций является одной из ключевых экономических стратегий большинства стран мира. Оффшорная индустрия может явиться одним из возможных решений данной проблемы для РА. Базой для создания оффшорной индустрии являются: социально-экономическая и правовая стабильность, качество институтов, степень развитости финансовой системы, привлекательный инвестиционный климат.

В связи с этим, рассмотрим в динамике некоторые макропараметры РА, а также отрицательное сальдо текущего баланса (обусловленное превышением импорта над экспортом и потребления над производством).

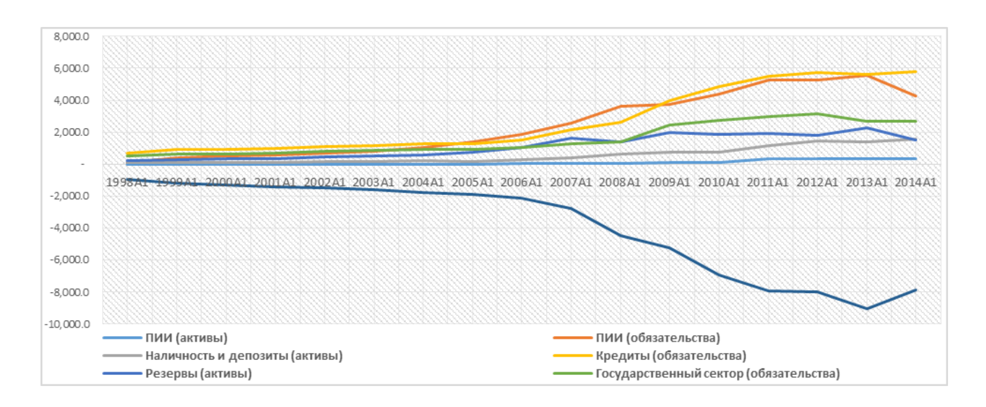

График 1. Изменения некоторых макропараметров РА за 1998–2014гг. (млн. драмов РА).[1]

[1]График построен на основе статистики ЦБ РА www.cba.am

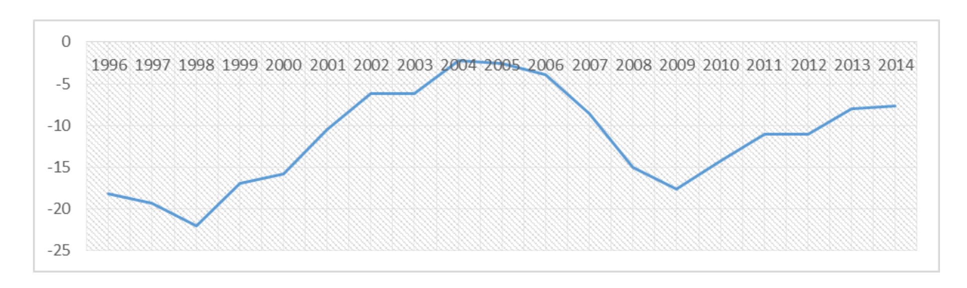

График 2. Изменение текущего баланса, 1996-2014гг. (% к ВВП.)[2]

Важную роль играет масштаб и степень диверсификации денежных переводов в РА (19,66% ВВП), где РА уступает лишь 8-ми странам мира. Более 90% трансфертов приходит из РФ.

Как видно из вышеприведенного, экономическую ситуацию РА, в большей степени, определяют внешние факторы, что отразилось на снижении рейтинга РА агентством Moody`s с Ba3 на Ba2 [1].

Финансовая система РА слабо развита, ввиду её как однобокости (банковский сектор, состоящий из 21 банка, занимает более 95% всего финансового сегмента), так и отсутствия стабильно действующих институтов формирования длинных денег.

Хотя банковская система является наиболее развитым и стабильным сектором в РА, однако значительно отстает от банковского сектора большинства оффшорных юрисдикций.

Таблица 1. ***Основные позиции банковских систем РА и большинства оффшорных юрисдикций на сентябрь 2014г. (млн долларов США).***[3]

	Активы	Обязательства	Кредиты	Депозиты
Армения	**625**	**378**	**572**	**377**
Аруба	1.358	1.412	1.301	1.351
Сейшельские о-ва	3.364	9.336	2.889	8.878
Гибралтар	9.092	14.896	8.339	14.367
Мавритий	19.335	22.782	17.294	19.781
Бахрейн	32.567	34.644	30.482	33.735
Куракао	26.632	41.190	7.804	40.862

[2]График построен на основе статистики data.worldbank.org

[3]Таблица составлена на основе статистики Bank of International Settlement, 2014 www.bis.org

Ливан	13.245	45.069	9.776	42.136
Барбадос	23.740	45.378	23.265	42.782
Макао	24.278	56.320	22.922	55.022
о-в Мэн	30.825	61.010	26.898	60.025
Панама	96.434	86.958	94.369	76.032
Бермуды	97.223	88.048	70.025	79.056
Гернси	102.534	120.842	43.425	117.912
Багамы	136.449	200.846	118.037	185.795
Джерси	183.313	332.477	113.754	325.462
Сингапур	614.855	481.622	553.815	11.868
Гонконг	630.665	528.394	560.022	445.529
Каймановы о-ва	1.782.500	1.817.289	1.279.721	1.787.587

Другим фактором, привлекающим капитал в оффшоры, являются высокие показатели качества государственного регулирования законодательной и исполнительной систем.

Таблица 2. ***Показатели (рэнкинг) по уровню качества институтов, 2013г.***

Показатель	**Место / балл Армении**	**Позиция РА**
Эффективность госаппарата	70	Слабая
Политическая стабильность	62	Слабая
Законодательная сила	84	Слабая
Качество регулирования	61	Слабая
Уровень коррупции	94	Слабая
Защита миноритарных инвесторов	49	Сильная
Система налогообложения	41	Сильная

Как видно, РА отстает от большинства оффшоров по уровню качества государственных и коммерческих институтов, но, в то же время, по рейтингу Doing Business, РА предоставляет больше возможностей простоты ведения бизнеса, нежели оффшоры, в общем рейтинге, занимая 45-ое место, уступает лишь Сингапуру, Гонконгу, Дании, Исландии, Ирландии, Нидерландам и Мавритию.

Но отрицательные факторы, ограничивающие приток инвестиций, в итоге перевешивают: высокая цена перевозки продукции (ввиду необходимости транзита через Грузию); политическая нестабильность; связь и вмешатель-

ство государства в сферу частного бизнеса; низкий платежеспособный спрос и маленькая емкость рынка; региональная нестабильность.

Положительными факторами для привлечения инвестиций в Армению являются: дешевая рабочая сила; более легкий доступ к рынкам стран СНГ; развивающаяся экономика, нуждающаяся в притоке инвестиций; либеральная политика по отношению к иностранным инвестициям (а именно: равное отношение к иностранному капиталу, отсутствие ограничений на иностранное участие в капитале предприятий, свобода репатриации прибыли, отсутствие ограничений на вид бизнеса, размер инвестиций, количество сотрудников и доступа к финансовым ресурсам) [2].

Помимо этого, РА имеет соглашение о взаимной защите и стимулировании инвестиций с 37 странами и соглашение о свободной торговле со странами СНГ. Закон об иностранных инвестициях позволяет нерезидентам приобретать 100% собственности в РА, репатриировать прибыль без определенной платы. Помимо этого, законодательством РА предусмотрена возможность создания Свободных Экономических Зон (СЭЗ). На данный момент в Армении уже существуют 2 СЭЗ: СЭЗ на территории аэропорта Звартноц (Ереван), СЭЗ Меридиан (отрасль ювелирных изделий, огранки камней и сборке часов).

Однако существует один фактор, который, практически, сводит на «нет» возможность РА внедрить механизм оффшорной юрисдикции – взаимопроникновение крупного бизнеса и государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелкикян К*. «Moody's ухудшил рейтинг Армении из-за усиления внешней уязвимости и восприимчивости к рискам, на фоне членства в ЕАЭС и негативных прогнозов по России / ArmInfo Independent News Agency, 2015». http://www.arminfo.am/index.cfm?objectid=DE-7EC730-9D81-11E4-8AA80EB7C0D21663
2. www.investinarmenia.am - Официальный сайт Invest in Armenia, Global SPC

OFFSHORE JURISDICTION DEVELOPMENT POSSIBILITY IN RA

A. Mesrobyan, R. Harutyunyan A. Babayan

ABSTRACT

Some countries in a purpose to boost their economy chose to insure growth of the economy and population wellbeing through implementing offshore industry as a way of development. The purpose of the article is to reveal possibilities of the RA to follow their example. After economic, political and socio situation analysis in the country we

came to the conclusion that despite some premises it is impossible to implement offshore jurisdiction in the RA.
Keywords: offshore jurisdiction, social economic stability, investment climate, financial sector.

ՕՖՇՈՐԱՅԻՆ ԻՐԱՎԱՍՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀՀ-ՈՒՄ

Ա.Լ. Մեսրոբյան, Ռ. Հարությունյան, Ա. Բաբայան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տնտեսության լրացուցիչ խթանման նպատակով որոշ երկրներ որդեգրել են օֆշորային արդյունաբերության զարգացման քաղաքականությունը՝ այսպիսով իսկ ապահովելով ինչպես տնտեսության, այնպես էլ բնակչության բարեկեցության աճը: Տվյալ հոդվածի նպատակն է՝ բացահայտել Հայաստանի Հանրապետությունում այդ երկրների օրինակին հետևելու հնարավորություններ: Երկրի տնտեսական, սոցիալական և քաղաքական իրավիճակի վերլուծությունը հանգեցրեց նրան, որ Հայաստանի Հանրապետությունը, չնայած մի շարք նախադրյալների, այսօր ի վիճակի չէ ներդնել օֆշորային մեխանիզմը:
Հիմնաբառեր՝ օֆշոր, տնտեսական-սոցիալական ստաբիլություն, ներդրումային կլիմա, ֆինանսական սեկտոր:

МЕХАНИЗМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАВКИ CIRR ДЛЯ ЭКСПОРТНЫХ КРЕДИТОВ В РА

А.В. Карян, Ц.М. Макарян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлен механизм субсидирования процентных расходов экспортных кредитов с учетом общих регуляций ВТО и Договоренности об официальной поддержке экспортных кредитов ОЭСР. Предложена модель расчета ставки CIRR для экспортных кредитов при полном и частичном субсидировании со стороны государства процентных ставок по экспортным кредитам, которая уравновешивает интересы банков, по критерию рискованности или гарантированности получения процентных доходов по кредиту; выгод приобретателей в лице экспортеров получающих субсидирование по кредиту; по критерию затратности и доступности экспортного кредита; иинтересы государства по критерию обоснованности бюджетных расходов и достижения целей субсидирования.

Ключевые слова: экспортный кредит, страхование экспортных кредитов, базовая (справочная) ставка коммерческого кредита или процентая ставка CIRR, субсидирование процентных ставок, стимулирование экспорта, прямое кредитование экспортеров.

Для усиления экспортного потенциала и экспортной активности хозяйствующих субъектов РА, в первую очередь, требуется введение незадействованных инструментов государственного поддержания экспорта, которые успешно используются в международной практике на основе общепринятой регуляции ВТО и Договоренности об официальной поддержке экспортных кредитов ОЭСР (Arrangement on officiallly supported export credits [1], далее в тексте ДОЭК).

Если учесть, что такие механизмы в полноценном виде реализуются в странах Евразийского экономического союза, в частности, Российской Федерации, Казахстане и Беларуси, то обеспечение равных условий конкурентоспособности в едином экономическом пространстве Евразийского союза для армянских резидентов экспортеров прямо зависит от действенных механизмов применения страхования экспортных кредитов с компонентами кредитования и субсидирования кредитов.

Критерием эффективности, применения механизмов поощрения экспортеров в РА, с помощью подходов страхования экспортных кредитов с государственной поддержкой, включая кредитование и субсидирование кредитов

по ним, является соответствие применяемых режимов такого страхования, кредитования и субсидирования с нормами международного регулирования ВТО и ДОЭК и с практическими подходами, применяемых в международной практике тимулирования экспорта.

Для РА, исходя из финансовых возможностей бюджета, прямое кредитование экспортеров за счет государственных средств, ограничено возможностями государственного бюджета, но в перспективе такой институт придется ввести, это особенно актуально для долгосрочного кредитования – свыше 5 лет. Проблема повышения бремени или накладности таких расходов для бюджета также актуальна, но следует учесть, что вопрос касается ассигнований возвратных ссудных средств, (а небезвозвратного финансирования), с действенным страхованием от риска невозвратности. Другой компонент экспортного стимулирования – частичное субсидирование процентных ставок экспортных кредитов, которое в мало значительных или несущественных объемах применяется в РА с 2013г. Однако действующий в РА институт субсидирования процентных ставок по экспортным кредитам слишком «слабый» и не выдерживает критики, исходя не из-за ничтожно малых масштабов охвата, а главное по существу применяемых подходов, которые на сегодня установлены на основе постановления попечительского совета «Фонда развития Армении» (ФРА) от 18 августа 2015г. [2].

Основными проблемами являются:

– «автономность» или изолированность институтов страхования экспортных кредитов и субсидирования процентных ставок экспортных кредитов;

– отсутствие какой-либо базы расчета для установления процентных ставок для субсидируемых кредитов, что создает риски нарушения соответствующих по данному предмету регуляций ВТО и ДОЭК, а также неэффективное или расточительное использование государственных средств с возможностью коррупционных проявлений;

– ограниченность сфер применения института субсидирования (включается только перерабатывающая промышленность);

– жесткое ограничение степени субсидирования (три процентных пункта отставки кредитования).

Исходя из указанного, во-первых, следует расширить список приоритетных отраслей, которым должно предоставляться субсидирование процентных ставок кредитования. К таким областям можно причислить: точное машиностроение, ювелирную отрасль, производство часов, фармацевтику и биотехнологии, виноделие и коньякоделие и другие. Кстати, указанные отрасли признаны первоочередными по развитию экспортных

возможностей самим правительством РА в 2013г. Несомненно, исходя из ограниченных возможностей государственного бюджета, институт субсидирования процентных расходов экспортных кредитов целесообразно будет вводить постепенно и выборочно, в, первую очередь, выделяя наиболее приоритетные виды экспортно-ориентированных сфер, товаров, услуги работ. При этом, для покрытия процентных расходов экспортного кредитования следует придерживаться подхода нарастающего уровня субсидирования, начиная от частично минимально стимулирующего уровня, к примеру, начинаают 10%, до сто процентного покрытия процентных расходов по экспортным кредитам.

Правительству РА необходимо будет соответствующими регулирующими механизмами воссоединить необоснованно разъединенные институты страхования экспортных кредитов и субсидирования процентных ставок экспортных кредитов, что, несомненно, обеспечит синергический эффект. Обе структуры, реализующие эти механизмы экспортного стимулирования - «Фонд развития Армении» и «Экспортное страховое агентство Армении» находятся под прямым контролем правительства РА и, следовательно, при координации правительства РА можно ввести соответствующие положения во внутренние регуляции этих организаций и закрепить связь функционального взаимодействия между ними. К примеру, в положении о субсидировании процентных ставок экспортных кредитов «Армянского фонда развития» следует закрепить обязательное условие страхования экспортных кредитов, а в «Экспортном страховом агентстве Армении» -для выделения субсидий по процентным ставкам экспортных кредитов.

Возвращаясь к механизму субсидирования процентных расходов экспортных кредитов в РА, следует исходить из того, что в действующем положении о субсидировании «Армянского фонда развития» отсутствует какая-либо база для установления процентных ставок для субсидируемых кредитов, что противоречит нормам международного регулирования. Обратимся к основам международного регулирования данного вопроса. В соответствии со статьей 19 «Договоренности об официально поддерживаемых экспортных кредитах» (ДОЭК) при экспортном кредитовании «Базовая (справочная) ставка коммерческого процента» (Commercial Interest Reference Rates (или CIRR):

1) должна представлять собой окончательную эффективную коммерческую процентную ставку заимствований на внутреннем рынке вс оответствующей валюте;

2) должна соответствовать ставке кредитования для первоклассных отечественных заемщиков;

3) должна быть основана на затратах фондирования (финансирования) для целей экспортного кредитования с применением фиксированной процентной ставки;

4) установление ставки в национальной валюте не должна приводить к искажению условий конкуренции на внутреннем рынке;

5) должна быть сопоставима с уровнем ставок, определенным для первоклассных иностранных заемщиков.

Цель регуляции ДОЭК заключается в том, чтобы участники на договорной основе проводили кредитную политику поддержания экспорта и реализовывали механизмы для экспортных кредитов и связанной помощи, которая основывалась бы на открытой конкуренциии свободной игре рыночных сил и сводила к минимуму возможные искажения торговли.

Действующий частичный (а вдальнейшем и полный) институт субсидирования процентных ставок экспортных кредитов в РА целесообразно, практически строить и применять на основе требований первого критерия вышеуказанного регулирования, это – *установление эффективной коммерческой процентной ставки заимствований на внутреннем рынке в национальной валюте – драмах РА, и одновременно соблюдать требования четвертого критерия, сводящиеся к тому, чтобы установление процентной ставки в национальной валюте не приводило бы к искажению условий конкуренции на внутреннем рынке*.

На наш взгляд, такой алгоритм будет приемлем также для всех стран Евразийского экономического союза. Построение базовой ставки коммерческого процента (CIRR) на основе ставки кредитования для первоклассных отечественных заемщиков или ставки кредитования для первоклассных иностранных заемщиков нецелесообразно исходя из фактических сложностей и оспоримости определения статуса первоклассных заемщиков. Такой подход потребует, по крайнеймере, введения системы рейтинговой оценки, хотя бы для внутренних заемщиков, и перманентного проведения такой рейтинговой оценки. Теоретически, это возможно, но применение такого унифицированного режима во всех странах союза практически трудно реализуемо.

Другой подход определения ставки – это расчет ставки на затратах фондирования (финансирования) для целей экспортного кредитования с применением фиксированной процентной ставки, но такая ставка странами редко практикуется. К тому же для этого необходимо будет изыскать источники финансирования из международных финансовых организаций или стран-доноров, которые проводят конъюнктурную политику этих

организаций и страны, следовательно, создают определенные ограничения и риски (ярким примером могут служить санкции, введенные в настоящее время против РФ). Исходя из этого, такой подход построения основы для базовой ставки коммерческого процента (CIRR) для стран Евразийского экономического союза нецелесообразен.

В обще принятой международной практике стран ОЭСР базовая ставка коммерческого процента или ставка «CIRR» в основном строится на доходности или процентной ставке внутренних заимствований по государственным облигациям. Ставки кредитов подразделяются на три разряда: а) до 5 лет, б) от 5 до 8,5 лет и в) свыше 8,5 лет с добавлением определенной маржи, в зависимости от периода погашения. Такие ставки корректируются ежемесячно [3]. Базовая ставка коммерческого процента (CIRR) фиксируется для каждой валюты из участников Соглашения ОЭСР и устанавливается 15 числа каждого месяца. Ставка «CIRR» в Еврозоне базируется на доходности дневных ставок спот с облигаций по рейтингу «3-А» за предыдущий месяц, при этом для последних 5 наблюдений присваивается двойной вес. Ежедневные спот-ставки публикуются на сайте ЕЦБ [4].

В США CIRR ставка для «Экзим» банка определяется 15 числа каждого месяца на основе средней доходности казначейских облигаций США за предшествующий месяц плюс один процент. «Казначейскую ставку» публикуют в статистических пресс-релизах федеральной резервной системы по понедельникам, следующим за последним днем каждого месяца. «Экзим» банк использует трехуровневую систему, которая устанавливает отдельные ставки по кредитам для различных сроков погашения. Трехуровневая система основана на доходности 3-летних казначейских облигаций для кредитов сроком до 5 лет; б) доходности 5-летних казначейских облигаций в течение 5 лет и включает сроки кредитов до 8,5 лет; и в) доходности 7-летних казначейских облигаций для кредитов сроком более 8,5 лет [5].

Возвращаясь к предлагаемому механизму определения базовой ставки коммерческого процента (CIRR) в РА на основе эффективной коммерческой процентной ставки заимствований на внутреннем рынке в национальной валюте – драмах РА, следует отметить, что необходимо придерживаться норм регулирования ДОЭК, так как последняя является органической частью законодательного регулирования ВТО по вопросу субсидирования экспортных кредитов.

Такой механизм определения базовой ставки коммерческого процента (CIRR) будет служить основой для субсидирования процентных расходов экспортных кредитов. Вводимый механизм субсидирования должен

стимулировать банки и кредитные организации предоставлять экспортерам кредиты на уровне базовой ставки коммерческого процента (CIRR). С этой целью в РА следует законодательно регламентировать, что правительство РА или уполномоченная со стороны правительства структура правительства РА устанавливает предельную коммерческую базовую ставку (CIRR) для кредитования экспортных операций на основе внутренних заимствований. Кроме минимальной коммерческой базовой ставки (CIRR), установленной для экспортных кредитов со сроком до 5 лет, устанавливается также коммерческа я базовая ставка (CIRR) по экспортным кредитам со сроком от 5 до 8,5 лет и свыше 8,5 лет.

При кредитовании экспортных кредитов на уровне указанных ставок экспортных кредитов банк и (кредитные организации) могут рассчитывать на получение субсидии (прямо из бюджета или через «Фонд развития Армении») на покрытие процентных расходов кредиторов по кредитам, выданным экспортерам на экспортные операции по наименованиям той продукции и услуги с тем уровнем субсидирования (полной или частичной), которая утверждена заранее отдельным законодательным регулирующим положением (правительством РА или «Фондом развития Армении»). Такой подход потребует внесения соответствующих изменений и дополнений в закон РА «О бюджетной системе» и внесения отдельной статьи затрат в закон РА о Государственном бюджете на каждыйгод.

В зависимости от приоритетов государственной поддержки экспорта и возможностей бюджетного субсидирования процентных расходов на кредитование экспорта, субсидирование может полностью либо частично покрыть процентные расходы экспортного кредитования. Перечень экспортно-ориентированных отраслей, продукции, работ и услуг, а также уровень субсидирования (полная или частичная), для которых могут быть выданы субсидии на покрытие процентных расходов по кредитам банков (кредитных организаций) РА должен утверждаться правительством РА по представлению министерства экономики РА с учетом приоритетных направлений экспортно-ориентированных направлений экономики. Сама процедура предоставления субсидий может быть реализована через «Фонд развития Армении» как это предусмотрено действующим положением.

Уровень базовой кредитной ставки для кредитов экспортных операций со страхованием экспортных кредитов в РА, согласно требованиям ДОЭК, следует установить по трем уровням:

а) кредиты со сроком до 5 лет по доходности 3-летних казначейских государственных облигаций до погашения, плюс корректирующий процент;

б) кредиты со сроком от 5 до 8,5 лет по доходности 5-летних казначейских государственных облигаций, плюс корректирующий процент;

в) кредиты со сроком свыше 8,5 лет по доходности 7-летних казначейских государственных облигаций плюс корректирующий процент.

Основой доходнсти ставок казначейских государственных облигаций по облигациям до погашения являются данные, публикуемые на официальном сайте Центрального Банка РА, – ежедневные спот, форвардные и ставки до погашения по государственным облигациям.

Базовые минимальные кредитные ставки (CIRR) по указанным уровням для кредитов экспортных операций должны устанавливаться ежемесячно 15-ого числа каждого месяца правительством РА или его уполномоченным органом по представлению министерства финансов по согласованию с Центральным Банком РА.

Другим важным условием субсидирования процентных ставок экспортных кредитов (выданных с фактической ставкой кредитования, соответствующей базовой ставке для кредитов экспортных операций), как было указано выше, должно быть требование страхования экспортных кредитов «Экспортным страховым агентством Армении». Субсидирование процентных расходов наряду со страховым покрытием экспортных кредитов станет стимулирующим фактором для банков (кредитных организаций) для осуществления кредитования экспортных операций экспортеров с базовой ставкой для экспортных кредитов (CIRR). Такой диапазон кредитной ставки для кредитования экспортеров будет надежным условием формирования безрискового кредитного портфеля с приемлемой стабильной доходностью, так как такой кредитный актив банка будет гарантирован на 85 и более процентов от невозврата за счет страхового покрытия «Экспортного страхового агентства Армении» и одновременно обеспечивает доходность на уровне гособлигаций РА, то есть такой актив можно причислить к надежным ликвидным активам с приемлемой доходностью.

Техническая реализация механизма полного или частичного субсидирования процентных расходов экспортных кредитов предполагает, что расчет размера субсидии по кредиту должен производиться банком (кредитной организацией) в течение срока экспортного кредитования или предусмотренного положением о субсидировании срока субсидирования и для оплаты по нему после каждого срока выплаты процентов должна представляться одновременно в «Армянский фонд развития», «Экспортное страховое агентство Армении» и в казначейство министерства финансов РА с целью превентивного контроля возможных упущений от принятого

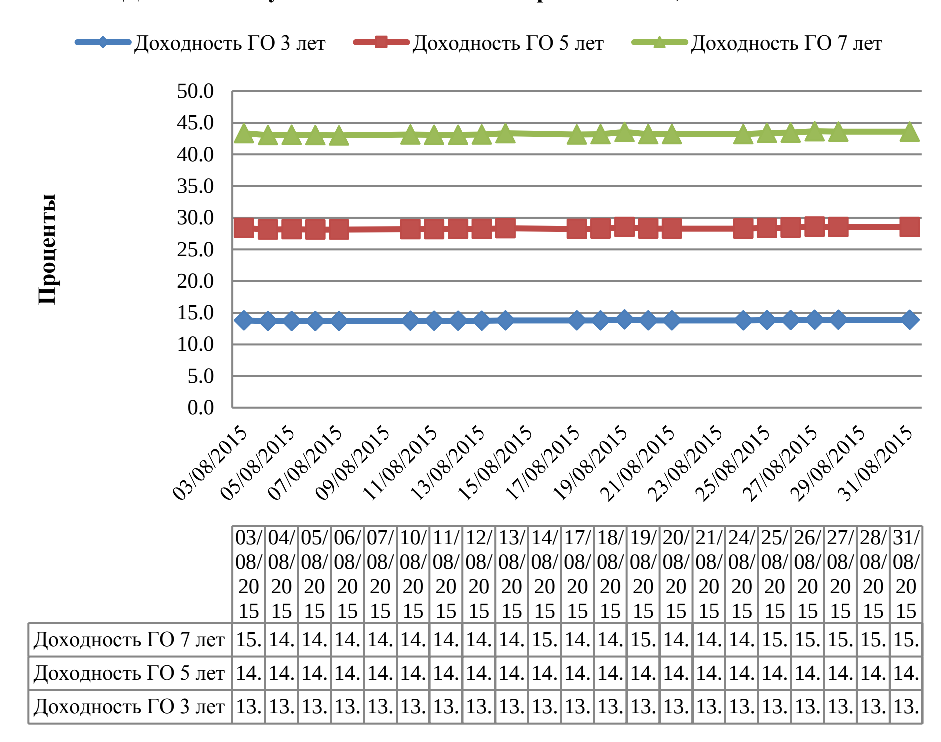
регулирующего положения о субсидировании процентных ставок экспортных кредитов.

Процессуально установление базовой процентной ставки экспортного кредитования (CIRR), согласно регламентации ДОЭК, должно пройти процесс уведомления. В соответствии с этим, страны-участники Евразийского экономического союза должны уведомить об этом Секретариат союза не позднее, чем через пять дней после окончания каждогомесяца. Секретариат затем незамедлительно сообщает всем участникам о применяемыхставках, делая их общедоступными. Базовая процентная ставка экспортного кредитования (CIRR) в национальной валюте должна вступать в силу на 15-й день каждого месяца во всех странах-участниках Евразийского экономического союза.

Технический регламент установления в РА процентных ставок экспортного кредитования строится на основе коммерческой процентной ставки заимствований на внутреннем рынке по уровню доходности государственных облигаций. Выше было предложено, что уровень базовой кредитной процентной ставки для кредитов экспортных операций со страхованием экспортных кредитов в РА, согласно требованиям ДОЭК, следует установить по трем уровням. Между тем, следует также учесть, что, согласно требованиям ДОЭК (статья 19), при субсидировании процентных расходов за фактическую ставку кредитования должна браться минимальная базовая ставка экспортного кредитования на уровне доходности государственных облигаций сроком погашения до 5-ти лет. Вместе с тем, согласно той же регламентации ДОЭК (статья 20), доходность государственных облигаций сроком погашения до 5-ти лет, то есть минимальная базовая ставка экспортного кредитования, может служить основой для всех сроков или уровней кредитования. В этом случае, это оговаривается участниками Евразийского экономического союза и вместе с тем оговариваются исключения для базовой ставки.

В РА информация о доходности государственных облигаций доступна на официальном сайте Центрального Банка РА, где в разделе «финансовые рынки» представлена доходность государственных облигаций по разным срокам.

Для целей установления базовой процентной ставки экспортного кредитования (CIRR) в национальной валюте нас интересует доходность государственных облигаций со сроком в 3 года, 5 и 7 лет, отраженные на представленном рисунке.

	03/08/2015	04/08/2015	05/08/2015	06/08/2015	07/08/2015	10/08/2015	11/08/2015	12/08/2015	13/08/2015	14/08/2015	17/08/2015	18/08/2015	19/08/2015	20/08/2015	21/08/2015	24/08/2015	25/08/2015	26/08/2015	27/08/2015	28/08/2015	31/08/2015
Доходность ГО 7 лет	15.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	15.	14.	14.	15.	14.	14.	14.	15.	15.	15.	15.	15.
Доходность ГО 5 лет	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.	14.
Доходность ГО 3 лет	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.	13.

Рисунок 1. Доходность государственных купонных облигаций РА до погашения (в %) за август 2015 г.со сроком 3 года, 5 и 7 лет [6].

Средняя доходность государственных купонных облигаций РА до погашения (в %) за сентябрь 2015г. по купонным облигациям составила:

– со сроком 3 года –13.77%;

– со сроком в 5 лет –14.54%;

– со сроком в 7 лет –14.96%.

Технический регламент установления доходности государственных облигаций со сроком погашения до 3-х, 5-ти и 7 лет для установления базовой кредитной ставки кредитов экспортных операций требует соблюдения определенных процессуальных норм. В частности, целесообразно, при расчете базовой кредитной ставки (CIRR) брать за основу среднюю величину ставки государственных облигаций за последний месяц наблюдений. К этой величине, согласно регулированию ДОЭК, должна добавляться маржа в 0.2 пункта, с учетом того, что базовая ставка кредитования (CIRR) фиксируется до даты контракта (статья 21 ДОЭК). В этом случае, доходность гособлигаций до 3-х лет

в РА в среднем по наблюдениям за сентябрь 2015г. в национальной валюте РА драмах составила 13.9%, к которой добавляется маржа в 0.2%, и в итоге базовая минимальная процентная ставка экспортного кредитования (CIRR) составит 14.11%. По данным Центрального банка РА, средневзвешенная ставка кредитов банков по кредитам свыше одного года в драмах РА за период с января по июль 2015г. составила около 17%, но без учета ипотечных кредитов процентная ставка по кредитам сроком свыше одного года по экспертной оценке может составить 19–20 процентов. Сравнение приведенных ставок дает основание констатировать, что расчетная величина минимальной базовой ставки экспортного кредитования (CIRR), соответствующая методике ДОЭК (обеспечивая принципы свободной конкуренции) по существу, является довольно льготной для экспортного кредитования в РА.

Технический регламент установления базовой процентной ставки для экспортных кредитов требует обращения к субсидированию процентной ставки, когда она является не полной, а частичной, к примеру, начиная о 10 до 90 процентов от базовой ставки экспортного кредитования CIRR. Такой подход особенно востребован, исходя из необходимости активизации государственной поддержки экспорта при ограниченных возможностях государственного бюджета. Очевидно, что частичное субсидирование процентных расходов экспортных кредитов также требует соблюдения предписывающих норм и рекомендаций ВТО и ДОЭК, между тем, процессуальный подход частичного субсидирования «Соглашением по субсидиям и компенсационным мерам» ВТО и ДОЭК отдельно не регламентируется.

«Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам» [7] ВТО (статья 14, часть (b)) устанавливает, что правительственный заем не рассматривается как предоставление льготы, если отсутствует разница между суммой, которую фирма-получатель кредита уплачивает по государственному кредиту, и суммой, которую оно уплатило бы за сопоставимый коммерческий кредит, который фирма, фактически, может получить на рынке. В подобном случае льготой считается разница между этими двумя суммами. В предложенном варианте частичного субсидирования процентных расходов экспортного кредитования речь идет не о правительственном займе, а о банковском коммерческом займе экспортеров с полным соблюдением конкурентных условий для используемой процентной ставки кредитования, при котором государством частично субсидируются процентные расходы заемщика.

В этом случае важно определить такую методику расчета субсидирования базовой ставки, которая была бы справедлива по трем критериям:

– сохранение справедливой ставки кредитования с точки зрения обеспечения требований справедливой конкуренции по регламентации ВТО и ДОЭК, что обеспечит равные конкурентные условия для экспортеров стран-участниц Евразийского экономического союза, а также ВТО;

– обоснованной соразмерности бюджетных расходов субсидирования процентных расходов по экспортным кредитам с установленным уровнем частичного субсидирования;

– возможность проведения эффективной антикоррупционной экспертизы по государственной поддержке экспортных кредитов, в частности, по субсидированию процентных расходов экспортных кредитов.

К тому же, расчет величины процентных расходов при частичном субсидировании экспортных кредитов должен производиться по единой методике с целью предотвращения всяких преднамеренных и непреднамеренных искажений, приводящих к неправомерным расходам, финансируемым из государственного бюджета. С этой целью следует руководствоваться примерной методикой расчета частичного субсидирования процентных расходов по экспортным кредитам. Проблема заключается в том, что банк (или кредитная организация) при частичном субсидировании процентных расходов экспортных кредитов вправе и может повысить установленную базовую коммерческую ставку кредитования CIRR по договоренности с экспортером, исходя из того, что гарантированное субсидирование не покрывает всю процентную ставку или все процентные расходы и банк вправе учесть разные рисковые факторы сделки кредитования. Это – неотъемлемое право кредитующего банка (кредитной организации). С точки зрения регламентации ставки кредитования экспортных операций по требованиям ДОЭК, касающимся недопущения искажения рыночных условий, также следует учесть фактор частичного субсидирования.

С другой стороны, кредитная базовая ставка CIRR для экспортных кредитов, фиксируемая уполномоченным органом правительства, по сути, является рыночно конкурентной и справедливой, и здесь возникает вопрос ограничения или лимитированного повышения ставки экспортного кредитования банком по причине неполного (частичного) субсидирования. Принимая во внимание возможность на этой основе необоснованного повышения ставки кредитования, государство должно заранее регламентировать интервал возможного повышения процентной ставки кредита для сохранения рыночно конкурентного уровня процентной ставки экспортного кредитования при условии частичного субсидирования процентной ставки. С этой целью необходимо заранее прописать

регламентацию возможности повышения ставки – с прибавлением дополнительной маржи. Предлагается установить, что для каждого несубсидированного процентного базисного пункта ставки CIRR дополнительное повышение ставки кредитования может составитьне более 0.1 пункта. В итоге максимальная маржа дополнения процентной ставки экспортного кредитования при ставке CIRR в 14% может быть повышена до 1.3 процентных пункта, если субсидирование предусмотрено для одного базисного пункта из 14 пунктов (13*0,1). Итоговая процентная ставка в этом случае составит 15.3 процента (14 + 1,3). В другом примере при субсидировании 5 процентных пунктов от 14 процентов, дополнительная повышающая маржа составит 1,0 (10 * 0,1) процентных пункта, а итоговая процентная ставка 15 процентов. Положением о субсидировании экспортных кредитов должно быть регламентировано, что повышенная в предложенном режиме коммерческая базисная процентная ставка (CIRR) экспортного кредитования подлежит субсидированию со стороны государства, а при превышении этого предела дополнительной маржи, государство снимает с себя обязательства по субсидированию по данному экспортному кредиту застрахованному в Агентстве по страхованию экспортных кредитов РА.

Предложенная регламентация, согласно «Соглашению по субсидиям и компенсационным мерам» ВТО (статья 2, часть 2.1, пункт (b)), не может рассматриваться специфичной. По диспозиции данной статьи, если субсидирующий орган или законодательство, в соответствии с которым действует субсидирующий орган, устанавливает объективные критерии или условия, определяющие право на получение и размер субсидий, специфичность не существует, при условии, что право на получение является автоматическим и что такие критерии и условия строго выполняются. Критерии и условия должны быть четко оговорены в законе, инструкции, акте или других официальных документах таким образом, чтобы их можно было проверить. Согласно разъяснению вышеуказанного Соглашения ВТО в данном контексте, объективные критерии и условия означают критерии, которые являются нейтральными, не создают преимуществ, для некоторых предприятий по сравнению с другими, являются экономическими по характеру и горизонтальными по способу применения. Таким образом, указанное ограничение повышения коммерческой базисной процентной ставки (CIRR) экспортного кредитования не более чем на 0.1 процентных пункта для каждого не субсидированного базисного пункта коммерческой ставки CIRR не может рассматриваться ущемляющим, поскольку оно, по сути, является нейтральным, в ее основе лежит конкурентная процентная ставка, а предельно повышающая

величина маржи регламентируется для всех одинаково и действует автоматически и подлежит доступной проверке. Необходимость такой регламентации состоит в том, что таким механизмом ограничивается осуществление необоснованных расходов за счет средств государственного бюджета по субсидированию процентной ставки экспортных кредитов и обеспечивается достижение самой цели субсидирования для выгодоприобретателей экспортеров.

Если применить предложенные рекомендации к действующему положению субсидирования процентных расходов экспортных кредитов, где устанавливается только субсидируемая часть процентной ставки в размере 3 базисных процентных пункта от фактически примененной процентной ставки, то, во-первых, следует установить базисную коммерческую ставку CIRR, которая в настоящее время не устанавливается. С этой целью для ставки кредитов сроков на 5 лет берется доходность гособлигаций сроком в 3 года, условно 13.9 %, к нему прибавляется маржа в 0.2% и, соответственно, ставка CIIR составит 14.1%. Далее с целью учета частичного субсидирования в 3 процентных пункта должна рассчитаться итоговая базисная коммерческая ставка CIRR. К базовой коммерческой ставке CIRR в 14.1% добавляется повышающая маржа для не субсидируемой части процентной ставки – 12%, что составит 1,2% (12 * 0,1 =1,2), итоговая процентная ставка CIRR по данному кредиту составит 15.3% (14,1+ 1,2). В этом случае отсчет субсидируемых процентных пункта в 3 процента будет вестись от 15.3 %. В случае превышения ставки CIRR значения 15.3%, расходы кредита на уровне 3 процентов ставки кредитования не должны субсидироваться из бюджетных средств.

Такой подход даст возможность уравновесить интересы:

а) банков (кредитных организаций) по критерию рискованности или гарантированности получения процентных доходов по кредиту,

б) выгодоприобретателей экспортеров получающих субсидирование по критерию затратности и доступности экспортного кредита и интересы

в) государства по критерию обоснованности бюджетных расходов и достижения целей субсидирования.

Исходя из вышеизложенного, в настоящее время существующий подход и практику государственной финансовой поддержки экспорта промышленной продукции в РА невозможно имплементировать в единую унифицированную и стандартизированную модель государственной финансовой поддержки экспорта в рамках ЕАЭС. Необходимо будет практикуемую модель РА привести в соответствие с требованиями ВТО и ДОЭК, на основе выше указанных подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. THE ARRANGEMENT FOR OFFICIALLY SUPPORTED EXPORT CREDITS, OECD, http://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf
2. Об утверждении положения от 18 августа 2015г. за номером N1 Л «О частичном субсидировании процентных ставок кредитов предприятий в сфере экспортно-ориентированной перерабатывающей промышленности, а также предприятий выпускающих продукцию для нужд оборонной и национальной безопасности и об утрате силы положения попечительного совета Фонда промышленного развития от 22 марта 2013 г. за номером И N9-Л» (на армянском языке)
3. Commercial Interest Reference Rates (CIRRs) OECD: THE ARRANGEMENT FOR OFFICIALLY SUPPORTED EXPORT CREDITS. Paris, 04 September 2015, http://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf
4. Ежедневныеспотставки ЕЦБ, www.ecb.int/stats/money/yc/html/index.en.html, under Statistical Data Warehouse (http://sdw.ecb.europa.eu/browse.do?node=3570581)
5. Exim Bank of the USA. ABOUT CIRR RATES, Construction of the CIRR http://www.exim.gov/tools-for-exporters/commercial-interest-reference-rates/about-cirr-rates
6. Финансовые рынки, Центральный Банк РА, https://www.cba.am
7. THE ARRANGEMENT FOR OFFICIALLY SUPPORTED EXPORT CREDITS, OECD, http://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf

FITTING CIRR RATES FOR EXPORT CREDITS INTHE RA

A. Karyan, T. Makaryan

ABSTRACT

The article presents the mechanism for subsidizing interest rates of export credits, taking into account the standard of regulation of WTO and Arrangement for officially supported export credits of the OECD. Authors presented model of the fitting CIRR rate for export credit with the full and partial subsidies from the State interest rates on export credits, which balances the interests of the banks on the base of the criterion of riskiness or warranty receipt of interest income of the loan, beneficiaries in the face of exporters receive subsidies on loanon the base of the criterion of expensiveness and accessibility of export credit and state interests on the base of the criterion validity of budget spending and achievement the objectives of subsidies.

Keywords: export Credit, Export Credit Insurance, Commercial Interest Reference Rates (CIRRs), Interest Rate Subsidies, Export Promotion, Exporters Direct Lending.

ВОПРОСЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РА

Г.К. Мартиросян

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена выявлению сдерживающих факторов, которые оказывают влияние на формирование положительного инвестиционного климата на местном уровне. Анализируются теоретические и практические аспекты инвестиционного процесса, а также делается попытка определения путей для повышения инвестиционной привлекательности муниципальных образований в РА.

Ключевые слова: общинная власть, инвестиционная политика, инвестиционная привлекательность, социально-экономическое развитие общин.

В современных условиях инвестиции являются основой экономического развития, в том числе муниципальных образований, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие регионов и страны в целом. Инвестиции обеспечивают занятость населения, пополнение местного бюджета, дают возможность реструктуризации экономики, и поэтому муниципальная власть должна быть всегда заинтересована в привлечении инвестиций на свою территорию. Для эффективного развития муниципального образования необходимо, чтобы деятельность органов местного самоуправления была направлена на привлечение, наиболее эффективное использование инвестиций и стимулирование инвестиционного процесса на территории муниципального образования.

Инвестиционная политика является частью общей экономической политики правительства Республики Армении и рассматривается, как одно из важнейших направлений экономического развития. Республика Армения по отношению к инвестициям осуществляет политику «открытых дверей», которая регулируется Законом «Об иностранных инвестициях» Армении от 1994г., Концепцией об инвестиционной политике от 2005г. и иными законодательными актами, касающимися вопросов экономической среды и инвестиций на территории РА. Согласно статистическим данным РА, объем прямых иностранных инвестиций на конец 2014 года составил 120 597.3 млн.драм, а крупнейшими иностранными инвесторами Армении являются Российская Федерация – 50656.2 млн. драм, Германия – 20348.4,

Великобритания – 13499.7, Швейцария – 9 872.5, Люксембург – 8547.8, Аргентина – 6706.4 Франция – 5785.6 млн. драм и т.д. [1].

Законодательство в области инвестиционной деятельности Армении весьма либеральна и практически не уступает международным стандартам, а по индексу экономической свободы Армения находится впереди всех стран СНГ, но одновременно с этим существует ряд проблем по повышению инвестиционной привлекательности муниципальных образований в РА. В Законе РА «Об иностранных инвестициях» в основном раскрываются общие правовые, экономические и организационные основы осуществления иностранных инвестиций. Данный закон в РА направлен на обеспечение защиты прав, законных интересов и имущества иностранных инвесторов, что является важным фактором для привлечения иностранных материальных и финансовых ресурсов, внедрения и эффективного использования передовых технологий управленческого и организационного опыта. В указанной выше Концепции от 2005г. рассматриваются такие организационные основы инвестиционной политики Правительства РА, как система регулирования иностранных инвестиций, инвестиционные соглашения, а также приводится оценка инвестиционного и институционального климата Армении со стороны международных организаций, состояние иностранных инвестиций и т.д.

Европейская Хартия местного самоуправления (ч.2, ст.9) «Финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным им по конституции или закону полномочиям» [2], но на практике в РА, несмотря на законодательно-правовые нормы, муниципальные органы финансово не обеспечены соразмерно с объемом вопросов и полномочий, которые им необходимо осуществить. Одним из ключевых решений для пополнения муниципального бюджета в РА является активизация инвестиционного процесса на этом уровне.

Однако на сегодняшний день на местном уровне есть ряд сдерживающих факторов, которые влияют на формирование позитивного инвестиционного климата муниципальных образований РА. Во-первых, это недостаточная информированность внешних инвесторов об инвестиционном потенциале региона. Несмотря на то, что в нашей стране действуют достаточно либеральные Законы для инвестиционной деятельности, потенциальные инвесторы не имеют возможности получить доступ к открытой и достоверной информации о возможных объектах, отраслях, городах и регионах инвестирования на всей ее территории. Со стороны государства предоставляется информация о тех объектах, которые по их мнению,

возможно развивать. Тем самым, не учитывается, что потенциальный инвестор возможно будет иметь другие выгодные цели, идеи и предложения для инвестирования, будь у него достаточная и точная информация о каждом регионе страны.

Во-вторых, отсутствие четких механизмов взаимодействия органов местного самоуправления и потенциальных инвесторов. Осуществляя свою деятельность на территории РА, инвестор постоянно сталкивается с искусственными барьерами, которые мешают ему напрямую взаимодействовать с органами местного самоуправления. Он направляется в государственные органы для решения вопросов местного значения, так как органы МСУ не уполномочены решать их. Данный процесс со всех сторон контролируется и регулируется сверху – государственными органами, и решения принимаются в интересах государства в целом, не учитывая особенности и важность развития каждого региона и общины по отдельности.

Важным фактором является ограниченная конкурентная среда в ряде отраслей экономики. Монополизированность на рынке Армении, а также очень высокие барьеры для входа преграждают инвесторам свободный путь практически во все отрасли экономики. Фактически, Правительство РА лишь документально осуществляет политику «открытых дверей», но в действительности создаются неформальными барьеры в организационной, финансовой области и, в особенности, законодательными и нормативными документами. В законодательных документах РА, регулирующих инвестиционную деятельность, не приводятся и не рассматриваются разделы, где инвестору предоставляется больше привилегий, если он будет направлять свои инвестиции и вести свою деятельность в марзах РА. В-четвертых, это – низкая бюджетная обеспеченность, значительные различия в социально-экономическом развитии муниципальных образований, которые обуславливают необходимость высоких инфраструктурных расходов и, естественно, результатом указанных проблем является еще один важный показатель, высокий уровень имущественной дифференциации населения.

Активизация инвестиционной деятельности будет способствовать подъему и дальнейшему развитию экономики, пополнению налоговых поступлений в бюджеты различных уровней, которые в дальнейшем, возможно, будет направить на решение социально-экономических проблем. С этой точки зрения, муниципальное образование станет привлекательным для инвестора только тогда, когда органы управления сделают своей приоритетной задачей изменение таких ключевых свойств экономики, как

прозрачность деятельности, целенаправленность распределения ресурсов и надежность системы управления, а также собственными действиями добьется того, что распространение этих свойств по объектам реального сектора экономики станет устойчивой тенденцией [3].

Для поддержания развития муниципальных образований правительства Республики Армения должна разработать и обеспечить реализацию мероприятий, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона, развитие инвестиционной и инновационной активности, формирование условий для мобилизации внутренних и увеличения притока внешних инвестиционных ресурсов и новых технологий в экономику марзов. Для того чтобы возможно было достигнуть поставленной цели, необходимо создать систему, в которой обеспечивается:

– эффективное взаимодействие муниципальных органов управления со всеми участникам инвестиционной деятельности и ликвидация административных барьеров;

– внедрение механизмов, обеспечивающих формирование инвестиционной инфраструктуры и развитие инвестиционного потенциала на местном уровне;

– положительный имидж муниципального образования;

– создание благоприятных условий для развития конкретных инновационных программ или проектов, ориентированных на экспортную продукцию и повышение деловой активности всех субъектов хозяйственной деятельности.

Учитывая, что в настоящее время есть необходимость пополнения местных финансовых ресурсов и повышения уровня социально-экономического развития, органы муниципальной власти должны быть заинтересованы в привлечении инвестиций и улучшении инвестиционной привлекательности на их территории. Это предполагает, что особо важное значение в современных условиях приобретает разработка инвестиционной политики как часть программы социально-экономического развития муниципального образования, так как под инвестиционной политикой территориальных органов власти и управления следует понимать жестко скоординированную деятельность органов власти и управления по развитию инвестиционного потенциала территории. В связи с этим, существенно возрастает роль органов местного самоуправления в активизации инвестиционной деятельности в отношении не только объектов муниципальной собственности, но и системы местного хозяйства в целом. Под инвестиционной деятельностью на уровне муниципального образования

понимается вложение инвестиций, или инвестирование в социально – экономическую систему муниципального образования, заключающееся в осуществлении практических действий с целью получения экономической выгоды, социального и экологического эффекта [4].

Важным аспектом в разработке инвестиционной политики муниципального образования является то, что она должна быть основана на таких принципах, как: целенаправленность, научность, многовариантность, комплексность, адаптивность, эффективность и т.д. [5]. Эффективная инвестиционная политика особенно призвана создать благоприятный инвестиционный климат для частных инвесторов, без которого невозможно повысить технический уровень производства и конкурентоспособность продукции на внутреннем и мировом рынках.

Развитие каждого региона будет влиять на состояние развития всей страны в целом, и, в связи с этим, для реализации вышепоставленных задач, необходимо разработать ряд мероприятий в следующих направлениях:

– выявление потенциальных возможностей развития каждого региона и муниципального образования в отдельности, определение приоритетов развития;

– совершенствование нормативно-правовой базы, налогового законодательства по вопросам инвестиционной деятельности, в частности возможное освобождение инвесторов от части некоторых налогов;

– предоставление субъектам инвестиционной деятельности льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами;

– развитие внешнеэкономических связей, разработка и реализация межмуниципальных инвестиционных проектов;

– маркетинг региона – формирование инвестиционного имиджа, позитивного маркетингового образа и продвижение региона и страны в целом посредством участия в выставках, семинарах, конференциях, размещение в СМИ баз данных об инвестиционно- привлекательных проектах;

– внедрение системы обязательного страхования инвестиционных рисков;

– совершенствование механизмов поощрения предприятий, осуществляющих модернизацию и ведущих инновационную деятельность в муниципальных образованиях;

– обеспечение финансирования из государственного бюджета, на подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов, обладающих навыками маркетинга и менеджмента в области государственного и муниципального управления.

Актуальным становится вопрос оценки инвестиционной привлекательности как страны в целом, так и каждого региона и муниципального образования в отдельности, так как международный имидж страны сильно влияет на возможности муниципальных образований для привлечения инвестиций. Муниципальным образованиям необходимы инструменты, создающие инвестиционную привлекательность и инвестиционный имидж, а инвестору необходима информация, в которой содержится широкий спектр показателей, качественный материал о территории, ее экономическом и инвестиционном потенциале. Чтобы инвестиции пошли в местную экономику и обернулись ощутимыми выгодами для муниципального образования, местная власть должна занимать активную позицию, ориентированную на поиск и привлечение инвесторов, на максимально выгодную «подачу», продвижение своего региона, города как потенциально привлекательного объекта капиталовложений.

Реализация предложенных мер с целью повышения инвестиционной привлекательности, привлечения и увеличения притоков внешних инвестиций в муниципальное образование будет иметь положительные результаты, в частности:

– увеличение налоговых поступлений в местный бюджет и пополнение доходной части бюджета муниципального образования;

– усиление конкурентных преимуществ, создание новых и расширение существующих производств;

– рост количества и качества предоставляемых на территории муниципального образования экономических благ;

– увеличение реальных доходов населения, которые будут способствовать наиболее полному удовлетворению потребностей жителей;

– общее оздоровление экономики, обновление местной технической и технологической базы;

– решение проблем занятости населения на муниципальном уровне.

Необходимо отметить, что в вопросе формирования благоприятного инвестиционного климата на территории муниципального образования ответственность лежит не только на государственных, но и на местных органах управления. Любое, и даже самое незначительное повышение инвестиционной привлекательности – это дополнительные средства, позволяющие сделать шаг к выходу из кризиса, на развитие, динамичное и устойчивое движение.

Таким образом, успешное осуществление вышеизложенных и других мероприятий значительно повысят привлекательность муниципального образования для инвесторов, подтвердят надежность его экономического состояния, усилят стабильность социально-экономической обстановки,

послужат залогом привлечения значительных средств для инвестиционной деятельности в муниципальных образованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная Статистическая Служба РА http://www.armstat.am/file/doc/99493858.pdf С. 516.
2. Европейская Хартия местного самоуправления 15.09.1985г.
3. *Игонина Л.Л.* Инвестиции: Учеб. пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. В.А. Слепова. М.: Экономистъ, 2003. С. 301.
4. *Саак А.Э., Колчина О.А.* Инвестиционная политика муниципального образования. (Серия «Учебное пособие») СПБ.: Питер, 2010. СС. 58–59.
5. *Шеина В.И.* Инвестиционная политика на территории муниципального образования: Учебно-методическое пособие, М.: Муниципальная власть, 2001. СС. 59–65.

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE MUNICIPALITIES IN REBUBLIC OF ARMENIA

G. Martirosyan

ABSTRACT

The article is devoted to the identification of constraining factors, which affect the formation of a positive investment climate at the local level. The theoretical and practical aspects of the investment process is analyzed, an attempt is made to identify ways of improving the investment attractiveness of the municipalities in the Republic of Armenia.

Keywords: communal power, investment policy, investment attraction, social and economic development of the community.

ՀՀ ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐԻ ՆԵՐԴՐՈՒՄԱՅԻՆ ԳՐԱՎՉՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ

Գ.Կ. Մարտիրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ՀՀ–ում տեղական մակարդակում դրական ներդրումային միջավայրի ձևավորման վրա ազդող խոչընդոտների բացահայտմանը: Վերլուծվում են ներդրումային գործընթացի տեսագործնական հարցերը, ինչպես նաև փորձ է արվում գնահատել և որոշել համայնքներում ներդրումային գրավչության բարձրացման հիմնական ուղիները:

Հիմնաբառեր՝ համայնքային իշխանություն, ներդրումային քաղաքականություն, ներդրումային գրավչություն, համայնքների սոցիալ-տնտեսական զարգացում:

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ԿՈՌՈՒՊՑԻԱՅԻ ՊԱՏՃԱՌԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼԻՐԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՈՒՄՆ ՈՒ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Ա.Ժ.Այվազյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված են Հայաստանում պատմական տարբեր ժամանակաշրջաններում կոռուպցիայի առաջացման և զարգացման անխուսափելի նախադրյալները, նկարագրված են մեր հասարակական-քաղաքական կյանքում այդ նախադրյալները ծնած օբյեկտիվ պայմաններն ու պատճառները: Անդրադարձ է կատարվել նաև արդի ժամանակաշրջանում կոռուպցիայի գոյության պատճառներին և դրսևորման եղանակներին՝ միաժամանակ ահազանգելով այն «բնում խեղդելու» հրատապ անհրաժեշտության մասին:

Հիմնաբառեր՝ կոռուպցիա, պատմական ժամանակահատված, օբյեկտիվ պատճառներ, նպաստող պայմաններ, կանխարգելում, բյուրոկրատիա:

Կոռուպցիան՝ որպես հասարակական մեծագույն չարիք և արատավոր երևույթ, իր զանազան դրսևորումներով «ուղեկցել է» Հայաստանին ու հայ ժողովրդին պատմական տարբեր ժամանակներից սկսած և, ցավոք, շարունակում է իր հաստատուն տեղը զբաղեցնել նաև Հայաստանի նորագույն պատմական՝ արդի փուլում: Այսպես.

Հայաստանի պատմական տարածքում 11-րդ դարից հետո պետականությունից զրկված Հայաստանը, բնականաբար, չէր կարող ձևավորել արդյունավետ կառավարման ավանդույթներ: Պարսկական, թուրքական և այնուհետև ռուսական կայսրությունների կազմում գտնվող Հայաստանում առավել պետք է արմատավորվեին տիրակալին հաճոյանալու վարքագծի կանոնները, այդ թվում՝ կաշառքի բազմազան ձևերով, քանզի այդ պայմաններում, այն, ըստ էության, սեփական շահերը պաշտպանելու դյուրին և արդարացված ձև էր:

Խորհրդային Հայաստանում կազմավորված պետականությունը՝ դրան բնորոշ կառավարման ինստիտուտների ձևավորումն իր բոլոր թերություններով հանդերձ Հայաստանի համար պատմական առաջընթաց էր պետականության և կառավարման համակարգերի ձևավորման

առումով: Միևնույն ժամանակ, այդ համակարգը ժողովրդավարության գաղափարախոսությունը մատուցում էր իրական ժողովրդավարության հետ անհամատեղելի տոտալիտարիզմի և ավտոկրատիայի համադրությամբ: Համընդհանուր ժողովրդական սեփականությունն իրականում հանդիսանում էր յուրացումների և վատնումների համընդհանուր աղբյուր: Պահանջարկի մշտական անբավարարվածության հետևանքով առկա դեֆիցիտը ձևավորում էր սև շուկա և այդ համակարգի յուրահատուկ ստվերային տնտեսություն, որը բավականաչափ ազդեցիկ մասշտաբային դրսևորումներով, որպես կանոն, գործում էր հենց պետական ձեռնարկությունների ներսում: Վերը նշված գործոններիցելնելով խորհրդային ժամանակաշրջանի պետական կառավարման, տնտեսական և այլ ոլորտներում կոռուպցիայի մասին բարձրաձայն խոսելը խստագույն արգելքի /տաբուի/ տակ էր դրված: Կաշառակերության առկայությունն այդ տաբուից դուրս էր: Սակայն կոռուպցիան՝որպես համակարգին բնորոշ մասշտաբային երևույթ, չէր կարող ընդունվել, քանի որ դա սպառնում էր համայնավարական գաղափարախոսությանն ու համակարգի հիմքերին:

Խորհրդային մտածելակերպի իներցիան խոր ազդեցություն էթողել խորհրդային իրականության մեջ՝ մարդկանց վարքագծի վրա. հատկապես վնասաբեր է այն մտածելակերպը, որ պետական միջոցները հանդիսանում են լրացուցիչ շահույթներ ստանալու՝ բարոյական առումով արդարացված աղբյուր, քանի որ յուրացվում են «ոչ մեկին չպատկանող միջոցները»[1]:

Հայաստանում Խորհրդային Միության տարիներին կառավարման տոտալիտար բնույթը բազմաթիվ սահմանափակումների և արգելքների գոյությունը, բազմաստիճան կառավարման համակարգը, տարատեսակ տնտեսական և կենցաղային խնդիրների լուծման դեպքում բազմաթիվ ատյաններ անցնելու անհրաժեշտությունը, տարբեր մակարդակներում համաձայնության հասնելը, ավելին, հրապարակայության և պատկան հսկողական մեխանիզմների բացակայությունը ստեղծել էին բարենպաստ միջավայր կոռումպացվածության համար:

Հաճախ կոռուպցիան հանդիսանում է իշխող այլ երկրների կողմից պարտադրված սովորույթ: Դրա վառ օրինակներից են գաղութային համակարգը, որտեղ տեղական իշխանությունները հաշվետու էին միայն մետրոպոլիայի առջև, իսկ տեղական վարչակազմի գործողությունները ենթակա չէին քննադատության երկրի ներսում: Դատական համակարգը գոյություն ուներ, սակայն այն ևս ուղղված էր գաղութային իշխանության տիրակալության ապահովմանը: Այս ռեպրեսիվ կառավարման համա-

կարգն իր բոլոր ավանդույթներով այնուհետև անցել է ազատագրված երկրների ազգային կառավարման վարչակազմերին:

Պետականության բացակայության պայմաններում հայ մարդը որոնել է գոյատևման զանազան մեթոդներ և միջոցներ, որոնցից առավել արդյունավետը հանդիսացել է կաշառքը: Այս պարագայում հայերի մոտ արտահայտված կոռուպցիոն դրսևորումները կարծես թե պաշտպանական բնույթ են կրել: Նրանք ստիպված կաշառել են համապատասխան ազգի չինովնիկին՝ գոյատևելու, իրենց առօրյա կենցաղը և ապրելակերպն ապահովելու և այլ նմանատիպ հարցեր լուծելու համար: Սրանով է պայմանավորված նաև մեր իրականությունում առկա ոչ պետականամետ մտածողությունը: Մեր հասարակության ներկայացուցիչների մի ստվար զանգվածի մոտ սեփական և ընտանեկան շահերը մշտապես գերակա են հասարակական և պետական շահերի նկատմամբ: Նրանց համար առավել կարևոր չափանիշ է ընտանիքի բարեկեցության ապահովումն՝ անկախ պետական կամ հասարակական շահերից:

Վերոնշյալի վերլուծության արդյունքում կարելի է ասել, որ մեզանում համապատասխան վարքագծի դրսևորումը նաև «օրինաչափ է», քանի որ դարերի ընթացքում խորապես ձևավորվել է անհատի հոգեբանությունը, որում գերակա են համարվել անձնական և ընտանեկան կամ փոքր խմբային շահերը:

Այստեղից անհրաժեշտություն է առաջանում կատարել անձի վարքագծի սոցիալական շեղումները պայմանավորող անձնական, սոցիալական և հոգեբանական գործոնների համակարգային վերլուծություն, որի հիման վրա պետք է կառուցվեն և իրականացվեն կոռուպցիայի կանխարգելմանն ուղղված աշխատանքները [2]:

Հակակոռուպցիոն խնդիրները իրենց մեջ ներառում են նաև տարբեր սոցիալական խմբերի իրավագիտակցության հետ կապված հարցեր, որի դեպքում երևան է գալիս նրա համակարգային թերությունը՝ ընկալման երկու ստանդարտների առկայությունը, իրավական նորմերի գիտակցումն ու արտացոլումը, ինչը հանդիսանում է հայ հասարակության պատմական, իրավաքաղաքական, տնտեսական, սոցիալ-մշակութային պայմանների արդյունք:

Համակարգային ճգնաժամը, որը վերապրեց Հայաստանի Հանրապետությունը իննսունականներին՝ տնտեսական, քաղաքական գաղափարական և այլն, խթանեց կոռուպցիայի ծաղկմանը: Ամենաթողության, անպատժելիության մոլուցքը, վայրի շուկայական հարաբերությունները, որտեղ ամեն ինչ կարելի է գնել, հանգեցրեցիննրան, որ առևտրի առար-

կա դարձան պետական պաշտոնները, իշխանական լիազորությունները և այլն:

Ինչպես նշել է պրոֆեսոր Վ.Վ. Լունեևը, «...պաշտոնատար անձանց ծախվածության շատ ձևեր, շուկայական հարաբերությունների օգտագործման ընթացքում դուրս եկան դրանց պատկերացման սահմաններից, պաշտոնատար անձինք անցումային շրջանի բովի ներքո ազատվեցին ոչ միայն հասարակական և կուսակցական, այլ նաև պետական իրավական հսկողությունից. նրանց հնարամտությունը, կաշառակերությունը և պետական գույքի հափշտակությունները դարձան եկամտի հիմնական և գերակա աղբյուր ժամանակավոր և ոչ կայուն պետական պաշտոնավարման ընթացքում՝ ծնունդ տալով արատավոր գործնական սովորույթների»[3]:

Կոռուպցիայի դեմ պայքար իրականացնելիս հարկ է հաշվի առնել, որ արդեն մեր օրերում Հայաստանի կառավարման համակարգի համար՝ անկախ ենթակայության մակարդակից, բնութագրական են այնպիսի կոռուպցիոն դրսևորումներ, ինչպիսիք են.

– առևտրային կառույցում, որոնք պետական կամ հանրային ծառայողի հսկողության ներքո են կամ հետաքրքրված են նրա հետ համագործակցությամբ, աշխատանքի փաստացի համատեղումը,

– պետական պաշտոնյայի կողմից կոմերցիոն կառույցի ստեղծումն ու կազմակերպումը, որի պարագայում օգտագործվել է իր կարգավիճակը, այդ կառույցների կառավարմանը մասնակցելը, նրանց արտոնյալ պայմանների ապահովումը,

– պետական կազմակեպությունների մասնավորեցման գործընթացում ծառայողական դիրքի օգտագործումը՝ դրանց նկատմամբ սեփականության իրավունքի ձեռքբերումը կամ զգալի բաժնեմասին տիրանալը հենց պաշտոնատար անձի, նրա մերձավորների կամ այլ անհատների կողմից, որոնց հետաքրքրությունների շրջանակում գործում է պաշտոնատար անձը,

– առևտրային կազմակերպություններին անձնական կամ այլ շահադիտական դրդումներով ֆինանսների և վարկերի անօրինական տրամադրումը, որոնք նախատեսված են համընդհանուր պահանջների համար,

– վարկերի և փոխատվությունների ստացման, արժեթղթերի, անշարժ և այլ գույքի ձեռքբերման համար, իրավական ակտերով չնախատեսված առավելություններ օգտագործելը,

– իրեն հատկացված ծառայողական բնակարանի, տրանսպորտային միջոցների և կապի, էլեկտրոնային տեխնիկայի, դրամական միջոցների և

պետական կամ տեղական ինքնակառավարման մարմնի գույքի օգտագործումը՝ անձնական կամ խմբային շահերից ելնելով,

– ծառայությունից ելնելով՝ թողտվության և հովանավորչության, ինչպես նաև իր պաշտոնեական պարտականությունների կատարման համար կամ դրա հետ կապված գումարի տեսքով պարգևատրումներ, այլ նյութական արժեքներ և ծառայություններ ստանալը, այդ թվում՝ քողարկված ձևով անօրինական հավելավճարների, կոմիսիոն վճարների, ակնհայտ ուռճացված հոնորարների, հենց պաշտոնատար անձին կամ նրա ընտանիքի անդամներին իբր կատարված աշխատանքների համար վճարումների, գործնական պատրվակով արտասահման ուղևորությունների, արտասահմանում անշարժ գույքի ձեռքբերման, նրանց համար օտարերկրյա բանկերում բանկային հաշիվներ բացելու, աննախադեպ երկարաժամկետ վարկերի տրամադրման ճանապարհով և այլն։

Հայաստանի Հանրապետության նորագույն պատմության տարիներին չեն դադարել պետական ապարատի անարդյունավետ գործունեության վերը նշված հիմնական պատճառների և խոչընդոտների անպտուղ որոնումները։ Մինչդեռ վաղուց ի վեր հայտնի է, որ ցանկացած պետությունում քաղաքական և տնտեսական համակարգի արմատական փոփոխությունների ճանապարհին անհաղթահարելի դժվարությունները մեծապես պայմանավորված են հասարակական փոխհարաբերությունների խոր կոռումպացվածությամբ, երբ քաղաքացիների, տնտեսվարող սուբյեկտների և իշխանությունների միջև նոր համակարգի ձևավորումը և ապագա հասարակության գենոտիպը կազմավորվում է հանցավոր իրավիճակում։

Կոռուպցիայի բարձր ինտենսիվությունը արգելք է հանդիսանում ազնիվ մարդկանց ձեռներեցության համար, հանգեցնում է ստվերային կապիտալի գերակայությանը, բացասաբար է անդրադառնում արտասահմանյան կապիտալը հանրապետության տնտեսության մեջ ներգրավելու գործընթացի վրա, որի հետևանքով երկիրը կորցնում է համաշխարհային տնտեսական համակարգում ինտեգրվելու հնարավորությունը։ Նման պայմաններում կոռումպացված պետական ապարատը, զերծ մնալով հասարակական վերահսկողությունից, կորցնում է կառավարելիությունը և հուսալիությունը, իսկ մարդկանց իրավունքների անպաշտպանվածությունը պաշտոնյաների կամայականություններից դառնում է հասարակական կյանքի կազմալուծման վճռորոշ պայման։ Պատահական չէ, որ բարոյահոգեբանական նման մթնոլորտը բնակչության որոշ խավերին ներարկում է անվստահություն ապագայի նկատմամբ և մարդկանց ձգտումը շատ դեպքերում սահմանափակվում է

պահի ազդեցությամբ ծագած անձնական շահով: Անտարակույս, հակակոռուպցիոն ռազմավարության արդյունքները և կոռուպցիայի հետագա տարածումը և խորացումը լուրջ սպառնալիք են ստեղծում պետական անվտանգության համար, անխուսափելի են դառնում սոցիալական ցուցումները: Հետևապես հրատապ է կոռուպցիայի դեմ պայքարի հիմնախնդիրների նկատմամբ համակարգված, հետևողական և լայնածավալ մոտեցումը, որը պահանջում է քաղաքական արիություն և կտրուկ միջոցների դիմելու պատրաստակամություն[4]:

Այն, որ Հայաստանը խոր տնտեսական և քաղաքական ճգնաժամ է ապրում, արտահայտվում է ինչպես ժողովրդի շարունակվող աղքատացմամբ, գործազրկությամբ, այնպես էլ՝ արտագաղթի գործընթացի ակնհայտ խորացմամբ: Անբարոյական է իրավիճակը պետական ապարատում, ուր պետական ծառայողները, օժտված լինելով զգալի լիազորություններով և արտոնություններով, աննշան վարձատրության պատճառով զրկած են օրինական ճանապարհով հոգալու իրենց նվազագույն կարիքները: Փաստորենայժմ պետական գործառույթների իրականացմանը լիազորված անձանց մի մասն ապրում է բացահայտ անօրինական եկամուտներով՝ ծառայողական լիազորությունները չարաշահելու շնորհիվ, մյուսն էլ՝ զրկված լինելով այդպիսի հնարավորությունից, պետական ծառայությանը զուգընթաց զբաղվում է մասնավոր գործունեությամբ, ինչը հավասարապես անօրինական է:

Կոռուպցիոն ցավով տառապում են պետական հատվածի լայն շրջանակները, ինչը պարտավորեցնում է պայքարի կազմակերպման գործում իրականացնել լուրջ վերլուծական և գործնական քայլեր:

Կոռուպցիային հաղթելու համար անհրաժեշտ է իրականացնել քաղաքական, օրենսդրական, կազմակերպական, կադրային, գաղափարախոսական, բարոյական միջոցառումների խիստ մեծ համալիր: Քրեական օրենսգիրքը ծայրահեղ միջոցն է, որին անհրաժեշտ է դիմել: Առաջին հերթինպետք է գործեն այլ գործոններ՝ նախազգուշացնող և կանխարգելիչ:

Այս իրավիճակում բյուրոկրատական ապարատի միանգամայն անհեռանկարային ուռճացման հետևանքով քաղաքացիների իրավունքների անպաշտպանվածությունը պաշտոնյաների կամայականություններից դարձել է հասարակական կյանքի կազմալուծման վճռորոշ պայման:

Միանգամայն պարզ է, որ կոռումպացված պետական ապարատը նման պայմաններում կորցնում է կառավարելիությունն ու հուսալիությունը, ինչը խիստ վտանգավոր է տնտեսական դրության կտրուկ վատացման դեպքում, երբ բնակչության բացարձակ մեծամասնության

գոյատևման նվազագույն պայմանների ապահովումը կախված է պետական կառավարման արդյունավետությունից[5]:

Բարոյահոգեբանական ցածր մթնոլորտը բնակչության լայն խավերին ներարկել է անվստահություն ապագայի նկատմամբ. աճել է հասարակության յուրաքանչյուր անդամի ձգտումն անձնական շահի նկատմամբ:

Կոռուպցիան որպես երևույթ նոր չէ, սակայն դրա դեմ համակարգված պայքարի կազմակերպումը խիստ կարևորվում է համեմատաբար վերջերս: Պատճառներից մեկն էլ սա է, որ պայքարի մեթոդիկան դեռ ամբողջովին մշակված չէ և գործընթացը որոշակի դժվարությունների է հանդիպում: Կոռուպցիայի հետագա տարածումն ու խորացումը լուրջ սպառնալիք են ստեղծում պետական անվտանգության համար, անխուսափելի են դարձնում սոցիալական ցնցումները:

Ամփոփելով նշենք, որ այսօր Հայաստանում հրատապ է դարձել կոռուպցիայի դեմ պայքարի հիմնախնդրի նկատմամբ համակարգված հետևողական և լայնածավալ մոտեցումը: Այն պահանջում է քաղաքական արիություն և կտրուկ միջոցների դիմելու պատրաստակամություն: Հակակոռուպցիոն քաղաքականության մարտավարությունը իր մեջ ներառում է այնպիսի միջոցառումներ, որոնք ուղղված են պետության և հասարակության բազմակողմ ջանքերի իրականացմանը՝ նպատակ ունենալով վերացնելու ամենուր կոռուպցիա ծնող բարենպաստ պատճառներն ու պայմանները, բարձրացնելու կոռուպցիոն իրավախախտումների բացահայտումն ու պատժի անխուսափելիությունը, ստեղծելու հասարակական անհանդուրժողականության մթնոլորտ կոռուպցիայի բոլոր դրսևորումների նկատմամբ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Քառյան Ա.*. «Կոռուպցիա» բացատրական ձեռնարկ, Եր.2005թ. էջ 16:
2. *ՀՀ* Գլխավոր Դատախազություն. Կոռուպցիոն հանցագործությունների բացահայտման և քննության առանձնահատկությունները, «Ուսումնական գործընթացի դերը կոռուպցիայի դեմ պայքարում», Գ.Սարգսյան,Երևան 2009թ. էջ 122:
3. *ЛунеевВ.В***.** Коррупцияучтеннаяифактическая // Государствоиправо. 1996. #8. СС. 83–84.
4. *Ծաղիկյան Ս., Սարգսյան Գ.* Կոռուպցիայի հակազդման քաղաքականությունը, Եր., 2010, էջ 125:
5. *ԾաղիկյանՍ.,* Կոռուպցիա: Պատճառները, հետևանքները, Եր., 2002թ., էջ 39:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ В АРМЕНИИ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА КОРРУПЦИИ

А. Ж. Айвазян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлены неизбежные предпосылки возникновения и развития коррупции в Армении в различные исторические периоды, описаны условия и причины, породившие эти предпосылки в общественно-политической жизни республики. Статья обращается также к причинам и формам проявления коррупции в современный период, в то же время признавая актуальную необходимость «задушить ее на корню».

Ключевые слова: коррупция, исторический период, объективные причины, способствующие условия, предотвращение, бюрократия.

HISTORICAL FORMATION AND DEVELOPMENT OF CAUSAL COMPLEX OF CORRUPTION IN ARMENIA

A. Ayvazyan

ABSTRACT

The paper presents the inevitable preconditions for the emergence and development of corruption in Armenia in different historical periods, describes the circumstances and reasons that gave rise to these conditions in social and political life of the Republic. It also touches upon the causes and forms of corruption in the modern period, at the same time notifying the urgent need “to strangle it on the vine.”

Keywords: corruption, historical period, objective causes, favorable conditions, prevention, bureaucracy.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «КОМБАТАНТ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Н.Г. Абгарян

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена актуальным проблемам использования термина «комбатант» с позиций последних тенденций развития Международного Гуманитарного права. Помимо этого, в статье рассматриваются современные концепции применения термина в рамках международных вооруженных конфликтов.В процессе исследования изучается как история появления термина комбатант в рамках основополагающих документов МГП, так и дальнейшая его интерпретация со стороны исследователей. В работе проведен анализ зарубежной академической литературы вкупе с некоторыми судебными решениями, имевшими важное значение как для развития понимания термина, так и для Международного Гуманитарного права в целом.
Ключевые слова: комбатант, Международное Гуманитарное право, военнопленный, Женевские Конвенции, Дополнительный Протокол 1, Гражданское лицо.

Войны и иные вооруженные конфликты на протяжении многих лет не только уносили жизни участвующих в них людей, но и в дальнейшем сами создавали повод для государств сесть за стол переговоров и выработать определенные правила поведения для последующего регулирования вооруженных конфликтов. В течение времени такие переговоры и взаимопонимание между сторонами послужили базой для формирования основополагающих принципов Международного гуманитарного права (далее – МГП), которые впоследствии не раз признавались нормами обычного МГП [1, 2]. Одним из краеугольных принципов МГП является принцип проведения различия, обязывающий атакующую сторону различать при нападении военные объекты от гражданских [3], а комбатантов от гражданского населения и сформулировавший запрет нападения на последних [4, 5]. В контексте последнего тезиса Дополнительный протокол I сформулировал ранее не используемый (здесь речь идет именно о термине, а не о правовых последствиях) в Женевских Конвенциях термин «комбатант», который подразумевает лиц, входящих в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в статье 33 Третьей конвенции) [6]. В силу своего статуса

комбатанты наделены правом непосредственного участия в военных действиях, и, следовательно, как образно выразился в своей книге профессор Йорам Динштейн, обладают «лицензией на убийство» [7]. Одновременно следует отметить, что многие авторы сходятся во мнении, что в контексте вооруженного конфликта между государствами статус комбатанта традиционно связывался со службой в вооруженных силах государства [8]. Это обуславливается желанием государств удерживать свою «монополию» на применение силы и, тем самым, частично (именно частично, ведь, несмотря на тот факт, что Женевские конвенции в некотором смысле поддержали монополию государств на применение силы в рамках вооруженного конфликта международного характера, Дополнительный Протокол I расширил список участников данной категории столкновений) отгараживает других субъектов от получения полноправного статуса комбатанта и, следовательно, статуса военнопленного при попадании в плен к неприятелю, как это указывается в ст. 44 Дополнительного Протокола I.

Рассматривая статус гражданского лица и гражданского населения, Дополнительный протокол I четко формулирует круг лиц, которые в рамках действия протокола могут считаться гражданским лицом. Согласно статье 50, это – любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 (A.1, A.2, A.3, и A.6) Третьей конвенции и в статье 43 Протокола [9].

Сложнее обстоит дело с термином «комбатант». Изначально, еще до принятия Дополнительного Протокола I статус комбатанта косвенно освещался в четвертой статье Третьей Женевской конвенции, в которой указывается перечень лиц, имеющих право пользоваться статусом военнопленного при захвате со стороны неприятельских вооруженных сил, …а также статьями 13, 13, 4, соответственно, Женевских Конвенций I, II, III [10]. Дополнительный Протокол I, развивая тему, посвятил отдельный раздел (раздел II) статусу комбатантов и военнопленных, однако, формулировки, указанной в статье 43 Протокола явилось недостаточно для того чтобы избежать коллизий о том, кто же является комбатантом и может пользоваться правами, которые предусматривают Дополнительный Протокол I и Женевские Конвенции 1949г. В результате вышеизложенных фактов правовой статус комбатантов интерпретируется исследователями на основании анализа статьи 4 Третьей Женевской Конвенции, вкупе со статьями 43, 44 и 50 Дополнительного Протокола I, что приводит к расхождению мнений среди ученых в данном вопросе. С одной стороны, большинство исследователей полагают, что статуса комбатанта в рамках

Международного вооруженного конфликта удастаиваются только те лица, которые четким образом подтверждают свой статус члена вооруженных сил, в числе иных признаков имеющие определенный и явственно видимый издалека отличительный знак: будь то военная униформа или что-то иное. Это положение относится как к регулярным армиям, так и к нерегулярным войскам. На это также указывается Международным Комитетом Красного Креста в разъяснительном толковании норм обычного гуманитарного права, где в категории «комбатант» указаны все лица, входящие в состав вооруженных сил стороны-участника конфликта, кроме медицинского и духовного персонала [11]. Здесь и зарождается некоторое противоречие между нормами принятыми до 1977г. и Дополнительным Протоколом 1. Так, в п.3 ст. 44 Дополнительного Протокола 1 указано, что «Для того чтобы содействовать усилению защиты гражданского населения от последствий военных действий, комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения в то время, когда они участвуют в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Однако в связи с тем, что во время вооруженных конфликтов бывают такие ситуации, когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения, он сохраняет свой статус комбатанта при условии, что в таких ситуациях он открыто носит свое оружие: a) во время каждого военного столкновения; и b) в то время, когда он находится на виду у противника в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения, в котором он должен принять участие». Данная статья ставит под сомнение вопрос о том, насколько важно ношение отличительного знака для комбатанта, что, в свою очередь, может привести к серьезным последствиям. В теории некоторые ученые выдвигают предположение о том, что, несмотря на то, что, в отличие от четырех Женевских конвенций, к которым присоединились 196 государств, Дополнительный протокол I ратифицировали 174 [12], стоит учитывать тот факт, что, в большинстве своем, основу Протокола составляют нормы обычного права, а также и то, что еще большее по отношению к числу ратифицировавших Протокол – число подписавших его стран (177). Исходя из этого подхода, делается вывод о том, что все нормы Дополнительного Протокола I являются нормами общего Международного права. Однако в доктрине преобладает другой подход, согласно которому хотя и большинство норм Дополнительного протокола I являются нормами обычного права, это еще не основание для распространения указанного статуса на весь Протокол [13]. Исходя из этого можно гипотетически

представить коллизионную ситуацию, когда между вооруженными силами двух государств одно из которых ратифицировало Дополнительный Протокол I, а второе – нет, начнется вооруженный конфликт и возникнет необходимость трактовки термина «комбатант». Государство, не ратифицировавшее Протокол, будет ссылаться на действующие для него нормы, согласно которым комбатантом может являться только лицо, которое идентифицирует себя таковым, тогда как подписавшая Протокол сторона будет иметь полное право настаивать на существовании возможных ситуаций, при которых лицо, не использующее отличительную экипировку, может все равно считаться комбатантом.

Некоторые авторы считают вышеуказанный подход, примененный Протоколом, контрпродуктивным [14] и нещадно его критикуют. В то же время Соединенные Штаты выдвигают статьи 43 и 44 в качестве основных пунктов, по причине несогласия с которыми государство до сих пор не ратифицировало Дополнительный Протокол I [15].

Вторая, рассматриваемая в рамках данной статьи, – проблема употребления термина «комбатант» сводится к вопросу о том, является ли каждое лицо, обладающее необходимыми для получения статуса комбатанта признаками – комбатантом или же, как отмечают некоторые ученые [16], оно обязано непосредственно принимать участие в вооруженных действиях для получения вышеуказанного статуса?

Уже упоминавшийся в работе Йорам Динштейн в своей книге отмечает, что комбатанты делятся на две категории: члены вооруженных сил сражающейся стороны, вне зависимости от того регулярные ли данные войска или нет и любые лица не из числа членов вооруженных сил, на тот промежуток времени пока они принимают непосредственное участие в боевых действиях [17]. Скорее всего, в данном контексте имеются в виду указанные в п.6 ст.4 Третьей Женевской Конвенции лица, подпадающие под квалификацию комбатанта, но не имеющие отношения к регулярным вооруженным силам стороны (прим. автора).

Данный подход, на наш взгляд, является спорным и часто критикуется, хоть и, возможно, имеет право на существование. Однако в указанной ситуации не совсем понятен формат использования термина «непосредственное участие в боевых действиях». Изложенный термин, который широко распространен в рамках вооруженных конфликтов немеждународного характера в ситуациях международного военного конфликта зачастую приобретает более негативный оттенок. Участие в боевых действиях правомерно только для персонала из числа комбатантов

участвующей в конфликте стороны. Только лица, входящие в данную группу, имеют право обращения с ними в качестве военнопленных при попадании в плен [18].

Если же лицо получает статус комбатанта, то уже не будет рассматриваться в рамках того же конфликта как гражданское лицо. Ту же идею подчеркивают Комментарии МККК к Дополнительному Протоколу I, в основе которых лежит возражение против понятия «временный комбатант» (part-time combatant) [19].

В добавок, для тщательного рассмотрения вопроса о том, кем являются комбатанты, зачастую необходимо рассматривать не только международное, но и национальное право. Это обусловлено несколькими причинами:

– Во-первых, Международное гуманитарное право, как уже было указано выше, отождествляет комбатантов с членством в регулярных или нерегулярных войсках воюющей стороны, а это означает, что точный перечень лиц, являющихся комбатантами невозможен без понимания национально-правовых основ формирования вооруженных сил. Иными словами, государства сами решают, кто из числа их вооруженных сил и в какой степени имеет право считаться комбатантом в случае возникновения вооруженного конфликта.

– Во-вторых, практически всегда государства в своих руководствах по праву вооруженных конфликтов (в данном контексте ПВК не обязательно является синонимом МГП, а используется в том числе для обозначения норм национального права, регулирующих деятельность вооруженных сил в ситуациях вооруженного конфликта) используют термины, имеющие непосредственное отношение к Международному гуманитарному праву. Так, п. 4.2.1. руководства по праву вооруженных конфликтов Министерства Обороны Великобритании объясняет историю использования термина «комбатант» в двух смыслах: иногда данный термин использовался для описания лица, которое непосредственно вовлечено в вооруженные действия от имени стороны конфликта, вне зависимости от того дозволено ли данному лицу это действие или нет. В другом отношении данный термин использовался в контексте характеристики тех лиц, которые имели право непосредственно участвовать в военных действиях [20]. Далее следует отсылка к тому, что термин «комбатант» по причине двоякой трактовки часто употребляется с дополнением в виде слов «законный» (lawful) и незаконный (unlawful) [21]. Исходя из этого, п. 4.2.1. руководства для четкого понимания термина «комбатант» отсылает к п. 4.2. где указывается, что лица, входящие в состав вооруженных сил стороны конфликта, являются

комбатантами и имеют право непосредственно участвовать в вооруженных действиях.

В то же время, в Российской Федерации принято «Наставление по Международному гуманитарному праву для вооруженных сил Российской Федерации», которое также содержит определение термина «комбатант». Согласно данному источнику, комбатанты (воюющие) – лица из состава вооруженных сил стороны, находящейся в международном вооруженном конфликте (за исключением военно-медицинского и военно-духовного персонала) [22].

Как видно из вышеизложенных формулировок, нормы национального законодательства на примере РФ, а также некоторые рассмотренные руководства стран по МГП зачастую придерживаются более жесткого подхода к определению комбатантов и не склонны к перечислению разнообразных критериев отнесения тех или иных лиц к числу комбатантов. С одной стороны, преимущество данного подхода выявляется в четкости определения и минимальных коллизиях норм, однако, данный подход формально исключает возможность получения статуса комбатанта иными категориями лиц, перечисленными в Третьей Женевской Конвенции.

Подытоживая данное исследование, можно прийти к выводу, что современное Международное гуманитарное право стоит перед определенной дилеммой. С одной стороны продолжают действовать нормы, которые согласовывались государствами в 1977, 1949 и даже далеком 1907 году и которые не всегда готовы отразить суть современных вооруженных конфликтов. Это нередко подталкивает исследователей и государственных деятелей к самостоятельной трактовке того или иного понятия МГП и приводит к появлению новых терминов, таких, как: «война против терроризма», «незаконный комбатант» [23] и т.д. С другой стороны, даже имеющиеся нормы не всегда четко формулируют позицию государств в конкретном вопросе и, зачастую, для уточнения статуса лица приходится проводить анализ нескольких правовых норм, закрепленных в одном, а иногда и в отличных друг от друга международно-правовых документах, что усугубляет ситуацию, ведь список стран, ратифицировавших данные документы, невсегда совпадает. Такие ситуации побуждают государства опираться на собственную трактовку той или иной нормы, что, к сожалению, чревато последствиями для всего международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Israel, Military Court at Ramallah, Kassem case (ibid., § 271).

2. See the statements of Ecuador (ibid., § 39), Egypt (ibid., §§ 40 and 283), India (ibid., § 42), Japan (ibid., § 43), Netherlands (ibid., § 309), New Zealand (ibid., § 45), Solomon Islands (ibid., § 48), Sweden (ibid., § 316), United Kingdom (ibid., §§ 50 and 321) and United States (ibid., § 329).
3. Ст. 52 Дополнительного протокола I от 1977г.
4. Резолюция 2444 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968г.
5. Статья 1 Гаагской Конвенции IX 1907г. о «Бомбардировании морскими силами во время войны».
6. Ч.2. Ст. 43 Дополнительного протокола I от 1977г.
7. Yoram Dinstein “The Conduct of hostilities under the Law of International Armed Conflict”. P.33.
8. *Гуласарян А*. Некоторые аспекты понятия «комбатант» в эпоху современных вооруженных конфликтов; Международное гуманитарное право: проблемы и перспективы развития; сборник статей, Ер., Изд-во РАУ, 2009. С. 98.
9. Ст. 50 Дополнительного Протокола I 1977г.
10. *Котляров И.И.* Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов; М., 2013. С. 83.
11. https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_cha_chapter1_rule3
12. https://www.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesParties-&xp_treatySelected=470
13. *The Honorable Fausto Pocar*, “To what Extent Is Protocol I Customary International Law?”, International law Studies Volume – 78. P. 351.
file:///C:/Users/user/Downloads/vol-78_XXX_pocar_to_what_extent_is_protocol.pdf
14. *Eric Talbot Jensen*, “Combatant Status: It is Time for intermediate levels of recognition for partial compliance”, Virginia Journal of International Law, Fall 2005.
15. *John C. Yoo & James C.* Ho, The Status of Terrorists, 44 Va. J. Int’l L. 226–228 (2003).
16. *Garraway C.B.H. “*Combatants” – Substance or Semantics”, International Law and Armed Conflict, supra note 10, at 317. PP. 323–325.
17. *Yoram Dinstein “*The Conduct of hostilities under the Law of International Armed Conflict”. P. 33.
18. “The Hostages Trial” XV Law Reports of Trials of War Criminals, United Nations Wartime Commission, (London, 1947–48), at 111.
19. *См. J.* De preux, Article 43, Commentary on the Additional protocols183, at 515–516
20. The Joint Service Manual on the Law of Armed Conflict,Joint Service Publication 383, 2004 Edition; The Joint Doctrine and Concept Centre (JDCC), Ministry of Defence.
https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/27874/JSP3832004Edition.pdf
21. Там же. СС. 515–516.
22. Ст. 1 Наставления по Международному гуманитарному праву для вооруженных сил Российской Федерации.
23. *Aldrich G.* The Taliban, Al Qaeda, and the determination of illegal combatants. American Journal of International Law, Vol. 96, 2002. P. 892; Report on Terrorism and Human Rights, op. cit (note 5), para. 69.

SOME PROBLEMS OF THE USE OF TERM “COMBATANT” IN THE CONTEXT OF MODERN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

N. Abgaryan

ABSTRACT

This article is dedicated to the actual issues of the use of term "combatant" from the perspectives of latest tendencies of the development of International Humanitarian Law. Besides that the modern concepts of application of the term in the context of International Armed Conflicts are taken into consideration.

In the process of research the history of the term combatant is considered both in the scope of cornerstone IHL documents as well as its future interpretation by researchers. Foreign academic literature together with case law, which had important influence both for the development of understanding of the term and for the whole IHL are analyzed in the work.

Keywords: combatant, International Humanitarian law, prisoner of war, Geneva Conventions, Additional protocol I, Civilian.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՄԱՐԴԱՍԻՐԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ «ԿՈՄԲԱՏԱՆՏ» ՏԵՐՄԻՆԻ ԿԻՐԱՌՄԱՆ ՈՐՈՇ ԽՆԴԻՐՆԵՐ

Ն.Գ. Աբգարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է Միջազգային մարդասիրական իրավունքի զարգացման նորագույն տենդենցների տեսանկյունից «կոմբատանտ» տերմինի կիրառման ակտուալ խնդիրներին: Բացի այդ հոդվածում ուսումնասիրվում են Միջազգային բնույթի զինված ընդհարումների շրջանակներում տերմինի կիրառման ժամանակակից կոնցեպցիաները:

Հետազոտության ընթացքում ուսումնասիրվում է ՄՄԻ-ի հիմնարար փաստաթղթերում կոմբատանտ տերմինի առաջացման պատմությունը, ինչպես նաև տերմինի հետագա մեկնաբանությունը հետազոտողների կողմից: Աշխատանքում կատարված է օտարերկրյա ակադեմիական գրականության և որոշ դատական որոշումների վերլուծություն, որոնք ունեցել են կարևոր նշանակություն ինչպես տերմինի ընկալման զարգացման այնպես էլ ՄՄԻ-ի համար:

Հիմնաբառեր՝ «կոմբատանտ», Միջազգային Մարդասիրական իրավունք, ռազմագերի, Ժնևի կոնվենցիաներ, Լրացուցիչ արձանագրություն 1, քաղաքացիական անձ:

ПСИХОЛОГИЯ

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ (ПСИХОФИЗИКА, ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ)[1]

Р.М. Нагдян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье обсуждаются вопросы, связанные со сменой типа рациональности, выявляемой при историческом анализе исследований из области психологии восприятия. В качестве предмета анализа были выбраны особенности проявлений классической и неклассической типов рациональности в психофизике и гештальтпсихологии восприятия.

Ключевые слова: классический тип рациональности, неклассический тип рациональности, психофизика, структуралиам, гештальтпсихология восприятия

1. Проблема исследования

За всю, хотя и небольшую, историю развития психологиеской науки было сделано немало попыток унификации психологических теорий, попыток приведения их к некоему «общему знаменателю» (Козлов, Смит, Уилбери др.). Ключевой, при этом, несомненно, была проблема критериев выделения тех или иных «научных парадигм». Сказанное относится не только к психологической науке в целом, которая в результате своего развития начала позиционироваться как совокупность разных психологий с соответствующими парадигмальными основаниями, но и к отдельным ее областям – «психология восприятия», «психология личности» и т.д., исследующих свой предмет, согласно установкам парадигмы какой-либо из психологий. Как известно, это привело к введению в психологию понятий методологического либерализма и методологического плюрализма [25], к идее «наведения мостов» между разными психологиями и, более широко, к попытке создания В.А. Мазиловым коммуникативной методологии [15]. Однако стремление эксплицировать «эффективное» (по мере возможности – всеобъемлющее) основание для классификации психологических теорий всегда оставалось

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №16-06-00574

одним из характеристик деятельности теоретизирующего психолога, поэтому поиски в этом направлении никогда не прекращались.

Новые возможности открылись в философии науки после рефлексии причин возникновения и смены научных революций (Кун, [14]; Мамардашвили, [16]; Степин, [26], [27] и др.), которые имели общенаучное значение. Речь идет о типах рациональности как способов познания (или онтологий ума – по Мамардашвили) окружающего нас мира, претерпевающих изменения в истории развития науки.

Целью данной статьи является анализ соотношения типов рациональности в современной психологии восприятия. Однако, прежде, чем перейти к этому анализу, необходимо дать определенное представление о типах рациональности и особенностях их проявлений в исследовательской деятельности.

2. Типы рациональности по В.С. Степину.

В.С. Степин, первым применивший термин «постнеклассический» [26], выделяет основной признак типологии рациональности: «коррелятивную связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» [27. С. 15]. Описание свойств и качеств системных объектов, касающихся связей и отношений между элементами этих объектов, В.С. Степин проводит в категориях части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени. В «сетке» этих категорий анализируются простые, саморегулирующиеся и саморазвивающися системы, познанию которых соответствуют классическая, неклассическая и постнеклассическая типы (или идеалы) рациональности.

В простых системах суммарные свойства их частей полностью определяют свойство целого. Свойства частей целого одни и те же внутри и вне системы. Объекты находятся (в состояниях покоя или движения) в пустом однородном и изотропном пространстве, существуя в однородных интервалах анизотропно направленного “внешнего” времени, и подчиняются причинным закономерностям жесткого лапласовского детерминизма. Философия механицизма, как методология описания малых систем, опирающаяся на представления о познании как, независимом от субъекта, наблюдении и экспериментировании с объектами природы, распространялась не только на физические объекты, но и на биологические, социальные и психологические явления (Ламетри, Гольбах, Сен-Симон, Конт, Фехнер). О значении познающего субъекта в эпоху развития классической науки В.С. Степин пишет следующее: «…объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и к процедурам его

познавательной деятельности» [26, с. 12]. А целью этой познавательной деятельности субъекта было построение абсолютно истинной (единственной) картины природы, причем принималось на веру то, что в этой деятельности разум субъекта не детерминирован никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов (там же).

В начале XX века революционные перемены в физике, космологии, химии, биологии, возникновение кибернетики и теории систем привели к формированию идеалов новой, неклассической науки. Дальнейшее развитие познавательной деятельности человека, связанное с формированием нового стиля мышления и достижениями научно-технического прогресса, как следствие, обусловило «встречу» субъекта познания с новым типом объектов – большими системами – с более сложной организацией, радикально отличающейся своими системными характеристиками от простых (малых) систем. Главная отличительная черта этих систем состояла в том, что они являлись саморегулирующимися. Примерами таких систем могут служить все виды автоматизированных систем управления, организмы, популяции, социальные объекты, проявляющие себя как устойчиво воспроизводящиеся образования. Категориальный аппарат, предназначенный для описания малых систем, становится неадекватным в случае больших систем. Целое уже не может быть представлено как сумма частей – возникает системное качество целого. Часть «извлеченная» из целого перестает выполнять свои функции, то есть внутри системы и вне системы часть обладает разными свойствами. Лапласовский детерминизм в больших, саморегулирующихся системах частично сохраняется и дополняется идеями «вероятностной» и «кольцевой» причинности, которые характеризуют стохастический характер взаимодействия в подсистемах и программу саморегуляции, обеспечивающей воспроизводство системы. В больших саморегулирующихся системах в ряде случаев, по мнению В.С. Степина, вместе с представлениями о «внешнем» времени необходимо вводить понятие «внутреннего» времени (биологические часы и биологическое время, социальное время) [27. С. 6]. Саморегулирующиеся системы, в отличие от малых систем, характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и вариабельных подсистем, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы (гомеостаз).

Происходят изменения и в субъекте познания. Осознаются и осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода исследования, посредством которого осваивается объект, и которым невозможно пренебречь (игнорирование средствами

исследования было характерно для классической науки). А это приводит к пониманию возможности допущения «нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания» [26. С. 13]. В контексте новой неклассической рациональности возникает новое понимание активности познающего субъекта. Осознается, что результаты исследования зависят не только от характеристик объекта, но также от методов и средств познавательной деятельности, которые зависимы от исторической изменчивости научного знания. «На этой основе, - обобщает В.С. Степин, – вырастало новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения и т.п.» [26. С. 14]. Так, например, при описании динамики системы важную роль начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного; объект рассматривается не как самотождественная вещь, а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния и изменчивый в ряде других характеристик (там же. С. 15). Все эти изменения, естественно, приводили к радикально новому пониманию онтологической составляющей философских оснований науки.

3. Классическая и неклассическая типы рациональности в психофизике и гешыальтпсихологии восприятия

Становлению психологии как самостоятельной науки во второй половине XIX века способствовало решение вопроса об измерении ощущений. Обратим внимание на то, что под исследованием ощущений в середине XIX века, во времена Вебера и Фехнера, понималось именно его «измерение» – одно из основных понятий и процедур исследования, используемых не только в физике, но и в любой другой науке, изучающей природные явления. Психологи этой эпохи стремились построить психологию по образцу, оправдавшей себя на практике, естественной науке, поэтому философия механицизма науки первой половины XIX века была перенесена в сферу исследования душевных явлений. О методологической направленности психологических исследований того времени Г.И. Челпанов пишет: «Этот …вопрос (об измерении ощущений – Р.Н.) имеет значение потому, что каждая наука стремится устанавливать факты и формулировать их с наибольшей точностью; наибольшая же точность получается в том случае, если мы можем выразить их количественно, в тех или иных числовых отношениях. Но возможно ли это сделать по отношению к душевным явлениям? Экспериментальная психология пыталась ответить на этот вопрос, рассматривая вопрос об измеримости ощущений» [31. С. 94]. То

есть ставилась задача выразить ощущение, как одно из свойств психики человека, в конкретных числовых отношениях. Точно так же вопросы измерения ставились в классической физике, когда необходимо было измерить какие-либо свойства материального объекта – массу, величину, скорость, ускорение и т.д. При этом, как постулаты принимались следующие предпосылки: объект обладает определенными качествами и свойствами; эти качества и свойства не могут самопроизвольно меняться (кстати, поэтому в физике при математических расчетах оказалось возможным покоящийся или движущийся объект представить в виде математической точки); процедуры измерения заданы раз и навсегда, и поэтому не могут влиять на результат измерения; объект независим от наблюдателя, и поэтому присутствие наблюдателя также не влияет на результат измерения; процесс подчинен жестким причинно-следственным отношениям. В ситуации психофизического измерения действуют те же идеалы и нормы исследования: субъект обладает разными качествами и свойствами восприятия (модальности ощущений, специфические физиологические механизмы, особенности их функционирования); эти качества и свойства неизменны во времени и не могут влиять на результат измерения; на субъекта восприятия действует лишь один переменный фактор воздействующего объекта – сам объект и окружающая ситуация не влияют на процедуру и результаты измерения (или – их надо сделать такими); процесс восприятия подчиняется действию лапласовского детерминизма. Таким образом, задача измерения ощущений предполагало упрощенное представление о человеке как о простой системе, воспринимающем механизме, с заранее заданными и неизменными функциями. С другой стороны, как и в физике, психологи стремились в результате обобщения экспериментальных данных получить инварианты измерения и функциональные зависимости между измеряемыми (субъективными и объективными) переменными, что, по существу, означало принятие идеи жесткого детерминизма в психологии. Эти поиски в психофизике увенчались открытием закона Вебера и формулой Фехнера о логарифмической зависимости между ощущением и воздействующим стимулом.

Как известно, методология психологии восприятия второй половины XIXв. основывалась на философии позитивизма и ассоциационизма, получила свое конкретное выражение в постулате непосредственности. В соотношении «объект–субъект», которым и описывается постулат непосредственности, опущено среднее звено, обозначенное в аналогичном соотношении В.С. Степина как «средства исследования», и это вполне логично, так как в классической парадигме принято считать, что они не влияют на результат исследования. Однако со временем представления об «идеальном наблюдателе»

и «чистых» ощущениях изменились [1], усложнялись объекты и цели исследования восприятия, формировались новые методологические подходы; в соотношении постулата непосредстенности между «субъектом» и «объектом» появляются «средние звенья» самого разного содержания.

Позитивистский характер всей классической психофизики вполне определенно подчеркнул известный советский и российский психофизик К.В. Бардин: «Вся психофизика, как классическая, так и современная, желая подчеркнуть *объективность* производимых измерений, традиционно стремилась быть *бессубъективной* наукой» [3. СС. 8–9]. Постепенно приходило осознавание того, что из области средств измерения невозможно исключить влияющие на результат измерения, неустойчивые во времени и меняющиеся при переходе от одного субъекта к другому, особенности внутренних психических процессов и состояний воспринимающего субъекта. Для решения таких задач становится необходимым классические идеалы и нормы исследования дополнить или заменить неклассическими, предназначенными для объяснения нелинейных явлений в функционировании сложных систем, в которых лапласовский детерминизм уступает место «вероятностной» и «кольцевой» причинности, и важную роль начинают играть категории потенциально возможного и действительного. Ряд таких важных методологических понятий как «психологический факт», «истинность психологического знания», «объяснение» начинают приобретать другой смысл. Поэтому, можно сказать, что выходом в свет книги К.В. Бардина и Ю.А. Индлина «Начала субъектной психофизики» (1993) было положено начало новому, **неклассическому**, этапу развития психофизики. Более частыми становятся исследования, учитывающие активность субъекта при решении психофизических задач и влияние его психологических качеств на результат измерения. Учитываются такие психологические качества наблюдателя как когнитивные стили (Головина [6], [7]; Чекалина, Гусев, [30]), уверенность при принятии решений (Головина, [7]; Дубровский, Скотникова, [10]; Скотникова, [22]; Шендяпин, Скотникова, Барабанщиков, Тарасов, [33]; Шендяпин, Скотникова, [34]), внимание (Ishii, Kamachi, Motoyoshi, [36]), возможности неосознанного различения (Владыкина, [4]), состояние неопределенности (Гусев, [8]), роль сознания (Ворожейкин, Макаров, [5]; Карпинская, [13]), значение семантики в психофизическом исследовании (Садов, Шпагонова, [21]). Расширяется круг психофизических задач: становится возможным ставить и исскедовать вопросы психофизики восприятия естественной среды (Носуленко, [17]). Произошли изменения в категориальном аппарате психофизики – «измерение чистых ощущений» трансформировалось в «решение сенсорных задач» (Асмолов, Михалевская, [1]; Гусев, [9]; Уточкин, [28]; Уточкин, Гусев, [29] и др.), а вместо «наблюдателя» и

«субъекта восприятия» стало более адекватным употребление категории «личности» (Емельянова, [11]; Емельянова, Гусев, [12]). «Объектная» психофизика уступает место «субъектной» психофизике, так как предмет исследования реального перцептивного события задается не только одномерным объектом восприятия, как в классической психофизике, но и многомерным субъектом, и особенностями перцептивной ситуации. Объединение и систематизация множества эпизодических и разрозненных экспериментальных данных об активности «наблюдателя», как субъекта и объекта психофизического исследования, позволило И.Г. Скотниковой обосновать методологический характер субъектного подхода в психофизике (Скотникова, [23]; [24]), предполагающего интеграцию деятельностной парадигмы с дифференциально-психологической линией исследований (Гусев, [9]).

Таким образом, можно констатировать, что психофизика, как классическая наука, изучающая элементарные акты непосредственно-чувственного восприятия, прошла долгий путь развития – с середины XIX до конца XX века. После чего она плавно перешла в неклассическую стадию своего развития, что наиболее характерно для современной психофизики. Этот переход был осуществлен благодаря тому, что непосредственно-чувственный процесс восприятия, опосредованный в классической психофизике, лишь техническими средствами эксперимента и органами восприятия испытуемого, которые считались постоянными факторами, стал рассматриваться также как процесс, опосредованный индивидуально-личностными характеристиками наблюдателя, оказывающими влияние на результаты восприятия. Современная психофизика развивается по трем направлениям, которые характеризуют ее как неклассическую науку – это субъектный (Скотникова), дифференциально-деятельностный (Гостев) и экологический (Носуленко, Барабанщиков), что отражено в сборнике [20] и в монографии В.А. Барабанщикова [20].

История исследований процесса восприятия целостных объектов с позиций смены типов рациональности выявляет несколько иную закономерность. Дело в том, что первоначально (имеется в виду середина XIX века, когда начала развиваться психофизика) исследование восприятия целостных объектов проводилось согласно нормам и идеалам клкассической рациональности. Из классической науки психологами были взаимствованы, во-первых, идея составления сложного объекта из элементарных частей – молекула из атомов, организм из клеток и т.д., сумма которых и образовывала целостный объект, во-вторых, как и в психофизике, исключалось все субъективное и все, что могло относится к контексту перцептивной ситуации. Другими словами, ставился вопрос не о том, «что воспринимается, что это такое», касающееся содержания и предметности объекта, а ставился вопрос «из чего состоит объект восприятияи

как он организован?», то есть вопрос о структуре. В качестве единиц восприятия, составляющих объект, выбирались «чистые» ощущения (получаемые от восприятия абстрагировнных психофизических стимулов) разных модальностей, которые обнаруживались методом аналитической интроспекции. Для восприятия, как полагали структуралисты, необходимы также образы памяти (Hochberg, [35]), посредством которых происходила идентификация полученного результата. Однако этот психологический фактор в структурализме рассматривался опять же с позиций классической рациональности – как функция, одинаково присущая всем людям и необходимаяя для осуществления восприятия, но не влияющая на количесывенные и качественные характеристики результатов, полученных разными субъектами восприятия. Таким образом, в структуралистических теориях процесс восприятия рассматривался механистически, как процесс взаимодействия между пассивным субъектом и абстрагированным от условий внешней среды объектом, а организация процесса восприятия происходила согласно гипотезе суммации. Постулаты и ограничения структуралистического подхода (гипотеза суммации, постоянная возможность возникновения одних и тех же «чистых» ощущений, наличие образов памяти и др.) были направлены на сохранение действия принципа жесткого детерминизма и получения абсолютных, независимых от субъекта восприятия, сведений об объекте, а это и есть основные требования классической науки.

В начале XX века, на совершенно другой мировоззренческой основе, формируется гештальтпсихология восприятия. Можно лишь предположить, что в сознании психологов произошла имплицитная трансформация ньютоново-лапласовской картины мира локализованных объектов на полевую картину мира электродинамики Фарадея-Максвелла, «позволившая» им обнаружить новые объекты и феномены восприятия, для объяснения которых нужны были новый категориальный аппарат и новые методологические принципы. Однако, аналогии, подтверждающие это предположение, налицо: дуальная природа объектов исследования (дуальная природа зарядов и полюсов в электромагнетизме, фигура-фон и двусмысленные картинки в гещтальтпсихологии восприятия); «зрительное поле» (вместо зрительного пространства) похоже на поле электрических зарядов и представляет собой динамическое распределение **энергии** в целостной структуре поля, свойства элементов которой определяются их отношением друг с другом; в зависимости от степени структурированности зрительного поля, по аналогии с гравитационными, электрическими и магнитными полями, составляющие его элементы содержат **потенциальную энергию**, способную совершитьперцептивную **работу**; подобно тому как в электрическом и магнитном полях при наличии одноименных или разноимен-

ных зарядов и полюсов могут возникнуть силы притяжения и отталкивания, в зрительном поле между соответствующими его элементами могут возникнуть связывающие и сдерживающие **силы** (Koffka, [37]; Kohler, [39]).

Методологическим объяснительным принципом в гештальтпсихологии восприятия является принцип изоморфизма, которым связываются три ряда явлений: стимульное зрительное поле, зрительное поле, «локализованное» в мозговой ткани нервной системы, и феномены восприятия зрительного поля, соответствующие (изоморфные) процессам, происходящим в мозговой ткани. Раскрывая смысл этой связи, К. Коффка [38] пишет: «…давайте думать о физиологических процессах не как о молекулярных, а как о молярных феноменах. Если мы сделаем это, все трудности старой теории исчезнут. Ибо молярные свойства физиологических процессов будут теми же, что и свойства процессов сознания, основой которого они являются» (цит. по: Osgood, [40]). Следовательно, все динамические и энергетические характеристики феноменов восприятия определяются динамикой соответствующих физиологических процессов, структурная организация которых изоморфно повторяет структуру стимульного зрительного поля. Кстати, заметим, что о возможности действия принципа изоморфизма, в более общей форме, говорит и Н.И. Чуприкова при анализе процесса психического отражения, который представляется как «…воспроизведение, воссоздание внешних объектов, построение их копий в материале мозгового субстрата, включая самую суть его как живого вещества – клеточный метаболизм» [32. С. 46], и ниже «… построение в их собственном материале, из самих себя копий того мира, который окружает живое существо…» [там же. С. 50]. В своей работе автор не упоминает о принципе изоморфизма, но ее методологический подход к решению проблемы психофизиологического параллелизма, в общем виде, совпадает с моделью соответствия (изоморфизма) между физическими, физиологическими и психологическими явлениями, предложенной гештальтпсихологами.

Определение типа рациональности, которому соответствуют исследования процсса восприятия в гештальтпсихологии приводит к выявлению внутреннего противоречия. С одной стороны, если рассматривать исследование процесса восприятия с позиции принципа изоморфизма, то оно вполне укладывается в рамки классической рациональности. Это объясняется тем, что в таком случае субъекта восприятия можно рассматривать как систему, функционирующую согласно постулатам гештальтпсихологии, где за все ответственны физиологические процессы и все субъективное выносится за скобки. Отрицается даже такой, казалось бы, необходимый для восприятия двусмысленных картинок феномен, как внимание. По мнению некоторых исследователей, фактор внимания предполагает существование в зрительном поле двух фигур, одна из

которых находится на гребне внимания, а другая – на ее периферии и воспринимается как фон. Выступая против такой интерпретации (Титченера), К. Коффка пишет: «Заключать же о том, как выглядит нечто, когда оно вовсе не наблюдаемо, отправляясь лишь от факта наблюдения этого нечто в момент, когда оно находится на гребне волны внимания, значит принимать гипотезу констант и окончательно отказываться от всяких попыток фактического подтверждения своих положений» (Koffka, [37]; цит. по: Психология…, 2009, с. 109). И ниже: «Мы видели, как понятие внимания мешает признанию и чистому описанию очевидных феноменальных различий» (там же). Эту же перцептивную ситуацию гештальтпсихологи комментируют несколько иначе: когда фигура становится фоном, она просто перестает существовать и не остается «потенциальной» фигурой, находящейся на периферии внимания. Поэтому К. Коффка предпочитает говорить не о внимании, а о «центре» или «центре сознания» (там же. С. 110). Однако, с другой стороны, есть основания полагать, что гештальтпсихологическая теория восприятия соответствует неклассическому типу рациональности. Это проявляется в том, что как бы ни старались гештальтпсихологи, освободиться от влияния субъектного фактора, влияющего на результаты исследования, этот фактор, тем не менее, существует и включен в процедуру исследования. Речь идет о самом акте наблюдения. Особенно наглядно это видно на примере восприятия двусмысленных картинок. Дело в том, что до акта наблюдения не имеет смысла говорить, что является в этой картинке фигурой, а что фоном. Соотношение фигуры и фона, то есть конкретный осознанный объект восприятия, появляется (возникает, порождается) лишь во время восприятия. У другого субъекта (или у того же субъекта, но в другой момент времени) в той же перцептивной ситуации может возникнуть инверсионное восприятие соотношения фигуры и фона. А это уже говорит о том, что для таких случаев результат восприятия детерминирован вероятностной причинностью, зависимой от состояния сознания воспринимающего (или, выражаясь языком Коффки, от того, что находится в центре сознания). Следовательно, мы имеем неклассическую ситуацию исследования, когда результат наблюдения (восприятия) зависит от наблюдателя, что частично выводит обсуждаемую ситуацию за пределы постулатов, детерминант и предпосылок исследования классической науки. В приведенном примере читатель без труда обнаружит аналогию с проблемой измерения в квантовой механике, которую невозможно было разрешить без учета роли сознания физика-наблюдателя в момент фиксации результата эксперимента (а принцип суперпозиции – одновременное существование всех возможных состояний элементарной частицы – согласуется с «суперпозицией» в двусмысленных картинках двух фигур, потенциально возможных для восприятия). Как известно,

эти факты, полученные в квантовой механике, и послужили основанием полагать, что физики для исследования объектов принципиально нового типа, должны были сформировать новый, неклассический, образ мышления (Бор, Гейзенберг, Паули, Шредингер и др.) и, тем самым, преобразовать квантовую физику в неклассическую науку, предполагающую совершенно новое видение устройства мира.

В современной гештальтпсихологии восприятия наблюдается значительное усиление тенденции применения неклассического подхода к исследованию процесса восприятия. В обзорной работе, посвященной 100-летию опубликования статьи В. Вертгеймера о фи-движении, J. Wagemans, j. Elder, M. Kubovy, S. Palmer, M. Peterson, M. Singh, R. von der Heydt анализируют работы, в которых учитываются прошлый опыт, биологические и физиологические факторы, внимание, зависимость от восприятия глубины, работы нейронных механизмов, участвующих в контурной группировке [41] и т.д.

Таким образом, перефразируя слова В.И. Аршинова [18. СС. 6–7], согласно контексту нашей статьи, отметим следующее. В рассматриваемых выше исследованиях, классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте восприятия, стремится при теоретическом объяснении и описании игнорировать всем тем, что относится к субъекту восприятия, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о природе восприятия. Цели и ценности, определяющие стратегии исследования и способы упрощения представлений о психическом процессе в психофизике и гештальтпсихологии на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. *Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций.* Научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека (или, что то же самое, – одинаково свойственные всем людям).

Неклассический тип научной рациональности в рассматриваемых выше работах учитывает связи между знаниями об объекте восприятия и характером средств и операций деятельности, обеспечивающих процесс восприятия, содержание которых может быть физическим, биологическим, физиологическим, психологическим, социальным и т.д. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения особенностей процесса восприятия. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют

характер знаний: что именно и каким способом выделяются и осмысливаются явления процесса восприятия.

Как известно, связи между внутринаучными, транснаучными и социальными ценностями, определяющие цели исследования, а также необходимость включения самого исследователя в процесс исследования (выделением «человекоразмерных» систем) являются предметом рефлексии постнеклассической науки. Поэтому естественным продолжением данной работы должен быть анализ проблем психологии восприятия в ключе постнеклассической рациональности, чему и будет посвящена следующая статья автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г., Михалевская М.Б.* От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г. Асмолова. М.Б. Михалевской. М.: Изд-во. МГУ, 1974. СС. 5–12.
2. *Барабанщиков В.А.* Современная психофизика. М.: Изд-во «Психологический институт РАН», 2009г. 543 с.
3. *Бардин К.В., Индлин Ю.А.* Начала субъектной психофизики. М.: Изд-во ИП РАН, 1993.
4. *Владыкина Н.П.* Решение психофизических задач в зоне неразличения // Сборник статей факультета психологии СПбГУ. СПб., 2007.
5. *Ворожейкин И.В., Макаров А.В.* Роль сознания в имплицитном научении при решении сенсорных задач // Экспериментальная психология в России (отв. ред. В.А. Барабанщиков). М.: изд. ИП РАН, 2010. СС. 239–242.
6. *Головина Е.В.* Когнитивно-стилевые детерминанты уверенности при решении сенсорной задачи // Методы исследования психологических структур и их динамики / Под ред. Т.Н. Савченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. Вып. 2. СС. 114–120.
7. *Головина Е.В*. Структура уверенности и когнитивные стили: Дис. канд. психол. наук. М., 2006.
8. *Гусев А.Н.* Психофизика сенсорных задач: системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: МГУ; УМК «Психология», 2004.
9. *Гусев А.Н.* От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач: системно-деятельностный подход в психофизике. Вопросы психологии, 2013, 8. СС. 143–155.
10. *Дубровский В.Е., Скотникова И.Г.* Решение когнитивных задач: статистический анализ характеристик уверенности // Труды Второй Международной конференции по когнитивной науке. СПб., 2006. Т. 1. СС. 264–265.
11. *Емельянова С.А*. Активность личности при решении пороговой задачи различения сигналов. Автореф. дисс. канд. психол. наук, М., 2011.
12. *Емельянова С.А., Гусев А.Н.* Роль личностной диспозиции «контроль за действием» в решении сенсорной задачи на различение.Экспериментальная психология в России (отв. ред. В.А. Барабанщиков). М.: Изд-во ИП РАН, 2010. СС. 257–261.
13. *Карпинская В.Ю.* Принятие решения об осознании стимула какэтап процесса обнаружения // Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2006.СС. 87–96.
14. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
15. *Мазилов В.А.* Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск, ERGO, 2015.

16. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
17. *Носуленко В.II.* Психофизика восприятия естественной среды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
18. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.
19. Психология ощущений и восприятия // под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, 3 изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
20. Психофизика сегодня. М.: Изд-во «Институт психология РАН», 2007, 335 с.
21. *Садов В.А., Шпагонова Н.Г.* Роль семантики в восприятии длительностей естественных и психофизических сигналов // Психофизика сегодня / Под ред. В.Н. Носуленко, И.Г. Скотниковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. СС. 297–303.
22. *Скотникова И.Г.* Экспериментальное исследование уверенности в решении сенсорных задач // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. СС. 84–99.
23. *Скотникова И.Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
24. *Скотникова И.Г.* Субъектный подход в психофизике. Дисс. док. психол. наук. М., 2009.
25. *Смирнов С.Д.* Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии, 2006, т.1, вып. 1. СС. 73–84.
26. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации. Вопросы философии, 1989, 10. СС. 3–18.
27. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Вопросы философии, 2003, 8. СС. 5–17.
28. *Уточкин К.С.* Психологические механизмы решения задачи по обнаружению сигнала. Дис. . канд. психол. наук. М., 2006.
29. *Уточкин И.С., Гусев А.Н.* Роль функционального органа в решении слуховой сенсорной задачи при унилатеральном предъявлении стимулов // Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика (к 100-летию А. Н. Леонтьева) / Под общ. ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. СС. 154–155.
30. *Чекалина А.И., Гусев А.Н.* Когнитивно-стилевые особенности решения сенсорных задач. Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2011. 176 c.
31. *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. М.; Обнинск: ИГ СОЦИОН, 2009. 248 с.
32. *Чуприкова Н.И.* Проблема материального субстрата психики в свете развития современной нейрофизиологии и смежных наук. Вопросы психологии, 1977. №1. СС. 43–57.
33. *Шендяпин В.М., Скотникова И.Г., Барабанщиков В.А., Тарасов В.Б.* Уверенность в принятии решения: математическое моделирование сенсорных задач // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. СС. 84–98.
34. *Шендяпин В.М., Скотникова И.Г.* Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: изд. ИП РАН, 2015.
35. *Hochberg J.E.* Perception. Prentice Hall, INC., Englewood Cliffs. New Jersey, 1964. PP. 10–61. (Перевод: Дж. Хохберг. Аналитическая интроспекция // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, - 3-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009.
36. *Ishii T., Kamachi M., Motoyoshi I.* Limited attention facilitates coherent motion processing. Journal of Vision, (2015). (13):1. PP. 1–11.
37. *Koffka K.* Percepion: an introduction to Gestalt. Psychological Bulletin, 1922, vol. 19. PP. 551–585. (Перевод: Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б.

Михалевской, Г.Ю. Любимовой, 3-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. СС. 105–117).
38. *Koffka K.* Principles of Gestalt psychology. New York: Harcount Brace, 1935, 5.
39. *Kohler W.* Dinamics in psychology. New York: Liweright, 1940.
40. *Osgood C.E.* Method and Theory Exsperimental Psychology, ch. 5. N.Y., 1953. PP. 193–212. (Перевод: Осгуд Ч. Точка зрения гештальттеории // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской, Г.Ю. Любимовой, 3-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009).
41. *Wagemans J., Elder J., Kubovy M., Palmer S., Peterson M., Singh M., von der Heydt R. Century* of Gestalt psychology in visual perception: I. Perceptual grouping and figure-ground organization. Psychol. Bull., 2012 Nov; c 138(6): Epub., 2012, Jul 30.

AN ANALYSIS OF THE RELATION BETWEEN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL RATIONALITY IN THE PSYCHOLOGY OF PERCEPTION (PSYCHOPHYSICS, GESTALT PSYCHOLOGY)

R. Nagdyan

ABSTRACT

The article discusses the issues related to the change of the type of rationality, revealed at the historical analysis of research from the field of the psychology of perception. Features displays of classical and non-classical type of rationality in the psychophysics of perception and Gestalt psychology were selected as a subject of analysis.

Keywords: classical type of rationality, non-classical type of rationality, psychophysics, structuralism, Gestalt psychology perception.

ԸՆԿԱԼՄԱՆ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ ԴԱՍԱԿԱՆ ԵՎ ՈՉ ԴԱՍԱԿԱՆ ՌԱՑԻՈՆԱԼՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ (ՀՈԳԵՖԻԶԻԿԱ, ԳԵՇՏԱԼՏ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ)

Ռ.Մ. Նաղդյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են ռացիոնալության տիպի փոփոխման հետ կապված հարցեր, որը բացահայտվել է ընկալման հոգեբանության ոլորտում հետազոտությունների պատմական վերլուծության ընթացքում: Որպես վերլուծության առարկա ընտրվել էին ընկալման գեշտալտ հոգեբանությունում և հոգեֆիզիկայում դասական և ոչ դասական ռացիոնալության տիպերի առանձնահատկությունների դրսևորումները:

Հիմնաբառեր՝ ռացիոնալության դասական տիպ, ռացիոնալության ոչ դասական տիպ, հոգեֆիզիկա, ստրուկտուրալիզմ, գեշտալտ հոգեբանություն:

ԱՖԻԶԻԿԱԼ ՄՈՏԵՑՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ԱՐԴԻ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

Գ.Ս. Եսայան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված են ընկալման ավանդական տեսությունների սահմանափակումները և աֆիզիկալ մոտեցման նոր հնարավորությունները, ինչպես նաև կրթական ոլորտում և հոգեթերապիայում վերջինիս (աֆիզիկալ մոտեցման) կիրառման հեռանկարները:

Հիմնաբառեր՝ աֆիզիկալ մոտեցում, հոգեթերապիա, կրթական համակարգ:

Անհնար է լուծել խնդիրը, եթե օգտագործում
ենք մտածողության այն նույն սկզբունքները,
որոնց միջոցով ստեղծել ենք այդ խնդիրը:

Ա. Էյնշտեյն:

Հոգեբանությունում ընկալման խնդրով սկսել են հետաքրքրվել այդ գիտության կազմավորման (1879) առաջին իսկ օրերից սկսած: Վ. Վունդտի հոգեբանական փորձարարական լաբորատորիայում ընկալմանը վերաբերող հետազոտությունները զբաղեցնում էին իրենց ուրույն տեղը: Այդ ուսումնասիրությունները շարունակվեցին հոգեբանության պատմության ամբողջ ընթացքում և այժմ էլ չեն կորցրել իրենց արդիականությունը:

Հոգեբանությունում ընկալման տեսությունները հիմնականում դասակարգվում են երկու մեծ խմբի՝ ընկալման **օբյեկտային** և **սուբյեկտային** կողմնորոշում ունեցող մոտեցումների:

Առաջինում՝ ընկալման օբյեկտային կողմնորոշում ունեցող տեսություններում ***(ստրուկտուրալիզմ, գեշտալտ հոգեբանություն, Ջ. Գիբսոնի էկոլոգիական հոգեբանություն*** *և* ***ընկալման ինֆորմացիոն մոտեցում),*** գլխավոր դերակատարությունը պատկանում է զգայական օրգանների վրա ազդող օբյեկտներին: Այստեղ ընկալումը դիտարկվում է իբրև դրսից դետերմինացված գործընթաց:

Երկրորդում՝ ընկալման սուբյեկտային կողմնորոշում ունեցող տեսություններում (***ֆունկցիոնալիզմ և կոգնիտիվ մոտեցում***)՝ ի տարբերություն նախորդի, համարվում է, որ ընկալման գործընթացում գլխավոր դերակատարությունը պատկանում է սուբյեկտի որոշակի բնու-

թագրիչներին՝ ճանաչողական փորձին, պահանջմունքներին, էմոցիաներին, դիրքորոշումներին, անձնային հատկություններին և այլն: Ընկալումը, համաձայն այդ մոտեցման, մեզ շրջապատող աշխարհի վերաբերյալ պատկերների տեսքով, պատկերացումների և գիտելիքների հետ կատարվող գործընթաց է, որոնք (պատկերները, գիտելիքները) սուբյեկտի մոտ արդեն առկա են:

Ընկալման վերոնշյալ ուղղությունները (օբյեկտային և սուբյեկտային կողմնորոշում ունեցող), միմյանցից ունենալով մի շարք էական տարբերություններ, ունեին նաև մի կարևոր ընդհանրություն, ինչը նկատել և հոգեբանների ուշադրությանն էր արժանացրել հայազգի հոգեբան Ա.Ի. Միրաքյանը: Նա, ուսումնասիրելով այդ խնդրի վերաբերյալ ոչ միայն հոգեբանների, այլ նաև փիլիսոփաների, ֆիզիոլոգների, կիբեռնետիկների մոտեցումները գալիս է այն եզրակացության, որ հոգեբանության պատմության ամբողջ ընթացքում ընկալման գործընթացը ուսումնասիրվել է արգասիքային մակարդակի վրա, այն է՝ հետազոտողները որպես ելակետային տվյալներ վերցնում էին ուսումնասիրվող օբյեկտի արդեն արտացոլված ֆենոմենները (գույն, համ, հոտ և այլն), ինչը թույլ չէր տալիս բացահայտել ընկալման գործընթացի հիմնարար սկզբունքները և օրինաչափությունները, քանի որ արգասիքում գործընթացն արդեն ավարտված էր [5, 80-102]:

Նման փակուղային վիճակից դուրս գալու համար Ա.Ի. Միրաքյանը առաջարկում է իբրև ելակետային տվյալներ չվերցնել հետազոտվող օբյեկտի, երևույթի արտացոլված անմիջական տվյալները, այլ որ որպես այդպիսիք հանդես գան բնության (մատերիայի) սկզբունքները և մեխանիզմները, որոնք, համաձայն նրա, ընդհանուր են նաև հոգեկանի համար [6, 218-235]:

Այս ճանապարհը նրան թույլ տվեց ընկալման (և ոչ միայն) հիմքում ընկած մի շարք սկզբունքների հետ մեկտեղ բացահայտել նաև անիզոտրոպ հարաբերությունների ստեղծման սկզբունքը, ինչը հանդիսանում է հոգեկան արտացոլման գործընթացի հիմնական և պարտադիր սկզբունքներից մեկը [6, 5-37]:

Անցնելով առաջ ասենք, որ այս ոչ արգասիքային՝ աֆիզիկալ մոտեցումը Ա.Ի. Միրաքյանի և նրա համախոհների կողմից կատարված բազմաթիվ փորձերի միջոցով ապացուցվեց: Այս մոտեցման շրջանակներում հետագայում պաշտպանվեցին մի շարք թեկնածուական և դոկտորական ատենախոսություններ [7], [8], [10], [11]:

Ինչպես նշեցինք, Ա.Ի. Միրաքյանի հետազոտությունները վերաբերում էին ընկալման խնդրին և չէին ընդգրկում ուսումնասիրություն-

ների ավելի լայն շրջանակ: Սակայն, մեր համոզմամբ աֆիզիկալ մոտեցումը հնարավորություն է ընձեռում նոր հետազոտություններ անցկացնել նաև հոգեբանության այլ ոլորտներում ևս, մասնավորապես՝ կրթական համակարգում և հոգեթերապիայում:

Այսպես, ուսումնասիրելով և վերլուծելով գիտության տարբեր ոլորտները ներկայացնող հանճարեղ գիտնականների անցած գիտական ուղիները (Ի. Նյուտոն, Ա. Էյնշտեյն, Կ. Ցիալկոսկի, Դ. Մենդելեև, Չ. Դարվին, Կ. Լինեյ, Բ. Գեյթս, Ջ. Նեշ) և նրանց բացահայտումների համար իբրև հիմք ծառայող հնարավոր նախադրյալները՝ կարող ենք փաստել, որ տվյալ գիտնականները, ապրելով և ստեղծագործելով տարբեր ժամանակաշրջաններում, ունեին մի կարևոր ընդհանրություն. նրանք դպրոցական տարիներին աչքի չէին ընկնում իրենց առաջադիմությամբ և նույնիսկ համարվում էին անբավարար սովորողներ: Նրանց հանճարեղ հայտնագործությունները ոչ թե գիտությունում առկա փաստերի վերլուծության և համադրման արդյունք էին, այլև թերևս ֆանտազիաների և ինսայթի արդյունք [1, 140–149]:

Տեսական վերլուծություններից պարզ է դառնում, որ նրանց հատուկ էր այլ մտածելակերպ, որը տարբերվում է իշխող ֆիզիկալիստական մտածելակերպից: Այդ իսկ պատճառով նրանց բացահայտումների համար որպես ելակետային հիմքեր չէին հանդիսացել գիտության անմիջական տվյալները: Դրանում է թաքնված այն բանի հիմնական պատճառը, որ նրանց բացահայտումները զրեթե զրկված էին դետերմինացիոն կապերից, իսկ նրանց գիտական նվաճումների ուղիները շատ մարդկանց համար անսովոր էին և անհասկանալի: Նրանք (վերոնշյալ գիտնականները) ցուցաբերում էին աֆիզիկալ մտածելակերպ, ինչը կարելի է դիտարկել որպես նրանց կողմից ոչ արգասիքային մոտեցման օգտագործում [1, 140-149]:

Այդ հանճարեղ գիտնականների բացահայտումների նախադրյալների ուսումնասիրությունները և նրանց անցած գիտական ուղու վերլուծությունը թույլ են տալիս առաջ քաշել արդի կրթական համակարգում ուսուցանվողների մոտ աֆիզիկալ մտածելակերպի ձևավորման համար նոր մեթոդների մշակման նպատակահարմարության հարցը, ինչը (աֆիզիկալ մտածելակերպի) կպահովի տարբեր գիտական խնդիրները լուծելիս ոչ արգասիքային մոտեցում ցուցաբերելու հնարավորությունները:

Աֆիզիկալ մոտեցման միջոցով նոր ուսումնասիրություններ անցկացնելու հնարավորությունները ցուցադրող հոգեբանության հաջորդ բնագավառը, ինչպես վերը նշեցինք, հոգեթերապիան է:

Բազմաթիվ հոգեբանների կողմից ընդունված հոգեթերապիայի երեք հիմնական ուղղության (հոգեդինամիկ, ֆենոմենոլոգիական (էքզիստենցիալ-հումանիտար) և վարքային (կոգնիտիվ-վարքային)) տեսական հետազոտությունները ցույց տվեցին, որ վերը թվարկված ուղղություններին հատուկ է արգասիքային մոտեցումը [2, 371-376]: Այդ ուղղություններում հոգեբանական տարբեր խնդիրների հետազոտման և դրանց պատճառների ծագումը հասկանալու համար որպես ելակետային տվյալներ ծառայում էին ինքնին հոգեբանական խնդիրները և դրանց դրսևորումները (ախտանիշներ, համախտանիշներ): Այդուհանդերձ, հոգեթերապևտներին չէր հաջողվում բացահայտել հոգեբանական խնդիրների առաջացման հիմնարար սկզբունքները և օրինաչափությունները, քանի որ արդյունքում (տվյալ դեպքում՝ հոգեբանական խնդիրներում և դրանց դրսևորումներում) դրանց ծագման գործընթացն արդեն ավարտված էր:

Ստեղծված իրավիճակից դուրս գալու համար կարծում ենք, որ ինչպես և հոգեկան արտացոլման գործընթացի ուսումնասիրման ժամանակ, այստեղ ևս իբրև ելակետային տվյալներ պետք չէ վերցնել հետազոտվող երևույթի ֆենոմենները (արգասիքները՝ ախտանիշներ, համախտանիշներ): Մենք ենթադրում ենք, որ անիզոտրոպ հարաբերությունների ստեղծման սկզբունքը կարող է ընկած լինել նաև հոգեբանական խնդիրների ձևավորման հիմքում:

Հոգեվերլուծության մեջ հոգեբանական տարբեր խնդիրների առաջացման պատճառները հասկանալու համար հոգեվերլուծողները դիմում էին նմանատիպ մեկնաբանությունների (անիզոտրոպ հարաբերությունների ստեղծում) օգնությանը: Զ. Ֆրեյդի կարծիքով հոգեբանական խնդիրները կարող են ծագել հոգեկանի երեք ինստանցիաի միջև որոշակի հարաբերությունների խախտման արդյունքում (խոսքը Իդ-ի, Ես-ի և Գեր-Ես-ի մասին է, որոնք, ըստ էության, իրենցից ներկայացնում են անիզոտրոպության տարատեսակ) [3, 14]:

Բացի այդ, Է. Բլեյլերը, իսկ հետո արդեն Զ. Ֆրեյդը մատնանշում էին այն փաստը, որ ցանկացած մարդու բնորոշ է միևնույն օբյեկտի նկատմամբ ունենալ երկվալենտ (Ա.Ի. Միրաքյանի տերմինաբանությամբ՝ անիզոտրոպ) զգացումներ, որոնք գտնվում են համապատասխան հարաբերակցության մեջ: Դրանց օպտիմալ հարաբերակցության աստիճանի խախտումը, նրանց կարծիքով, կարող է դառնալ հոգեբանական խնդիրների առաջացման պատճառ [4, 7-40], [9, 35-122]:

Այդ կերպ, ինչպես Է. Բլեյլերը, այնպես էլ Զ. Ֆրեյդը, չնայած այն բանին, որ հոգեբանական խնդիրների առաջացումը բացատրում էին

անիզոտրոպ հարաբերությունների խախտման միջոցով (մի դեպքում՝ որպես Իդ-ի, Ես-ի և Գեր-Ես-ի միջև, մյուս դեպքում՝ երկվալենտ զգացումների օպտիմալ հարաբերակցության աստիճանի խախտում), միևնույն ժամանակ այդ հետազոտողները ցուցաբերում էին արգասիքային մոտեցում՝ հետագայում փորձելով իրենց վերլուծությունները կառուցել հոգեբանական խնդիրների անմիջական տվյալների վրա, որոնք հանդիսանում էին որոշակի խորքային հոգեբանական գործընթացի արգասիքներ:

Իհարկե, պետք է փաստել, որ հոգեբանության այս երկու ոլորտում կատարված տեսական վերլուծությունները ավելի ամուր հիմքերի վրա դնելու համար անհրաժեշտ է անցկացնել բազմաթիվ և բազմակողմանի փորձեր, որոնք այս կամ այն կերպ կապացուցեն մեր կողմից առաջ քաշված ենթադրությունները:

Ավարտելով հոդվածը՝ ցանկանում ենք նշել, որ Ա.Ի. Միրաքյանի գիտական ժառանգության արդյունքների օգտագործումը ոչ միայն հնարավորություն կընձեռի ավելի խոր մակարդակի վրա հետազոտել հոգեկան արտացոլման գործընթացը, այլ նաև նախադրյալներ կստեղծի արդի հոգեբանության այլ ոլորտների տարբեր բնույթի խնդիրները հետազոտելու համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Եսայան Գ.Ս.* Դասական (դեկարտյան) պարադիգմայի սահմանափակումները առկա ուսուցման համակարգում: Լրաբեր, ՀՌՀ հրատարակչություն, Եր., (19), N1, 2015. Էջ 140–149:
2. *Եսայան Գ.Ս.* Հոգեկան որոշ գործընթացների մեկնաբանությունը հայազգի հոգեբան Ա.Ի. Միրաքյանի բացահայտումների օգնությամբ: ՀՌՀ, իններորդ տարեկան գիտաժողով, ՀՌՀ հրատարակչություն, Եր., 2015. Էջ 370–377:
3. *Александров А.А.* Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
4. *Блейлер Э.,* Аффективность, внушение, паранойа. М: Изд-во «Винити», 2001. 208 с.
5. *Миракян А.И.* Константность и полифункциональность восприятия. М., 1992. 216 с.
6. *Миракян А.И.,* Принципы порождающего процесса восприятия. (Коллективная монография). М., 1992. 223 с.
7. *Нагдян Р.М.* Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности // Дисс. доктор. псих. наук. Ер., 2015. 305 с.
8. *Панов В.И.* Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Дисс. доктор. псих. наук. М., 1996. 304 с.
9. *Фрейд. З.* Тотем и табу. М.: Изд-во «АСТ», 2004. 253 с.
10. *Хананян А.А.* Особенности процесса восприятия при усвоении понятий (на примере геометрических понятий) // Автореферат дисс. канд. псих. наук. Ер., 1991.
10. *Шукова Г.В.* Зрительное восприятие пространственной протяженности. // Автореферат дисс. канд. псих. наук. М., 2000.

ПЕРСПЕКТИВЫ АФИЗИКАЛЬНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г.С. Есаян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлены ограничения традиционных теорий восприятия и новые возможности афизикального подхода, а также перспективы применения последного в системе образования и в психотерапии.

Ключевые слова: афизикальный подход, психотерапия, образовательная система.

PERSPECTIVES OF UNPHYSICAL APPROACH IN MODERN PSYCHOLOGY

G. Yesayan

ABSTRACT

The article presents limitations of traditional perception theories and new opportunities of unphysical approach, as well as perspectives of its usage in the education system and psychotherapy.

Keywords : unphysical approach, psychotherapy, educational system.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В.Г. Найденов

АННОТАЦИЯ

В данной статье выявляются значения конструкта «толерантность» и проводится анализ исследований феномена толерантности, изучаемого в различных аспектах. Представлены результаты эмпирического исследования. По результатам корреляционного анализа между индексом выраженности различных типов этнической идентичности и уровнем этнической толерантности прослеживается положительная взаимосвязь, что свидетельствует о подтверждении гипотезы.

Ключевые слова: толерантность, этническая идентичность, психологические факторы, молодежь.

Толерантность является актуальной проблемой и важнейшей ценностью сосуществования людей в мультикультурном и полиэтническом обществе в условиях глобализации. В настоящее время в психологических исследованиях отсутствует единый взгляд на понятие «толерантность»; различия касаются концептуальных подходов и методологических оснований, уточнение которых, на наш взгляд, является очень важным моментом для разработки прикладных позиций в изучаемых сферах жизнедеятельности человека. Конструкт «этническая толерантность» имеет два ракурса рассмотрения: 1. феномен как характеристика толерантности по отношению к другому этносу; 2. личностная особенность как конкретная установка в отношении к этнической группе [3, 4]. Первая характеристика этнической толерантности является динамической категорией, детерминированной рядом внешних и внутренних факторов, вторая же – более стабильным состоянием. Мы понимаем под термином «этническая толерантность» такие социально-психологические особенности, которые выражают когнитивное и эмоциональное отношение к представителям иной этнической группы.

В последние десятилетия толерантность становится объектом для изучения различных областей науки: психологии, педагогики, философии, этнологии, политологии и др. Феномен толерантности изучается в различных аспектах: процесс обретения целостности (А.Г. Асмолов, В.А. Тишков), онтология общественного сознания и самосознания (В.М. Золотухин, А.М. Кондаков), исследование этнических стереотипов (О.В. Митина, К.В. Бердников, В. С. Осипова), проблемы межэтнической толерантности (А.В. Перцев, А.В. Петрицкий, Г.У. Солдатова) и др. Несмотря на многообразие исследований по

проблемам толерантности, недостаточно изучено само понятие толерантности, ее структура, особенности, компоненты, характеристики в различных сферах жизнедеятельности человека [1, 5]. В настоящее время канадские психологи (D.Berry, R.Kalin, MPleasants и др.) предложили множественный сравнительный подход, который состоит в анализе взаимных установок со стороны представителей различных этнических общностей. Их исследования впервые акцентировали внимание на условиях, которые формируют этническую толерантность (позитивная этническая идентичность и географическая мобильность) [7, 8, 9].

В российской психологии в настоящее время разрабатываются проблемы этнической толерантности и этноцентризма (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдахова, Е.И. Шлягина и др.). Они выявили факторы, которые приводят к формированию этнической толерантности либо интолерантности, а именно: культурная дистанция и характер этнической идентичности [3, 4, 5, 6].

Наряду с этим, эмпирических исследований, посвященных проблемам этнической идентичности, проводится недостаточно. Образовательная система признается важной сферой для развития толерантных взаимоотношений в обществе. Программа развития должна основываться на принципах ответственности за воспитание толерантности, поликультурном образовании, позитивном отношении к национальному своеобразию и развитию понимания человека не только своего, но и другого этноса [2, 7]. Методами для проведения работы по формированию толерантности могут быть различные активные приемы обучения, способствующие усвоению ценностей уважения и принятия. Возникает вопрос: как концепция толерантности применима к условиям учебного образовательного процесса? В научной литературе выделяются различные критерии для проявлений особенностей толерантности. На наш взгляд, личностные особенности являются наиболее определяющими.

Для эмпирического исследования толерантности используются различные методики, построенные на разных концептуальных основаниях. В нашей работе мы считаем необходимым интеграцию разных методик по гуманистической экспертизе. На сегодняшний день становится все более актуальной проблема толерантности и развития толерантного сознания, что приводит к существенному пересмотру образовательной практики.

Цель исследования – выявление основных особенностей этнической толерантности в образовательном пространстве и факторов, влияющих на формирование толерантности-интолерантносги в студенческой среде.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что существует взаимосвязь между позитивной этнической идентичностью, уровнем этнической толе-

рантности и оценками ощущения себя представителем своего народа у студенческой молодежи.

Психологическая подготовка к межэтническому взаимодействию у студенческой молодежи на основе формирования этнической толерантности, развитие толерантных характеристик личности позволит сформировать условия для трансформаций в современном обществе.

Мы провели эмпирическое исследование по выявлению уровня этнической толерантности и этнической идентичности студентов. Общее количество респондентов – 116 человек. Методы исследования: анкетирование и тестирование.

Методики исследования: «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) [4], «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева)», тест для измерения межнациональной толерантности (В.С. Собкин, Д.В. Адамчук).

Первая методика позволяет выявить различные типы этнической идентичности как «результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко личностно значимое переживание своей этнической принадлежности» [6]. Опросник состоит из шести шкал, которые выявляют следующие типы этнической идентичности: этнонигилизм – форма идентичности, которая представляет собой неприятие собственной этнической группы; этническая индифферентность – форма идентичности, которая выражает неопределенность этнической принадлежности; норма как выражение позитивной этнической идентичности; этноэгоизм предполагает напряженность в общении с представителями других этнических групп; этноизоляционизм – тип идентичности, заключающийся в убежденности в превосходстве своего народа; этнофанатизм – это наличие готовности идти на любые возможные действия из-за этнических интересов [6]. По результатам данной методики, было получено следующее процентное соотношение по преобладающему типу этнической идентичности:

Преобладающий тип этнической идентичности	
1. Этнонигилизм	1.9%
2. Этническая индифферентность	7.7%
3. Позитивная этническая идентичность	80.7%
4. Этноэгоизм	0%
5. Этноизоляционизм	1.9%
6. Этнофанатизм	13.4%

Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева) выявляет выраженность этнической идентичности [6] в форме собственных ощущений представителем своего народа, оцененных по шкале от 1 до 5, где 1 соответствует значению «совсем не ощущаю», а 5 – «ощущаю в полной мере». По результатам данной методики, большинство респондентов (43,96%) ощущают себя представителями своей национальности в полной мере.

Тест для измерения межнациональной толерантности (В.С. Собкин, Д.В. Адамчук) выявляет уровни представленности биполярного фактора толерантности-интолерантности, который фиксирует возникающие корреляции между вопросами о проявлениях отношений к представителям других этносов. По результатам методики для измерения межнациональной толерантности среднегрупповой индекс толерантности в двух группах значительно выше, чем индекс интолерантности. Однако, у 12,9% респондентов выявлен индекс интолерантности, который равен 0,27. У значительного большинства студентов двух исследуемых групп определен тип этнической идентичности, который соответствует норме, т.е. позитивной этнической идентичности. Формы этнической идентичности: этноизоляционизм и этнофанатизм – незначительно выражены. Это свидетельствует о позитивных чувствах, отсутствии у студентов этнических негативных установок в отношении других групп .

В таблице 1 представлены данные корреляционного анализа.

Таблица 1. Данные корреляционного анализа индексов выраженности различных типов этнической идентичности и оценками ощущении себя представителем своего народа.

Типы этнической идентичности	Sig. (уровень значимости)	Критерий корреляции Пирсона
Этнонигилизм	0.028*	-0.65*
Этническая индифферентность	0.341	0.75
Позитивная этническая идентичность	0.012*	0.791
Этноэгоизм	0.084	0.321
Этноизоляционизм	0.305	-0.145
Этнофанатизм	0.199	-0.321

По результатам корреляционного анализа наличествует статистически достоверная сильная связь между толерантностью в противовес интолерантности и позитивной этнической идентичностью (Sig=0.012 и Pearson’s coefficient=0.791), а также статистически достоверная обратная

связь между толерантностью в противовес интолерантности и этнонигилизмом (Sig=0.028 и Pearson's coefficient=0.65). Таким образом, было статистически подтверждено предположение о том, что между преобладающим типом этнической идентичности и уровнем этнической толерантности прослеживается взаимосвязь, что свидетельствует о подтверждении гипотезы.

Этническая толерантность является отражением уровня культуры и важным средством достижения межэтнического мира и согласия, критерием социальной зрелости человека и его готовности к межкультурной коммуникации. Система образования, являясь важным институтом социализации, призвана не только развивать систему общепрофессиональных знаний, умений и навыков, формировать общекультурные и общепрофессиональные компетенциии, но и содействовать личностному и профессиональному росту, развивать этнопсихологическую культуру. В настоящее время развитие этнической толерантности является наиболее актуальным для личностной и профессиональной сферы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондырева С.К.* Толерантность. Учебно-методическое пособие. М.; 2003. 240 с.
2. *Кожухарь Г.С.* Проблема толерантности в межличностном общении // Вопр. психол. 2006. №2. СС. 3–12.
3. *Солдатова, Г.У., Шайгерова, Л.А., Прокофьева, Т.Ю., Кравцова, О.А*. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Г.У. Солдатова. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. М., 1998. С. 51.
5. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум / Т.Г. Стефаненко. М., 2006. СС.149–151.
6. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.
7. *Gudykunst W.B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S*. 1996. The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles Across Cultures// Human Communication Research. Vol. 22, No 4. PP. 510–543.
8. *Mara C.A., DeCicco T. L., Stroink M.L.* 2010. An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being. // The International Journal of Transpersonal Studies. 2010. № 29 (1). PP. 1–11.
9. *Wainrub C., Shaw L.A., Maiani C.* Tolerance and intolerance: children's and adolescents'judgments of dissenting beliefs, speech, persons and conduct//Child development, vol.69, 6, 1998.

PSYCHOLOGICAL FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF TOLERANCE

V. Naydenov

SUMMARY

The article identifies the values of "tolerance" construct, and the studies on tolerance phenomenon considered in various aspects are analyzed. The results of empirical study are presented here. According to the results of correlation analysis there is a positive link between the index of different types of ethnic identity and the level of ethnic tolerance, which indicates that the proposed hypothesis was proved.
Keywords: tolerance, ethnic identity, psychological factors, youth.

ЛИНГВИСТИКА

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АРЕАЛЕ БАВАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

М.Э. Буюклян

АННОТАИИЯ

Ряд лингвистов, наблюдая в последние 20–30 лет расширение социальной базы литературного языка, предсказывали диалекту постепенное исчезновение из речевой структуры немцев. Однако проведенные после 1966г. повторные социологические опросы в 1980г. и в 2007г. свидетельствуют о том, что при всех тенденциях расширения социальной базы литературного языка, баварские диалекты сохраняют свой активный статус в языковой структуре региона, а число лиц, не владеющих местным диалектом, даже несколько сократилось.

Ключевые слова: социально-демографический; расширение; диалект; речевая структура; ситуация; функция; литературный язык; языковая форма.

Как утверждают исследователи, во всех регионах ФРГ, несмотря на заметные колебания в функциональном положении диалекта по линии Юг-Север /“Süd-Nord-Gefälle” [1], наблюдаются более или менее общие закономерности в распределении условий /ситуаций/ использования либо диалекта, либо литературного языка. Говоря об этом, необходимо в самом начале подчеркнуть, что лингвисты, наблюдая в последние 20–30 лет расширение социальной базы литературного языка, предсказывали диалекту постепенное исчезновение из речевой структуры немцев.

Так, Й.Шильдт в 70-е годы писал, что диалект в основном используется еще только людьми старшего поколения, подчеркивая, что «в принципе» участь диалекта, если иметь в виду историческую перспективу /“langfristig betrachtet”/, предрешена [2]. Однако, на самом деле, если судить по ситуации в этом отношении в Баварии, то число лиц, не владеющих местным диалектом, за период с 1966г. по 1980г., когда проводился социолингвистический опрос, не только не увеличилось, но и даже несколько сократилось /в 1966г. – 19% не знали диалекта, в 1980г. – 18.7 % /. Нельзя также определенно утверждать, что с момента «формирования литературного языка у того или иного народа за диалектом обычно остается сфера бытового общения» [3], если принять во

внимание, что в Баварии в среднем каждый десятый житель во всех жизненных ситуациях, а не только в сфере бытового общения, использует местный диалект. Безусловно, М.М. Гухман справедливо подчеркивала, что «проникновение» литературного языка в сферу устного общения принципиально изменило условия применения диалекта и его «социальную значимость» [4]. Это утверждение, как это становится очевидным, следует понимать лишь как заметное уменьшение плотности тех или иных функций диалекта в совокупной речевой структуре, но не абсолютное его отступление из той или иной функциональной сферы. Одним словом, диалект, как можно заключить по языковой ситуации в Баварии, еще не превратился в средство общения только среди лиц старшего поколения или в качестве внутрисемейного языка, языка для общения с соседями, как это предсказывает западногерманский писатель В.Кемповски: «Наибольшее оправдание своего местоположения этот язык имеет там, где он живет: в разговоре через плетень /im Gespräch über den Zaun/» [5].

Оценивая взаимоотношения литературного языка и диалекта в целом, У.Аммон подчеркивал, что социальный аспект в этом распределении играет наиболее заметную роль: «При всех обстоятельствах литературный язык используется в более высоких социальных слоях чаще и им владеют более полно, чем в низших». При этом в южных регионах страны наиболее заметна тенденция использовать в устном общении среди «низших слоев» населения в основном диалект [6]. Безусловно, что в современной речевой структуре литературный язык обладает статусом наибольшей «престижности», однако функциональное распределение различных форм существования языка в целом определяется «коммуникативными потребностями в процессе производства»: чем интенсивнее межтерриториальное /großräumig/ общение, выходящее за пределы данной местности, тем более необходимым /zwingend/ является использование литературного языка. С другой стороны, сфера общественного /официального/ пребывания человека также требует от него применения литературного языка, поскольку приходится считаться с тем, что среди участников общения могут находиться лица, не владеющие местным диалектом. Соответственно этому объясняются любые отклонения от «линейной корреляции» между социальным слоем и формой языка /диалект или литературный язык/. Так, рабочие промышленных предприятий имеют радиус языкового общения более широкий, чем сельскохозяйственные рабочие, которые по этой причине чаще замыкаются на использование местного диалекта, достаточного для их узкого круга общения [7].

Показательны в этом отношении данные, полученные в результате опроса, проведенного в 1966г. среди представителей различных социальных

групп относительно того, в какой коммуникативной ситуации они используют местный диалект:

проф. группы	в семье	в кругу друзей	на работе
Рабочие	72%	64%	46%
сельхоз. рабочие	81%	74%	67%
лица, занятые в торговле, ремеслах	58%	58%	36%
служащие, чиновники	55%	51%	19%

Из приведенных данных видно, что по мере перехода к общению за пределами своей семьи использование диалекта сужается. Даже среди сельскохозяйственных рабочих, общающихся в кругу семьи преимущественно на диалекте /81%/, наблюдается уменьшение применения диалекта, когда они оказываются на работе /67% против 81%/. Наибольшее изменение здесь наступает среди служащих и чиновников, которые в семейном кругу нередко используют диалект /55%/, тогда как на рабочем месте, где они общаются с людьми из различных социальных групп, встречаются с незнакомыми и т.д., использование диалекта резко сокращается /19%/ [8].

Если говорить об отношении к диалекту различных социальных слоев и групп, то в Баварии, согласно данным, полученным в результате социологического опроса, ситуация складывается следующим образом [9]:

На вопрос «Можете ли Вы говорить на диалекте?» /в%/:

социальные группы	да	немного	нет
высшие слои	58	30	12
средние слои	71	17	12
низшие слои	93	6	1

Эти данные свидетельствуют о том, что в Баварии диалект достаточно распространен даже среди представителей высших социальных слоев /лишь 12% опрошенных заявили, что не могут говорить на диалекте/, тогда как лица, относящиеся к низким социальным слоям, практически все знают и используют местный диалект /лишь 1% опрошенных не знают диалекта/.

Характерны для Баварии и данные, относящиеся к распределению населения по возрастным группам [10].

На вопрос «Можете ли Вы говорить на диалекте?»

возрастные группы	да	немного	Нет
16-19 лет	83	14	3
20-29 лет	76	18	6
30-39 лет	74	20	6
40-49 лет	81	11	8
50-59 лет	79	12	9
свыше 60 лет	80	11	9

Эти данные показательны в нескольких отношениях. Во-первых, они не подтверждают мнение, высказанное в свое время несколько обобщенно о том, что в настоящее время диалект используется преимущественно людьми старших возрастов [11]. Напротив, согласно данным опроса, на диалекте говорят преимущественно лица младших возрастов /83% лиц в возрасте от 16 до 19 лет/, т.е. лица, еще не вступившие в активную производственную жизнь, что только подтверждает мнение, высказанное У. Аммоном, что использование диалекта ослабляется по мере врастания человека в производственную деятельность [12].

Дело в том, что лица младших возрастов еще не прервали свои обычные связи общения в кругу семьи, среди друзей, в школе и сама ситуация общения, таким образом, их не побуждает к использованию языковых форм выше, чем повседневный диалект /лишь 3% опрошенных лиц в возрасте 16-19 лет сообщили, что не знают диалекта/.

По мере участия в производственной жизни число лиц/по возрастным группам/, не могущих говорить на диалекте, несколько возрастает /до 9% среди лиц свыше 50–60 лет/. Во-вторых, число лиц, говорящих на диалекте, становится относительно меньшим в возрастных группах, связанных наиболее активно с производственной деятельностью /в среднем 75% среди лиц в возрасте 20–39 лет/, а ко времени прекращения активной производственной жизни эти цифры опять несколько увеличиваются /80% среди лиц в возрасте свыше 60 лет/.

Одновременно число лиц, не владеющих местным диалектом, остается в целом неизменным /9% опрошенных/, что свидетельствует о том, что в абсолютных цифрах число лиц «уходящих» в течение производственной жизни от диалекта, «порывающих» свои связи с ним, постепенно увеличивается /в возрасте от 16–19 лет лишь 3%/ не знали диалекта, тогда как в старших возрастных группах эта цифра постоянно увеличивалась: 30–39 лет – 6%, 40–49 лет – 8 %, 50 и выше – 9%/.

Проведенные после 1966г. повторные социологические опросы в 1980г. и в 2007 г. свидетельствуют о том, что при всех тенденциях расширения социальной базы литературного языка, баварские диалекты сохраняют свой активный статус в языковой структуре региона, а число лиц, не владеющих местным диалектом, даже несколько сократилось /1966г. – 19%, 1980г. – 18.7%, 2007г. – 18.2%/.

Таким образом, языковая ситуация в ареале баварских диалектов характеризуется тем, что местные диалекты относятся к числу наиболее устойчивых /«консервативных»/ диалектов немецкого языка, хорошо сохранившихся до настоящего времени. Эта устойчивость баварских диалектов определяется их функциональной активностью в речевой структуре региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ammon 1979 – Ammon U. Regionaldialekte und Einheitssprache in der Bundesrepublik Deutschland (BRD) // International Journal of the Sociology of Language, 179, 21, p.27.
2. Schildt 1976 – Schildt J. Abriß der Geschichte der deutschen Sprache. Berlin: Akademie - Verlag, 1976., p. 199.
3. Гухман 1970 – Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М. :Наука, 1970,с.511.
4. Гухман 1960 – Гухман М.М. Становление литературной нормы немецкого национального языка // Вопросы формирования и развития национальных языков/-Труды Института языкознания АН СССР. т. X/. М.: Наука, 1960,с. 273.
5. Schuppenhauer 1976 – Schuppenhauer C. (Hrsg.) Niederdeutsch heute: Kenntnisse–Erfahrungen-Meinungen /Schriften des Instituts für niederdeutsche Sprache. Dokumentation, 4/, Leer, 1976., p. 131.
6. Ammon 1979 – Ammon U. Regionaldialekte und Einheitssprache in der Bundesrepublik Deutschland (BRD) // International Journal of the Sociology of Language, 179, 21, pp.28-29
7. Там же, сс. 29-30.
8. Там же, с. 30.
9. Rein 1977 – Rein K. Diglossie von Mundart und Hochsprache als linguistische und didaktische Aufgabe // Germanistische Linguistik, 177,5-6, p. 217.
10. Там же.
11. Schildt 1976 – Schildt J. Abriß der Geschichte der deutschen Sprache. Berlin: Akademie - Verlag, 1976.,p.199.
12. Ammon 1979 – Ammon U. Regionaldialekte und Einheitssprache in der Bundesrepublik Deutschland (BRD) // International Journal of the Sociology of Language, 179, 21, p. 30.

SOCIAL – DEMOGRAPHIC RELATIONS IN THE ARIAL OF THE BAVARIAN DIALECTS

M. Buyuklyan

ABSTRACT

A number of linguists observing the expansion of the social basis of the literary language for the last 20–30 years predicted a gradual disappearance of the dialect from the speech habits of the Germans.
However, after 1966, repeated sociological referendums held in 1980 and in 2007 certify that notwithstanding all the tendencies of the expansion of the social basis of the literary language, the Bavarian dialects keep their active status in the linguistic structure of the region and the number of people who don't have a command of the local dialect has even decreased.
Keywords: socio-demographic, enlargement, dialect, verbal structure, situation, function, literary language, linguistic form.

ՍՈՑԻԱԼ – ՎԻՃԱԿԱԳՐԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԲԱՎԱՐԱԿԱՆ ԲԱՐԲԱՌՆԵՐԻ ԱՐԵԱԼՈՒՄ

Մ.Է. Բույուքյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Վերջին 20-30 տարիներին լեզվաբանները դիտարկելով գրական լեզվի սոցիալական բազայի ընդլայնումը գուշակել են բարբառի աստիճանական անհետացումը գերմանացիների բառապաշարից:
Սակայն 1966թ. հետո անցկացված սոցիալական հարցումները 1980 և 2007 թթ. վկայում են այն մասին, որ չնայած գրական լեզվի սոցիալական բազայի ընդլայմանը, բավարական բարբառները պահպանում են իրենց ակտիվ կարգավիճակը տարածքի լեզվական կառուցվածքում, իսկ տեղական բարբառին չտիրապետող անձանց թիվը նույնիսկ որոշ չափով նվազել է:
Հիմնաբառեր՝ սոցիալ-ժողովրդագրական, ընդլայնում, բարբառ, բանավոր կառուցվածք, իրավիճակ, ֆունկցիա, գրական լեզու, լեզվական ձև:

ЖУРНАЛИСТИКА

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА КОНВЕРГЕНЦИИ НА ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ СОВРЕМЕННЫХ РЕДАКЦИЙ

А.Х. Хачатрян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается проблема влияния процесса конвергенции на принципы организации работы редакции. За последние 10 лет появились мультмедийные и конвергентные редакции, структура и прицнип работы которых постоянно претерпевают изменения. Эти изменения касаются как жанров, так и непосредственно процессов обработки и распространения информации. Конвергентная редакция является самым передовым и перспективным видом устройства современных ньюсрумов. Она простоянно меняется, включая, при этом, в себя новые компоненты.

Ключевые слова: конвергенция, конвергентная журналистика, конвергентная редакция, мультимедиа, мультимедийная редакция, онлайн-журналистика, социальные сети, кросс-медиа, интерактивная редакция.

«Конвергентная журналистика» – относительно новое явление, которое непосредственно связано с появлением Интернета и интернет-журналистики. Данное понятие связано с важнейшими процессами и трансформациями, которым была подвергнута журналистика в конце двадцатого века, когда изменились не только стандарты работы журналиста, но и его психология. В условиях тотальной конкуренции за читателя или зрителя СМИ были вынуждены полностью поменять структуру редакции, значительно сократить временной промежуток от появления информационного повода до его распространения.

Говоря иначе, темп работы журналиста ускорился в несколько раз. Неудивительно, что многие признанные специалисты не смогли привыкнуть к новым реалиям и вынуждены были покинуть данную сферу. Оставшиеся же начали работать по запросам аудитории. А аудитория не только хотела читать, слышать или смотреть, она хотела все сразу. Отсюда и появилось понятие «мультимедийная журналистика», а также «конвергентная журналистика».

Термин «конвергенция» (от латинского «convergo» – сближаюсь, схожусь; процесс сближения, схождения в одной точке) активно

применяется во многих науках. Впервые он был использован в XVIII веке английским натурфилософом Уильямом Дерхамом.

В дальнейшем термин стал активно применяться в таких науках, как: биология, лингвистика, экономика, политология, геология. К примеру, конвергенция в экономике – сближение экономических систем, экономической и социальной политики различных стран. В биологии конвергентная эволюция – схождение признаков в процессе эволюции неблизкородственных групп организмов, приобретения ими сходного строения в результате существования в сходных условиях и одинаково направленного естественного отбора.

Во второй половине XX века, в 60–70 годы, процесс конвергенции постепенно проникает в область средств массовой коммуникации (СМК). Это было связано с техническими достижениями, прежде всего, с развитием цифровых технологий, когда появилась возможность передавать и хранить любую информацию (текстовую, аудио-, видеоинформацию) в цифровом виде. Уже тогда многие теоретики коммуникации предсказывали значительные изменения в средствах массовой коммуникации, которые непосредственно были связаны со СМИ. И именно в это время известный канадский философ, исследователь теории коммуникации Маршалл Маклюэн в работе «Галактика Гутенберга» обозначил смену эры печатной культуры, которая началась в XV веке с революционного изобретения Иоганна Гутенбера, электронной эпохой. Маршалл Маклюэн в числе других предсказывал гибель газеты в связи с появлением телевидения. Специалисты того времени полагали, что люди больше не заинтересованы в том, чтобы получать информацию из газет, учитывая возможность визуального восприятия.

Однако теоретики МК не учли опыт прошлых лет, когда радио грозило вытеснить печатные СМИ. Но газеты не только приспособились к новым реалиям, но и стали активно развиваться. По прошествии многих лет уже смело можно сказать, что печатные СМИ успели выдержать натиск цифровых технологии, отстояв свою нишу.

Маршаллу Маклюэну принадлежит известная фраза, которая во многом показывает отношение аудитории к источнику информации и самой информации: «Средство коммуникации есть сообщение»[1] [1]. Данной фразой канадский философ отмечает, что для аудитории все большее значение приобретает не столько сама информация, новость, сколько ее источник, то есть канал распространения информации. Одним из основных каналов

---

[1] *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа. Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

распространения информации на заре XX века стал Интернет. До невиданных размеров расширилась аудитория, ведь в цифровом мире нет пространственных, временных и культурных границ.

Вышеописанная ситуация относится к так называемой технологической конвергенции (technological convergence), поскольку обуславливается прогрессом в области хранения и распространения информации. Она со временем инициировала процесс экономической, социальной и культурной конвергенции в журналистике.

В итоге, современный потребитель информации был вынужден приспособиться к новым реалиям: он одновременно читает газеты, разговаривает по телефону и смотрит телевизор («мультимедийный режим работы»).

Однако к новым условиям были вынуждены приспособиться не только потребители информации, но и производители, то есть журналисты и целые редакции. Появление у газет электронных прототипов, их постепенная эволюция и превращение практически в самостоятельных СМИ, создание целых отделов для работы с видеосюжетами, привели к полной перестройке принципов функционирования редакции.

Для того чтобы лучше разобраться в особенностях организационной структуры современной редакции, следует подробно разобрать редакционную деятельность. С точки зрения теории производственной цепочки, производство – это последовательность различных процессов, от момента начала производства продукции до его передачи потребителю. В этом отношении не отличается и журналистика, где передача информации состоит из трех основных этапов: производства информации, «упаковка» информации и распространение упаковочного продукта. Каждый из этих этапов требует определенного умения.

Производство информации, несмотря на источник этой информации (это может быть ваш собственный корреспондент, который передает с места события или же анонимные источники), и место, где произошло событие, процесс исключительно самостоятельный. Обычно сбором информации занимаются корреспонденты или репортеры. Итогом этого процесса является сырой материал, который вы получаете в виде отснятого на камеру материала, записи на диктофоне, набросков, цитат вашего источника, или же фотолента, лента информационного агентства.

Все три вышеуказанных этапа взаимосвязаны друг с другом. За производством информации идет ее обработка или «упаковка» информации. В журналистике принято доверять процесс обработки информации

репортеру или корреспонденту, который добивал эту самую информацию. На этом этапе информация приводится в соответствие с форматом, в котором ей предстоит быть опубликованной. Если это газета, то, отталкиваясь от степени важности этой информации, редактор решает, на какой полосе она будет располагаться, в каком жанре будет подаваться материал. Если это телевидение, то на этом этапе происходит озвучивание сюжета, его монтаж, планирование прямого эфира, выпуска новостей. Примечательно, что на этом этапе главенствующая роль принадлежит редактору, за которым остается последнее слово. Именно он решает, в какой упаковке надо подать информацию.

Выше мы отметили, что в большинства СМИ собравший информацию репортер и занимается ее обработкой. Почему это делается? Потому что данный журналист гораздо лучше знаком со спецификой информации и, соответственно, способен богаче и компетентнее представить ее. «По сути, именно здесь осуществляется главная функция современной журналистики – определяется повестка дня. Как правило, именно процесс планирования осуществляется коллегиально: редакторы совместно с репортерами определяют темы и планируют структуру новостей, репортеры уезжают на задания, часть из них остается в редакции для работы с получаемой от информационных агентств информацией, возвращаются с «сырьем», перерабатывают его, представляют его редакторам, которые уже все компонуют в единую форму»[2] [2]. Вышеизложенный процесс специфичен в каждом виде СМИ.

На первой стадии мультимедизации меняется сам процесс производства информации. Разнообразие методов подачи информации, требования аудитории, которая обращает внимание, прежде всего, на скорость подачи информации, учитывая все это, репортер вынужден работать гораздо мобильнее и тратить меньше времени на сбор и обработку информации. Все это значительно влияет на качество подаваемого материала. В целях решения данной проблемы возникла концепция «универсального журналиста». Суть в том, что корреспондент больше не занимается обработкой информации, а занят ее сбором. Обычно, «универсальный журналист» владеет навыками работы с техникой, легко управляется с видеокамерой, успевая при этом записывать интервью на диктофон, владеет разными формами работы с материалом, он также пишет информационный текст, снимает.

[2] *Баранова Е.К.* Конвергентная журналистика. М.: Изд-во ООО «Изд-во Юрайт», 2015. С. 16.

По сути, такой журналист занимается поставкой «сырья» в редакцию, он непосредственно не занимается ее обработкой. Важной особенностью такого журналиста является его способность удовлетворять потребности всех видов СМИ, то есть он не сконцентрирован исключительно на телевидении или газете, а способен работать для всех платформ сразу.

В данном случае также отпадает необходимость быть прикрепленным к конкретному тематическому отделу, ведь журналист больше не отвечает за конечный вид информации, а только добывает ее. «Вместе с тем процесс планирования происходит у каждой платформы отдельно, отделы продолжают функционировать, как и раньше. При такой модели производства существенно экономятся ресурсы, потому как отныне один корреспондент работает и для газеты, и для интернет-платформы, и, возможно, для телевидения. Именно поэтому многие менеджеры, остановившись на этом этапе реформы, утверждают, что перешли на мультимедийную редакцию, чтобы продолжить экономить ресурсы»[3] [3].

При таком методе работы редакции значительная нагрузка падает на тематические отделы, которые есть во всех видах СМИ. Обычно, в редакциях журналисты неформально закреплены редактором за теми или иными тематическими блоками.

Следует также подчеркнуть, что отдельные рубрики, к примеру, спорт, делаются отдельными командами. Получая «сырье» от «универсального журналиста», эти отделы обязаны оперативно обработать ее и распространить по своей платформе. Успешнее всего данная система функционирует в случае интернет-ресурса, где нет такого понятия, как дедлайн, и информация может выпускаться в любое время.

Еще один переход редакционной структуры к мультимедийной – объединение стадии «упаковки» информации. В этом случает тематические отделы (культура, политика, экономика) не закреплены за отдельным СМИ, они работают для всех платформ, таким образом, становясь универсальными. То есть, отдел политики готовит новости и для телевидения, и для радио, и для газеты.

Есть третий вариант перехода к мультимедийности. В третьем случае не отдельная платформа решает, что и в какой форме заказывать у отделов, а новостные поводы распределяются по разным платформам. «В этом смысле на сами платформы возлагается лишь функция распространения контента,

[3] *Баранова Е.К* Новые реалии развития редакции, или что такое газетная конвергенция. М.: Изд-во «ИНФРА-М», 2016. С. 45.

тогда как упаковкой контента по разным платформам занимается централизованный ньюсрум. В чем плюс такой организации? Она позволяет рассматривать разные платформы как разные способы «рассказа истории», то есть предполагает, что отныне не действуют технологические ограничения для каждой платформы, потому что информационное планирование осуществляется централизованно»[4] [4].

Конвергентная журналистика серьезнейшим образом повлияла на специфику работы журналиста. XXI век стал веком «нового», или универсального журналиста. Теперь журналист не просто пишет текст, как это было принято раньше. Функции и обязанности журналиста возросли. Теперь он снимает на камеру, задает вопросы, собирает кадры, а также монтирует свой сюжет, если есть такая необходимость. «Новый» журналист стал незаменим для современной медиасреды. По данному принципу работают также некоторые армянские журналисты.

Разумеется, такой глобальный по охвату процесс, каким является процесс конвергенции, не мог не привести к изменению некоторых наиболее популярных журналистских жанров и появлению так называемых «гибридных жанров».

В итоге, информационная онлайн-журналистика сочетает в себе элементы медиаконвергенции, которое, в свою очередь, состоят из элементов различных языков: визуальных, текстовых, графических. Если телевидение дает нам возможность видеть случившееся, радио рассказывает об этом, а газета предоставляет иллюстрацию и текстовое сопровождение, то мультимедийная журналистика конвертирует все эти возможности. Многие специалисты отмечают солидный уровень развития Интернета в Армении. Время показало, что в Армении Интернет оказал определенное влияние на развитие конвергентной журналистики, но это влияние не стало определяющим.

Конвергентная редакция: создание и принципы работы

Этапы перехода от традиционной к конвергентной редакции:

– трансформация функции части сотрудников редакции, необходимость в новых должностей (редактор инфографики, продюсер, режиссер текста);

– циклы производства материалов и публикации претерпевают изменения (планирование истории сразу в нескольких форматах);

– изменение принципов продвижения материалов;

[4] *Баранова Е.К.* Конвергентная журналистика. М.: Изд-во ООО «Изд-во Юрайт», 2015. С. 25.

– расширение и развитие возможностей и способностей корреспондентов и редакторов (умение работать с видео-картинкой и аудиозаписью, умение работать в нескольких жанрах, в том числе и новых, сбор информации для составления инфографики);

– отсутствие необходимости обозначения дедлайнов;

– кросс-продвижение и конвергенция за пределами сети Интернет;

– нахождение и применение иных источников информации, включая контент пользователей;

– изменение типографии: наличие круглого стола для оперативных пленарок, одноэтажный, двухэтажный ньюсрумы.

Средства массовой информации не могут перейти от традиционной редакции к конвергентной, не поменяв внутреннюю организацию как процессов, так и типографию редакционных помещений. Общим мировым трендом является открытое горизонтальное пространство. Это, скорее, не мода, а потребность: в подобных редакциях необходимо иметь единый центр принятия решения, наладить коммуникацию между отделами, наладить каналы обмена информацией и представления обо всех жанрах, где описаны главные тренды дня.

Главные проблемы в вопросе перехода к конвергентной редакции, как не парадоксально, создают сотрудники СМИ, которые никак не хотят изменений в специфике и укладе своей работы. Суммировав опыт медиа, осуществляющих переход на конвергентную платформу, IFRA предложила свои десять принципов, которые должны быть соблюдены в процессе реорганизации редакций.

– *Принцип прецедента:* в основе изменений должно лежать реальное стремление решать стоящие перед редакцией проблемы. Для неконвергентной редакции главная проблема – выделиться из числа конкурентов за новую аудиторию. Перед руководящим составом редакции стоит важнейшая задача – убедить своих подчиненных в беспрецедентной необходимости предстоящих изменений. «Исследователи рекомендуют проговаривать с журналистами и редакторами необходимость перемен, показывая резко снижающуюся долю неконвергентных редакций на рынке, данные исследований о распределении аудитории по разным каналам передачи информации, сильные и слабые стороны реорганизации, возможные риски, изменения быта и условий»[5] [5].

– *Принцип ясности.* Обозначить ближайшие цели, четко обозначить, какие будут преобразования, рассмотреть инициативы и пожелания сотрудников редакции и четко отписать этапы.

---

[5] См.:там же. С. 79.

– *Принцип планирования.* Разработать максимально подробный план преобразований и обозначить тактику внедрения. Специалисты разработали два типа подхода к планированию и внедрению: радикальный, когда за кратчайшие сроки (обычно, несколько месяцев) осуществляется переформатирование всей работы ньюсрума и реорганизуется работа редакции. И второй подход – постепенный, подразумевающий поэтапные преобразования, подробный и растянутый во времени, изменения в том числе и ментального характера.

– *Принцип вовлеченности.* Данный принцип предполагает работу с корреспондентами. Нужно показать корреспонденту, какие новые инструменты он получает и как данный факт может повлиять на его профессиональный рост. Нужно также предоставить возможность всем сотрудникам редакции высказаться касательно преобразований и выступить со своими предложениями.

– *Принцип лидерства.* Лидерами и движущей силой перемен должны стать те люди, которые смогут «повлиять на умы людей», изменить консервативные мнения и подходы в коллективе и стать «первопроходцами». Переход к конвергентной редакции невозможен без участия неформальных лидеров коллектива, которые должны объяснять своим коллегам необходимость перемен, а также мотивировать их, показывать новые возможности, которые отрываются перед ними, показать коллегам перспективы и выгоды нового типа работы.

– *Принцип отпускания ситуации*. Подразумевает «передышку» в некий момент, когда решение о переменах уже озвучены.

Типы конвергентной редакции

– *Мультимедийная редакция*. Подобная редакция предполагает наличие редакторов для каждой технической платформы издательства. Существует два варианта мультимедийной редакции:

Несколько редакторов готовят материалы для электронного варианта газеты, который является копией печатной версии. Следует отметить, что электронный вариант может появиться как до выхода газеты в свет, так и после.

В основе работы второго вариант мультимедийной редакции лежит обратный принцип – онлайн-репортеры и редакторы производят самостоятельный контент, отличный от печатной версии газеты. В данном случае веб-сайты – относительно независимые звенья издания.

– *Кросс-медиа.* В данном виде редакции имеются тематические отделы, которые обрабатывают получаемую информацию и создают контент для всех технологических платформ.

– *Интегрированная редакция.* Планирование и производства информации в данном виде редакции происходит по принципу объединения всех новостных потоков имеющихся технологических платформах. За информационный канал отвечает не один человек, а тематический отдел. Суть данного подхода основывается на предположении, что хорошо владеющий темой сотрудник редакции сможет правильно выстроить структуру новостной истории. Именно он расставляет акценты в новостной истории и решает, на чем стоит заострить внимание.

Процесс конвергенции в журналистике начался в странах, где журналистика наиболее развита. Процесс этот продолжительный и во многом неизбежный. Оно оказывает значительное влияет на производство контента. Процесс конвергенции активно влияет не только на управление информацией, но и формирует новую бизнес-среду. Медиахолдинги составляют свой бизнес-план, основываясь на принципах и особенностях функционирования конвергентной редакции. Появление конвергентных редакции позволило не только охватить дополнительный пласт аудитории, не только доставить информацию до аудитории в виде текста, звука, визуальных эффектов, но и дало возможность медиахолдингам стать более гибкими в финансовом плане. Ведь финансовая ущербность одной ячейки редакции может компенсироваться рентабельностью второй. Электронное издание, радио, телевидение, газета в рамках одного холдинга поддерживают друг друга в том числе финансово. В связи с этим, примечательно и «свободное плавание» получаемой рекламы, ведь предоставляемая рекламодателю перспектива появления его продукции на различных площадка всегда заманчива.

Многие современные теоретики журналистики полагают, что конвергентная редакция – наиболее приемлемая и многообещающая модель развития СМИ. Конвергентные редакции выгодно отличаются хотя бы потому, что есть широкая возможность обмена информацией в рамках одной редакции. Появляется своеобразный единый информационный центр, который способствует повышению качества подаваемой информации и предоставляет возможность удовлетворить потребности в информации различных групп людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амзин А.* Новостная интернет-журналистика [Электронный ресурс]. М., 2013. 136 с. URL: http://alex-alex.ru
2. *Бакулев Г.П.* Конвергенция медиа и журналистика / Г.П. Бакулев М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания.
3. *Баранова Е.А.* Конвергентная журналистика. Теория и практика. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Изд-во «Юрайт».
4. *Баранова Е.А.* Конвергенция СМИ глазами российских журналистов-практиков // электронный журнал «Медиаскоп». Вып. №4, 2010.
5. *Вартанова Е.Л.* Конвергенция как неизбежность. О роли технологического фактора в трансформации современных медиасистем // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / Под ред. Я.Н. Засурского и Е.Л. Вартановой. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2000.
6. *Вартанова Е.Л.* Экономика онлайновых СМИ [Электронный ресурс] // Медиаэкономика зарубежных стран. Учебное пособие. М., Аспект Пресс, 2003. URL: http://evartist.narod.ru/text11/49.htm (дата обращения: 28.04.2014).
7. *Калмыков А.А.* Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [Электронный ресурс] // Вестник электронных и печатных СМИ, 16 нояб. 2011. № 16. URL: http://www.ipk.ru/index.php?id=2231 (дата обращения: 25.04.2014).
8. *Короткова Е.Н.* Мультимедийные средства массовой коммуникации: контент и технологии [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. № 70. СС. 201–205. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/multimediynye-sredstva-massovoy-kommunikatsii- kontent-i-tehnologii#ixzz32hVKfecw (дата обращения: 15.04.2014).
9. *Луканина М.С.* Текст средств массовой информации и конвергенция [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика, 2006.
10. *Пустовалов А.В.* Мультимедийность как фактор успеха: интернет-СМИ Пермского края // Журналистика в 2013 году.

THE INFLUENCE OF CONVERGENTION PROCESS ON THE PRINCIPLES OF EDITION'S WORK

A. Khachatryan

ABSTRACT

The scientific research is about the influence of convergent process on the main principles of edition’s work. Over the last 10 years several multimedia and convergent editions has appeared, structure and operation of which are constantly changing. These changes are related to both genres and directly the processing and dissemination of information. Convergent edition is the most advanced and promising types of modern newsroom. It constantly changes, including new features.

Keywords: convergent process, multimedia, convergent editions, digital journalism, social networks.

ԿՈՆՎԵՐԳԵՆՑԻԱ ՊՐՈՑԵՍԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԽՄԲԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱՇԽԱՏԱՆՔԻ ՄԿԶԲՈՒՆՔՆԵՐԻ ՎՐԱ

Ա.Խ. Խաչատրյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տվյալ գիտական աշխատանքում դիտարկվում է հետնյալ խնդիրը՝ ինչմես է ազդում կոնվերգենցիա պրոցեսը խմբագրության աշխատանքի սկզբունքների վրա: Վերջին տասնամյակում ստեղծվել են մուլտիմեդիա և կոնվերգենցիոն խմբագրություններ, որոնց կառուցվածքը և աշխատանքային սկզբունքները շատ ավելի ճկուն են և բազմապլանային: Դա վերաբերվում է թե լրագրողական ժանրերին և թե տեղեկատվության մշակման և տարածման գործընթացին: Կոնվերգենցիոն խմբագրությունը հանդիսանում է ամենաարդիական և խոստումնալից խմբագրությունը: Այն մշտական փոփոխությունների է ենթարկվում՝ ներառելով իր մեջ նոր բաղադրիչներ:

Հիմնաբառեր՝ կոնվերգենցիա, կոնվերգենցիոն խմբագրություն, մուլտիմեդիա, մուլտիմեդիա խմբագրություն, առցանց լրագրություն, սոցիալական ցանցեր, ինտերակտիվ խմբագրություն:

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абгарян Н.Г. – аспирант кафедры Международного и европейского права РАУ

Айвазян А.Ж. – соискатель кафедры Уголовного иуголовно-процессуального права РАУ

Арутюнян М.Л. – ст.преподаватель кафедры Политологии РАУ

Арутюнян Р.А. – магистр по направлению «Международная экономика»

Бабаян А. – магистр по направлению «Финансовая экономика»

Буюклян М.Э. – к.филолог.н., преподаватель кафедры Теории языка и межкультурной коммуникации РАУ

Вардазарян С.С. – к.п.н., научный сотрудник РАУ

Восканян М.А. – к.э.н., доцент, зав. кафедрой Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ

Дунамалян Н.А. – аспирант кафедры Политологии РАУ

Есаян Г.С. – аспирант кафедры Психологии РАУ

Кислицкий М.М – к. э. н, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Карян А.В. – к.э.н., доцент кафедры Экономики и Финансов РАУ, доцент кафедры Экономики и Финансов ЕГУ

Макарян Ц.М. – аспирант кафедры Экономики и финансов РАУ

Мартиросян Г.К. – преподаватель кафедры Управления, Бизнеса и Туризма РАУ

Месробян А. – к.т.н., доцент кафедры Экономики и финансов РАУ

Нагдян Р.М. – д.псих.н., доцент кафедры Психологии, научный сотрудник Международного научно-образовательного центра НАН РА

Парфенов М.И. – аспирант кафедры «Экономика социальной сферы» Уральского государственного университета физической культуры

Найденов В.Г. – соискатель кафедры Психологии РАУ

Сандоян Э.М. – д.э.н., профессор, зав. кафедрой Экономики и Финансов, директор Института Экономики и Туризма РАУ

Саркисян О.Л. – к.филос.н., доцент, зав. кафедрой Политологии РАУ

Хачатрян А.Х. – аспирант кафедры Журналистики РАУ

Ширханян С.С. – аспирант кафедры Политологии РАУ

Главный редактор *– М.Э. Авакян*

Редактор *– Ш.Г. Мелик-Адамян*

Корректор *– Э.А. Рухкян*

Компьютерная верстка *– А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 2
Подписано к печати 15.12.2016г.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 9,2 п.л. Тираж 100 экз.